

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 3 (164). Май, 2017

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор
Зам. главного редактора
С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор
Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск)	И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии архитектуры
и строительных наук (Петрозаводск)
Ю. ИНОУЭ
профессор (Токио, Япония)	П. ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
М. ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
В. М. ЛЕВИН
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика)	К. СКВАРСКА
доктор философии (Прага, Чешская Республика)
Т. П. ЛЁННГРЕН
доктор философии (Тромсё, Норвегия)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. И. МАЕВСКИЙ
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН (Москва)	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Р. ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
Н. В. ДРАННИКОВА
доктор филологических наук, профессор (Архангельск)	Е. И. ЛЕЛИС
доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. Г. КАЩЕНКО
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)	Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	И. А. РАЗУМОВА
доктор исторических наук, профессор (Апатиты)
Ю. В. КРИВОШЕЕВ
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 3 (164). May, 2017

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,

The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuneyev, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.

The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOL'SHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)	V. ORPHINSKIY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences
(Petrozavodsk)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)	P. PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
Y. INOUE
Professor (Tokyo, Japan)	I. ROMANOVSKIY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)
M. VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)	K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)
V. LEVIN
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexico)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
T. LÖNNGREN
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS
Corresponding Member (St. Petersburg)
V. MAEVSKIY
Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)	
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)	

Editorial Board

R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
N. DRANNIKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Arkhangelsk)	E. LELIS
Doctor of Philological Sciences (St. Petersburg)
P. ZAYKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
S. KASCHENKO
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)	N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
U. KILIN
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	I. RAZUMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Apatity)
YU. KRIVOSHEEV
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Самойлов Н. А.</i> Научные результаты азиатской экспедиции Ман- нергейма 1906–1908 годов	7
<i>Абуков С. Н.</i> Брак Семена Гордого с Марией Александровной в контексте московско-тверских отношений	14
<i>Волохова В. В.</i> История Братской могилы коммунистов в кон- тексте политической жизни Петрозаводска в годы Гражданской войны	19
<i>Иноземцева В. А., Черненко Е. И.</i> Институт общественной экспертизы в прак- тиках публично-властного взаимодействия: историографический обзор отечественной ли- тературы	27
<i>Кляшев А. Н.</i> Социально-демографические особенности про- тестантов – носителей финно-угорских языков в Уральском регионе	34
<i>Савицкий И. В.</i> Российская историография о вхождении Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году	43
<i>Тарасов А. Ю., Гоголев М. А.</i> Сырьевая база энеолитической индустрии рубя- щих орудий региона Онежского озера (опыт гео- химического исследования)	51
<i>Шевченко М. Н.</i> Эволюция церковно-государственных отноше- ний в России XVI–XVII веков (на примере об- ряда «шествие на ослиати» в Неделю Ваий)	60
<i>Данков М. Ю.</i> Семейный клан Марселисов на Русском Севере	65
<i>Зайцев А. А.</i> Личный архив Н. Н. Волкова как источник по изучению верований саамов	72

<i>Патраш Н. В.</i> К вопросу о восстановлении мирового суда Псковской губернии в 1917 году	78
<i>Штыкова И. С.</i> По следам неостывшей памяти: проекты воен- ных мемориалов в Карелии во второй половине 1940-х годов	86

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Кошелева М. В., Муллонен И. И.</i> Форма 1. инфинитива прибалтийско-финских «стяженных» глаголов в вепсском языке	92
<i>Шубина Н. С.</i> Функциональный потенциал конструкций конкретизирования в художественном тексте (поэзия vs. проза)	97
<i>Галай К. Н.</i> Ф. Жамм в раннем творчестве И. Эренбурга	103
<i>Захарова О. В.</i> Жанровые трансформации в «Повести о сильном богатыре Чуриле Пленковиче» В. А. Левшина	107
<i>Козин А. А.</i> «Легенда о мертвом солдате» Б. Брехта: к вопро- су об эволюции жанра	112
<i>Шилова Н. Л.</i> Юрий Казаков и Карелия (по материалам писем к Ортыё Степанову 1961–1968 годов)	115
<i>Тазетдинова М. Р.</i> Лингвистическая концепция детства в сборнике К. И. Чуковского «Маленькие дети»	121
Contents	124

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.05.2017. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 75 экз.). Изд. № 79

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ САМОЙЛОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, директор Центра изучения Китая, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
n.samoylov@spbu.ru

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МАННЕРГЕЙМА 1906–1908 ГОДОВ*

Экспедиция Карла Густава Эмиля Маннергейма в китайский Восточный Туркестан и некоторые внутренние провинции Цинской империи занимает важное место как в биографии самого Маннергейма, так и в истории изучения Центральной Азии. Об этой экспедиции написано много книг и статей. Однако авторы в основном сосредотачивались на разведывательных задачах экспедиции, уделяя мало внимания ее научным результатам. Данная статья посвящена изучению научной составляющей экспедиции Маннергейма. Рассмотрена подготовка экспедиции, показана роль Финно-угорского общества в ее организации. Исследованы контакты Маннергейма с известными русскими военными специалистами по Китаю и российскими дипломатами-китаеводами. Рассмотрен ход экспедиции, ее конкретные научные результаты, а также некоторые дискуссионные моменты. Охарактеризованы этнографические, археологические, нумизматические коллекции, собранные в ходе экспедиции и хранящиеся ныне в музеях Финляндии, а также предложены возможные пути их изучения.

Ключевые слова: Маннергейм, Китай, Россия, Центральная Азия, Финно-угорское общество, Национальный музей Финляндии

Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867–1951) – президент Финляндской Республики, маршал Финляндии и генерал Русской императорской армии, вошел в историю как выдающийся государственный и военный деятель. Его биография насыщена огромным количеством самых разнообразных событий, среди которых продолжительная и плодотворная экспедиция в Центральную Азию и западные районы Китая занимает весьма важное место. Об этой экспедиции, организованной Главным управлением Генерального штаба, написано немало книг и статей. Однако практически все авторы, в той или иной степени рассматривавшие данную тему, в основном сосредотачивали свое внимание на разведывательной составляющей Азиатской экспедиции Маннергейма. Ее научный аспект, к сожалению, незаслуженно оставался в тени. В отечественной историографии практически единственным исключением является статья академика В. С. Мясникова, затрагивающая эту тему [1]. Вместе с тем научные результаты данной экспедиции оказались очень существенными, а привезенные Маннергеймом многочисленные книги, рукописи и предметы материальной культуры, хранящиеся сегодня в музеях, библиотеках и архивах Финляндии, до сих пор ожидают своих исследователей.

Весной 1906 года начальник Главного управления Генерального штаба Русской императорской армии генерал Ф. Ф. Палицын (1851–1923) предложил Маннергейму совершить поездку из Русского Туркестана через Синьцзян, провинции Ганьсу, Шэньси и Шаньси в Пекин. Целью данной

экспедиции должны были стать сбор военно-статистических материалов и знакомство с состоянием обороны западных районов Цинской империи, с обучением и вооружением китайской армии. Кроме того, полковнику Маннергейму предстояло изучить и проанализировать эффективность проводившихся цинским правительством реформ, настроения некийтайского населения западных районов империи, роль и влияние Далай-ламы, степень активности японцев на этих территориях и отношение местного населения к России, Японии и другим государствам. Отдельно была поставлена задача изучить и проанализировать возможность и перспективность создания в городе Ланьчжоу (административный центр провинции Ганьсу) российской военной базы [2: 1–2].

В то же время, чтобы несколько завуалировать реальные цели и задачи этого путешествия, было решено придать намечавшейся экспедиции отчасти научный характер, как это часто бывало в тех случаях, когда в различные районы Азии направлялись российские военные исследователи. Первоначально предполагалось, что Маннергейм совершит свое путешествие по территории Цинской империи в составе научной экспедиции известного французского синоведа Поля Пеллиу, однако отношения между двумя исследователями не сложились, и экспедиции Маннергейма был придан самостоятельный статус.

Следует отметить, что Маннергейм очень тщательно подготовился к своему путешествию, включая и его научный аспект. Накануне путешествия он проштудировал труды самых известных исследователей Центральной Азии:

Н. М. Пржевальского, Свена Гедина, Марка Ау-реля Стейна. Очень важную роль в подготовке экспедиции и формулировании ее научных целей сыграли встречи Маннергейма с выдающимся финским ученым и организатором многих научных экспедиций сенатором Отто Доннером (1835–1909), который помог ему установить контакты с Финно-угорским обществом, ставшим с этого момента своеобразным куратором и спонсором научной части экспедиции Маннергейма.

Основанное в 1883 году в Гельсингфорсе (Хельсинки) Финно-угорское общество (*Suomalais-Ugrilainen Seura*) уже в конце XIX века обратилось к исследованиям Сибири и Центральной Азии. Обществом были организованы три научные экспедиции в российский Туркестан (в 1897, 1898 и 1899 годах), сфокусировавшие свое внимание по большей части на археологических раскопках. Правда, их результаты оказались весьма незначительными. Финансировались эти исследования в основном из личных средств Отто Доннера. В первом десятилетии XX века Финно-угорское общество начало проявлять интерес и к Восточному Туркестану.

Чтобы скрыть военно-разведывательную цель своей миссии, Маннергейм должен был позиционировать себя в качестве исследователя, собирающего этнографический и археологический материал и проводящего небольшие археологические раскопки по поручению Финно-угорского общества. По мнению современного финского ученого Тимо Салминена, «это был один из немногих случаев, когда интересы Общества и российских властей совпали» [9: 230].

Сам Маннергейм отмечал, что во время путешествия по Китаю он постоянно старался изображать из себя частного лица, и образ финского ученого-исследователя оказался как нельзя кстати. Все свои записи, включая дневник, он вел на шведском языке, полагая, что этим языком на территории Синьцзяна в то время никто не владел, включая и сопровождавших его казаков.

Джордж Маккартни, специальный помощник британского резидента в Кашмире по вопросам Китая, а в дальнейшем – генеральный консул Великобритании в Кашгаре, докладывая о прибытии в Кашгар экспедиции Пеллио, упомянул финна – барона Маннергейма, который должен был собрать археологические коллекции для музея в Гельсингфорсе¹. Чуть позже он назвал его «финским путешественником в Кашгаре». Таким образом, благодаря умелым действиям Маннергейма британская агентура, следившая за всеми перемещениями русских в районе границы с Китаем, абсолютно проигнорировала военно-разведывательную миссию полковника Маннергейма [10: 60].

Следует отметить, что Отто Доннер не только помог Маннергейму установить контакты с Финно-угорским обществом, но и сыграл важнейшую роль в придании экспедиции научно-исследовательской составляющей. Именно он помог Маннергейму сформулировать научные цели его экс-

педиции и разъяснил методику сбора материалов. Он же связал его с членами попечительского совета коллекции Антелля в Гельсингфорсе², благодаря которым Маннергейм получил инструкции по сбору археологических и этнографических материалов, ксилографов, рукописей и их фрагментов, копированию древних надписей, а также рекомендации по наблюдению за жизнью и бытом малоизвестных народов, населявших западные районы Цинской империи.

В результате, помимо финансирования экспедиции Генеральным штабом, ему были обещаны дополнительные средства на научные исследования, выделенные Финно-угорским обществом, попечительским советом коллекции Антелля и статс-секретариатом Великого княжества Финляндского [10: 62].

Попечители коллекции Антелля смогли добиться выделения средств Государственного исторического музея (впоследствии он был переименован в Национальный музей Финляндии) на приобретение различных древностей и этнографических артефактов, собранных Маннергеймом. Однако, поскольку китайская культура в то время почему-то считалась уже хорошо изученной, собственно китайские вещи были исключены из этого перечня.

Множество важных советов и рекомендаций Маннергейм также смог получить в ходе бесед с финским лингвистом и востоковедом Густавом Рамstedтом (1873–1950), который за год до того совершил путешествие к торгутам, проживавшим на Юлдузской равнине [3: 8–9].

19 июня 1906 года Маннергейм выехал из Петербурга и 5 июля прибыл в Ташкент, где должен был встретиться с представителями Туркестанского военного округа, чтобы более досконально изучить ситуацию в приграничных районах. Там он имел встречу с Туркестанским генерал-губернатором Деаном Ивановичем Суботичем (1852–1920) – опытным военным аналитиком, хорошо разбиравшимся в положении дел в различных регионах Азии³. После службы на Кавказе Д. И. Суботич был направлен на Дальний Восток. С июня 1897 по август 1898 года он был военным губернатором Приморской области, а после вступления в силу российско-китайского соглашения об аренде Порт-Артура в 1898 году был назначен первым начальником Квантунской области. В 1901–1902 годах занимал пост начальника Закаспийской области, а в 1902–1903 годах – должность Приамурского генерал-губернатора. На этих постах он уделял пристальное внимание научным исследованиям, по его инициативе в Хабаровске был создан съезд видных деятелей этого края, где обсуждались актуальные вопросы развития промышленности, сельского хозяйства, торговли, путей сообщения, связи, пушного промысла, медицины и народного образования на российском Дальнем Востоке, а также условия жизни коренного населения этого региона⁴. В 1905–1906 годах Д. И. Суботич занимал

должность Туркестанского генерал-губернатора. Находясь на этом посту, он придавал большое значение изучению языков и обычаев местного населения. По его указанию был подготовлен и опубликован «Сборник материалов по вопросу об изучении местных языков служащими по военно-народному управлению Туркестанского края».

Там же, в Ташкенте, Маннергейм встретился с полковником Лавром Георгиевичем Корниловым (1870–1918), военным разведчиком и уже хорошо известным к тому времени исследователем Азии [1: 176]. Дело в том, что в 1899 году Л. Г. Корнилов был командирован в китайскую провинцию Синьцзян с целью сбора данных военно-разведывательного характера и проведения там научных исследований⁵. По итогам этой экспедиции им была написана книга «Кашгария или Восточный Туркестан»⁶, получившая очень высокие оценки как военных аналитиков, так и видных отечественных востоковедов, включая академика В. В. Бартольда. Поскольку Маннергейму предстояло совершить путешествие практически по тем же районам Западного Китая, по которым до этого смог проехать Корнилов, их беседы и советы опытного исследователя имели чрезвычайно важное значение. А когда Маннергейм, завершив свою экспедицию, добрался до Пекина, Корнилов встречал его там уже в должности военного агента (атташе) при российской дипломатической миссии и помогал в составлении отчета об экспедиции.

В Кашгаре, на территории Синьцзяна, Маннергейм окончательно расстался с Пеллио и в дальнейшем путешествовал самостоятельно. Кашгар (современное китайское название – Каши) в то время был важным стратегическим и торговым центром Восточного Туркестана. Располагавшееся там Российское консульство на протяжении многих лет оказывало большую помощь и содействие русским и иностранным экспедициям, путешествовавшим по Китаю и Центральной Азии. Здесь в разные годы останавливались Г. Е. Грум-Гржимайло, Б. Л. Громбчевский, Свен Гедин, Марк Ауфельд, Готфрид Мерцбахер. Российские дипломаты, служившие в Кашгаре, по большей части имели профессиональную востоковедную подготовку, великолепно разбирались в положении дел в западных районах Цинской империи, хорошо знали жизнь и быт народов, населявших эти территории.

В Кашгаре Маннергейм пробыл более месяца. Это время он использовал для дальнейшего погружения в действительность Центральной Азии и усиленных занятий китайским языком [2: 3]. Большую помощь в ознакомлении с ситуацией в Синьцзяне ему оказал генеральный консул Российской империи в Кашгаре Сергей Александрович Колоколов (1868–1921) – китаевед, выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, ученик академика

В. П. Васильева. Маннергейм писал в своем отчете: «В гостеприимном доме С. Г. и С. А. Колоколовых я нашел самый теплый прием и за успешность своих первых шагов по китайской территории я многим обязан любезному содействию и глубокому знанию края последнего» [2: 3].

На протяжении всего дальнейшего пути Маннергейм занимался не только сбором разведывательной информации, но и активными научными изысканиями. Основные находки были сделаны Маннергеймом в Синьцзяне. Древности, купленные им у местных жителей в районе Хотана, включали 76 монет, небольшое количество текстов и фрагментов на санскрите и хотанском языке, геммы и терракотовые изделия. Маннергейм также принял участие в археологических раскопках в районе Кульджи, которые проводил секретарь российского консульства А. А. Дьяков [7: 215]. Проезжая через территории, населенные торгутами и киргизами, он сфотографировал большое количество надписей и наскальных рисунков. Там же им было собрано множество предметов, имевших этнографическое значение (по некоторым оценкам, 1200 предметов) и относившихся к различным аспектам культуры и повседневной жизни сартов, уйгуров, казахов, киргизов, юйгуров («желтых уйгуров»), тибетцев и китайцев. Он также приобрел у местных жителей значительное количество фрагментов текстов на китайском языке, а также документы на уйгурском и среднеперсидском языках. Вероятно, они были найдены в руинах близ Турфана.

В. С. Мясников отмечает, что Маннергейм много времени уделял антропологическим исследованиям, кроме того, именно ему «принадлежит заслуга открытия текстов на древнеиндийском языке и на одном из североиранских наречий (сакском)» [1: 178]. Научную значимость уникальных текстов, привезенных Маннергеймом из Китая, в свое время высоко оценил известный финский востоковед и лингвист Густав Рамстедт, посвятивший специальную статью найденному Маннергеймом буддийскому тексту, написанному монгольским квадратным письмом пагс-па⁷.

В истории экспедиции Маннергейма есть один эпизод, касающийся ее научного аспекта, который не перестает занимать современных ученых и вызывает активные дискуссии. «Тайна упущенной возможности» – так именует случившееся финский ученый А. Ратиа [8]. За время своего путешествия Маннергейм неоднократно встречал следы деятельности других исследователей Азии. В октябре 1907 года его путь пересек караван британского ученого венгерского происхождения Марка Ауфельда (1862–1943), который, обнаружив в 25 км от Дуньхуана храмовый комплекс Цяньфодун (Пещера тысячи будд), вывез оттуда множество старинных рукописей и ксилографов, включая древнейшую из сохранившихся печатных книг – «Алмазную сутру» (ок. 868 г. н. э.). Он отправил 24 коробки с найденными

документами и живопись по шелку в Британский музей. Кроме того, Стейн снял со стен пещерного комплекса уникальные раннебуддийские фрески и вывез их в Дели. На протяжении всего путешествия Маннергейм двигался приблизительно в том же направлении и постоянно видел следы, оставленные Стейном: «В этом районе я видел триангуляционные знаки, поставленные на многих возвышенностях. Мне объяснили, что они были поставлены английским путешественником Штейном (так написано в отчете. – Н. С.) незадолго до меня» [2: 4]. Описывая в своих заметках эпизод, связанный с приобретением у местных жителей старинных предметов, он также заметил, что «любые находки, имевшие хоть какую-нибудь ценность, несомненно, уже были вывезены хорошо известным археологом доктором Стейном, который посетил эту местность за несколько месяцев до меня» [7: 89].

Войдя в провинцию Ганьсу, небольшой караван Маннергейма 14 ноября 1907 года достиг Дуньхуана [7: 407] и пробыл там несколько дней. Финские историки активно спорят о том, почему же Маннергейм, находясь в непосредственной близости от Пещеры тысячи будд, так и не посетил ее, не обогатив таким образом собранные им коллекции за счет уникальных рукописей и других предметов из комплекса Цяньфодун. Тем более что Стейн, вывезя огромное количество древностей, оставил там еще тысячи предметов, а Пеллио прибыл в этот район лишь в феврале 1908 года. Финскими учеными было предложено несколько объяснений так называемого бездействия Маннергейма в Дуньхуане, но ни одна из высказанных версий не является общепринятой и полностью убедительной.

Следует заметить, что в путевых записях Маннергейма подробно описан город Дуньхуан, его географическое положение, планировка и оборонительные укрепления, сказано немного об административном управлении, экономике и населении. Маннергейм даже начертил подробный план города (см. [7: 410]). В его отчете имеется интересное наблюдение относительно положения дел в сфере местной торговли: «Дуньхуан – последний пункт, где местные подданные из сартов являются как в Хами, Турфане и некоторых других городах Китайского Туркестана, если не монополистами крупной экспортной торговли, то, во всяком случае, самыми крупными местными торговцами» [2: 42]. В дневниковых записях он упоминает также одного сарта – А. Аскарбаева – русского подданного, который ежегодно продавал здесь русских товаров на 10000 ланов⁸.

В записках Маннергейма присутствует и мимолетное упоминание о храмовом комплексе Цяньфодун, а также несколько сбивчивое изложение неблагоприятных сопутствующих обстоятельств. Согласно дневниковой записи за 20 ноября 1907 года, сделанной в Аньси, хорошая погода в дни пребывания в Дуньхуане сменилась ненастьем: «Мы покинули Дуньхуан рано утром

18-го. За время моего пребывания там погода резко ухудшилась, и началось первое похолодание. 16-го числа погода была крайне скверной. Температура упала ниже нуля, и подул восточный ветер, поднявший тучи песка и пыли. Я намеревался посетить мяо (храм. – Н. С.), называвшийся Цяньфодун, расположенный в горном ущелье к югу... Однако фазаны и джейраны были уж слишком соблазнительны. Я не мог удержаться от желания поохотиться на них... Потратив много времени на охоту, мы добрались до входа в ущелье, когда солнце уже опустилось настолько низко, что нам ничего не оставалось, кроме как, отказавшись от “тысячи богов”, постараться отыскать караван-сарай до наступления темноты» [7: 415].

В связи с этим современный финский историк Харри Хален обратил внимание на то, что вместо того, чтобы отправиться к храмовому комплексу Цяньфодун, Маннергейм целый день посвятил охоте на фазанов и джейранов, и отметил, что «если бы у Маннергейма был более квалифицированный повар, он, вероятно, отправился бы в гроты Могао, вместо того, чтобы охотиться», и смог бы обнаружить там много ценных рукописей до прибытия Пеллио. «Таким образом, великое научное открытие было обменено на жаркое из фазана и газели», – сокрушается Хален [4: 115].

Однако А. Ратиа полагает, что у Маннергейма были более серьезные причины непосещения Пещеры тысячи будд. Поскольку главной задачей экспедиции все же являлась военная разведка, Маннергейм не мог потратить время на сбор древних рукописей в гротах Могао. Таким образом, по мнению Ратиа, обязательство Маннергейма перед российским Генеральным штабом оказались для него важнее научных интересов. Кроме того, Ратиа указывает на наметившийся недостаток финансовых средств и сложности во взаимоотношениях с местной китайской администрацией в случае транспортировки древних текстов [8].

Таким образом, вырисовывается целый комплекс причин того, почему Маннергейм не стал вторым европейцем после Стейна, посетившим пещеру Могао и весь комплекс Цяньфодун, не опередил Пеллио и не вписал свое имя в число первооткрывателей дуньхуанских рукописей. Действительно, перед ним в тот момент стояли две важные задачи: обследование Хэси цзоулан («Коридор к западу от реки Хуанхэ», или Ганьсуский коридор – горный проход, соединявший Синьцзян с внутренними районами Циньской империи) и посещение Ланьчжоу с целью изучения возможностей для создания в этом городе русской военной базы, и он должен был их выполнить. К этому можно прибавить нехватку финансов, резко ухудшавшуюся погоду и необходимость за счет охоты пополнить запасы продовольствия. Следует также упомянуть и сложную криминогенную обстановку в данном районе, особенно в окрестных горах, о чем писал

Маннергейм в своем отчете: «В Дуньхуане я застал только что улегшиеся волнения на экономической почве, направленные на этот раз против местного представителя богдыхана. Местные милиционные войска отказались действовать против толпы, которая вломилась в дом мандарина, убив при этом 2-х – 3-х сторожей. К моему приезду все уже успокоилось, и главари бежали в горы» [2: 42–43].

Однако, по нашему мнению, Маннергейм попросту не захотел связываться в так называемую археологическую лихорадку, в которую в то время были втянуты многие иностранные исследователи Центральной Азии и Китая и которая привела к тому, что уникальные памятники местной культуры ящиками вывозились за пределы страны без ведома официальных властей, оседа в европейских коллекциях. Не исключено, что полковник Маннергейм пожелал быть выше этой «гонки за древностями», продолжая приобретать исторические и этнографические артефакты законным образом.

Научные коллекции, собранные Маннергеймом во время Азиатской экспедиции, были в дальнейшем переданы им Финно-угорскому обществу и в настоящее время находятся в музейных и библиотечных хранилищах Хельсинки. Лишь небольшая их часть экспонируется. Огромная коллекция фотографий хранится в фотоархиве Музейного управления (Museovirasto).

В 1999 году этнографические коллекции Финно-угорского общества и Национального музея Финляндии были объединены в новом Музее культур, разместившемся во Дворце тенниса в центре Хельсинки. Многие предметы, собранные Маннергеймом во время путешествия по Центральной Азии, заняли там достойное место. Однако в мае 2013 года, когда истек срок аренды, Музейное управление не стало ее продлевать, и экспозиция была перемещена в Национальный музей, где происходит ее реорганизация. Остается надеяться, что в обозримом будущем результаты научной экспедиции Маннергейма вновь станут доступными для обозрения.

За время путешествия Маннергеймом была собрана большая коллекция предметов быта и одежды различных народов Центральной Азии, которая сейчас хранится в фондах Национального музея Финляндии. Там представлены образцы женской шелковой одежды сартов, головные уборы торгутов, войлочные ковры казахов из Турфана, женские кожаные сапоги из Хотана [3: 63–67]. Очень ценными считаются 50 предметов, принадлежащих проживавшим в Синьцзяне торгутам – близким родственникам калмыков.

Существенно то, что сбор этнографических артефактов Маннергейм начал еще на территории российского Туркестана. Летом 1906 года он совместно с Пеллио посетил в долине реки Алай жившую там на покое бывшую правительницу алайских киргизов – «Алайскую царицу» Курманжан-датка, встречавшуюся еще с генера-

лом Скобелевым, и сделал несколько фотоснимков 96-летней женщины верхом на коне [7: 26]. Именно там он приобрел изысканный киргизский женский головной убор – *кеп-такыя* [11] и много других предметов одежды и быта киргизов.

Маннергейм привез из Китая два китайских бронзовых зеркала, которые были созданы либо в конце правления династии Мин, либо в начале Цин, то есть в промежутке между 1500 и 1800 годами [3: 90–91].

Коллекция драгоценных камней, собранная Маннергеймом, состоит из гемм и бус, которые были приобретены в основном в Восточном Туркестане. К наиболее древним экспонатам относятся бусы из сердолика и агата. Много изделий из нефрита [3: 77–85]. Бусы и геммы приобретались на караванных путях, где они были не только наиболее ходовым товаром, но часто играли роль разменной монеты при торговых сделках.

Нумизматическая часть коллекции Маннергейма особенно интересна и состоит из 250 идентифицируемых монет, а также 50 корродированных или полностью затертых, которые в настоящее время невозможно атрибутировать. Большинство из этих монет было найдено или приобретено в районе Хотана. Наибольший интерес представляют 76 «сино-кхароштийских» монет («Sino-Kharoshtri coins») из Хотана [3: 117–118] (двуязычные монеты, где на аверсе присутствует надпись с использованием письма кхароштки⁹, а на реверсе – иероглифическая надпись на китайском языке). Эти монеты также известны как «хотанские лошадиные монеты», так как на аверсах многих из них можно увидеть изображение лошади, хотя на некоторых изображен двугорбый верблюд. Всего в мире насчитывается 350 «сино-кхароштийских» монет, 250 из которых находятся в Британском музее, поскольку самая большая коллекция таких монет была собрана и привезена в Великобританию Стейном. Ввиду этого коллекция Маннергейма поистине уникальна и является второй в мире по количеству «сино-кхароштийских» монет после коллекции Стейна. В собрании Маннергейма также присутствуют согдийские, карахандские, чагатайские и даже кушанские монеты. Собранные им китайские монеты относятся к различным историческим эпохам и включают две монеты в форме ножа (*дао би*), шесть монет в форме лопаты (*бу би*) и 94 круглые монеты [3: 119]. Обе монеты *дао би* можно отнести к эпохе Чуньцю, они похожи на те, что имели хождение в царстве Ци на полуострове Шаньдун, и датируются 600–400 гг. до н. э. Одна из монет в форме лопаты была отчеканена в период «Сражающихся царств» (ее датируют 350–250 гг. до н. э.), а остальные пять *бу би* – в годы правления узурпатора Ван Мана (9–23 гг. н. э.).

Большинство собранных Маннергеймом книг и рукописей на восточных языках было передано им Финно-угорскому обществу. Эта книжная коллекция, ныне хранящаяся в Национальной

библиотеке Финляндии, включает сотни фрагментов китайских и уйгурских буддийских текстов, некоторые из них относятся еще к периоду правления в Китае династии Тан (618–907), а также монгольские рукописи, китайские и тибетские рисунки, маньчжурские надписи [5: 118–121].

После возвращения из путешествия по Центральной Азии Маннергейм оставил себе лишь небольшое количество предметов восточного искусства, в основном связанных с тибетским буддизмом. В настоящее время они хранятся в Доме-музее Маннергейма в Хельсинки, также представляя большой интерес для исследователей [6].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что Азиатская экспедиция Маннергейма 1906–1908 годов имела важное научное значение, и ее результаты не полностью оценены даже сегодня. Многие еще требуют дальнейшего скрупулезного изучения, на что в последнее время обратили внимание и китайские ученые. Выступая на открытии китайско-финского научного симпозиума в Урумчи, один из крупнейших китайских историков Ма Дачжэн отмечал, что, к сожалению, экспедиция Маннергейма оказалась забытым эпизодом изучения Синьцзяна в начале XX века [12: 1].

Можно констатировать, что успех экспедиции был обусловлен тем, что она была тщательно продумана и подготовлена. Полковник Маннергейм, не имевший к моменту организации экспедиции достаточной научной подготовки, благодаря общению с известными финскими учеными (Отто Доннером, Густавом Рамstedтом и др.) и русскими востоковедами и военными исследователями (Л. Г. Корниловым, С. А. Колоколовым), сумел за

очень короткий срок овладеть навыками полевых научных исследований и расширил теоретическую базу своих знаний о Китае и Центральной Азии, что было дополнено основательной проработкой научной литературы.

На протяжении всей экспедиции Маннергейм скрупулезно отбирал необходимый материал и старался максимально использовать все представлявшие ему по ходу экспедиции возможности (единственное исключение и вероятные причины того, что произошло в районе Дуньхуана, были рассмотрены выше). Результаты экспедиции были подробно изложены Маннергеймом в его отчете [2] и других записях. Академик В. С. Мясников особо отмечает, что все «китайские названия, имена и термины [в отчете] даются в точной транскрипции, поскольку были выверены в Посольстве в Пекине опытными китаеведами Н. Ф. Колесовым и И. С. Бруннертом» [1: 179]. Учитывая, что в то время многие военные исследователи, путешественники и журналисты не слишком заботились о правильности написания китайских имен и названий, следует признать, что и в этом вопросе Маннергейм проявил себя с наилучшей стороны, что серьезно облегчает работу современным исследователям его научного наследия.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что на повестке дня сегодня стоит вопрос о развертывании нового этапа комплексного изучения и углубленного анализа научного наследия Азиатской экспедиции Маннергейма, к чему могут быть привлечены ученые Финляндии, России и Китая.

* Статья подготовлена на основе материалов, собранных в ходе научных командировок в Хельсинкский университет по программе межвузовского научного обмена СПбГУ в 2015–2017 гг. Автор также выражает свою благодарность сотрудникам Национального музея Финляндии и господину Харри Халену за предоставленную возможность лично ознакомиться с уникальными материалами по этой теме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маннергейм в своих записках также упоминал о встрече с Маккартни, которая произошла в Кашгаре. Он высоко оценил осведомленность британского резидента в китайских делах и отметил, что тот «знает страну, ее народ и историю, как никто другой из европейцев» [7: 47].

² Херман Фритьоф Антель (1847–1893) – финский офтальмолог, коллекционер и благотворитель, уроженец города Васа, прославился пожертвованием своей коллекции живописи, состоявшей из 44 картин, а также предметов этнографического и археологического характера Художественному обществу Финляндии. Вместе с другими собраниями его коллекция составила основу музея Атенеум в Хельсинки. Исполнение его воли осуществлял специально созданный попечительский совет.

³ Подробнее см.: Самойлов Н. А. Россия и Китай в геополитической концепции генерала Д. И. Суботича // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI века: Тезисы докладов VIII Международной научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 7–9 октября 1997 г.). Т. 2. М., 1997. С. 187–191.

⁴ Труды IV Хабаровского съезда, созванного приамурским генерал-губернатором Д. И. Суботичем. 1903 г. / Под ред. Н. В. Слюнина. Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1903. 262 + 3 с.

⁵ Подробнее см.: Самойлов Н. А. Азия (конец XIX – начало XX века) глазами русских военных исследователей (по материалам Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина, П. Н. Краснова) // Страны и народы Востока. Вып. 28. СПб.: Центр Петербургское Востоковедение, 1994. С. 292–324.

⁶ Корнилов Л. Г. Кашгария или Восточный Туркестан: Опыт военно-статистического описания. Ташкент: Типография штаба Туркестанского военного округа, 1903. 445 с.

⁷ Ramstedt G. J. Ein fragment mongolischer quadratschrift // Journal de la Société Finno-Ougrienne. № 27 (3). Helsinki, 1912.

⁸ Лан (лянь) – китайская денежная единица и мера веса периода династии Цин, содержавшая около 37,3 г серебра, в то время его курс колебался от 1 р. 50 коп. до 1 р. 80 коп.

⁹ Кхарошхи – письменность, распространенная в Северной Индии и на юге Средней Азии (Бактрия и Согдиана) на рубеже нашей эры; полуалфавитное, полуслоговое письмо, предположительно произошедшее от арамейского алфавита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мясников В. С. По следам Маннергейма // Мясников В. С. Кастальский ключ китаевода: Соч. в 7 т. Т. 6. М.: Наука, 2014. С. 173–181.
2. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXI. Предварительный отчет о поездке, предпринятой по Высочайшему повелению через Китайский Туркестан в северные провинции Китая в г. Пекин, в 1906-7 и 8 гг., полковника барона Маннергейма. СПб.: Изд. Главного Управления Генерального штаба, 1909. 173 с.
3. C. G. Mannerheim in Central Asia 1906–1908 / Ed. by Petteri Koskikallio, Asko Lehmuskallio. Helsinki: National Board of Antiquities, 1999. 128 p.
4. Halén H. Baron Mannerheim hunt for ancient Central Asian Manuscripts // *Studia Orientalia*. № 87. Helsinki, 1999. P. 109–116.
5. Halén H. Handbook of Oriental Collections in Finland: Manuscripts, Xylographs and Russian Minority Literature. London and Malmö: Curzon Press, 1978. 295 p.
6. Halén H. Koti Kaivopuistossa. Mannerheimin yksityiskokoelman esineistöä Aasian-matkalta 1906-08 ym. Helsinki: Turpan Näshriyati, 2006. 49 p.
7. Mannerheim C. G. Across Asia from West to East in 1906–1908. Helsinki: Otava Publishing Company, 2008. 821 p.
8. Ratia A. Mannerheim's Central Asian Expedition // International Dunhuang Project News Issue #15. URL: http://idp.bnf.fr/archives/news15/idpnews_15.a4d (accessed 12.04.2017).
9. Salminen T. In between research, the ideology of ethnic affinity and foreign policy: The Finno-Ugrian Society and Russia from the 1880s to the 1940s // The Quasiquicentennial of the Finno-Ugrian Society. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 258. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 2009. S. 225–262.
10. Screen J. E. O. Mannerheim: the Years of Preparation. London: C. Hurst & Company, 2001. 159 p.
11. Virtual Collection of Asian Masterpieces. Headdress of Kirghis Woman. URL: <http://masterpieces.asemus.museum/masterpiece/detail.nhn?objectId=12440> (accessed 28.04.2017).
12. 芬兰探险家马达汉新疆考察研究 / 马大正, 厉声, 徐建英主编. 哈尔滨: 黑龙江教育出版社, 2007. 352 页. [Сборник научных трудов, посвященных изучению Синьцзяна финским исследователем Маннергеймом / Под ред. Ма Дачжэна, Ли Шэна и Сюй Цзяньина. Харбин: Хэйлунцзянское издательство «Просвещение», 2007. 352 с.]

Samoylov N. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

SCIENTIFIC RESULTS OF MANNERHEIM'S EXPEDITION IN ASIA, 1906–1908

Carl Gustav Emil Mannerheim's expedition in Chinese (Eastern) Turkestan and in some internal provinces of the Qing Empire occupies an important place, both in the biography of Mannerheim himself and in the history of explorations in Central Asia. Many books and articles have been written about this expedition. However, the authors mainly devote their attention to the reconnaissance tasks of the Chinese expedition, paying little, if any, attention to its scientific results. This article focuses on studying the scientific aspect of the Chinese expedition of Mannerheim. The question of preparing the expedition and the role of the Finno-Ugrian society in its organization are of primary consideration. Mannerheim's contacts with the well-known Russian military specialists in China and Russian diplomats-sinologists are also studied. The course of the expedition, its factual results, as well as some disputable points are analyzed. Ethnographic, archaeological, numismatic collections gathered during the expedition and now stored in Finnish museums are described, and feasible approaches to their study are suggested.

Key words: Mannerheim, China, Russia, Central Asia, Finno-Ugrian Society, National Museum of Finland

REFERENCES

1. Myasnikov V. S. In the footsteps of Mannerheim [Po sledam Mannergeyma]. *Myasnikov V. S. Kastal'skiy klyuch kitaevoda: Soch. v 7 t. T. 6*. Moscow, Nauka Publ., 2014. P. 173–181.
2. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp. LXXXI. Predvaritel'nyy otchet o poezdke, predprin'yatoy po Vysochayshemu poveleniyu cherez Kitayskiy Turkestan v severnye provintsii Kitaya v g. Pekin, v 1906–7 i 8 gg., polkovnika barona Mannergeyma* [Collection of Geographical, Topographical and Statistical Materials for Asia. Vol. LXXXI. Preliminary report on the trip undertaken by Imperial Order across Chinese Turkestan and the Northern provinces of China to Peking in 1906–07 and 1908]. St. Petersburg, Izd. Glavnogo Upravleniya General'nogo shtaba, 1909. 173 p.
3. C. G. Mannerheim in Central Asia 1906–1908 / Ed. by Petteri Koskikallio, Asko Lehmuskallio. Helsinki: National Board of Antiquities, 1999. 128 p.
4. Halén H. Baron Mannerheim hunt for ancient Central Asian Manuscripts // *Studia Orientalia*. № 87. Helsinki, 1999. P. 109–116.
5. Halén H. Handbook of Oriental Collections in Finland: Manuscripts, Xylographs and Russian Minority Literature. London and Malmö: Curzon Press, 1978. 295 p.
6. Halén H. Koti Kaivopuistossa. Mannerheimin yksityiskokoelman esineistöä Aasian-matkalta 1906-08 ym. Helsinki: Turpan Näshriyati, 2006. 49 p.
7. Mannerheim C. G. Across Asia from West to East in 1906–1908. Helsinki: Otava Publishing Company, 2008. 821 p.
8. Ratia A. Mannerheim's Central Asian Expedition // International Dunhuang Project News Issue #15. URL: http://idp.bnf.fr/archives/news15/idpnews_15.a4d (accessed 12.04.2017).
9. Salminen T. In between research, the ideology of ethnic affinity and foreign policy: The Finno-Ugrian Society and Russia from the 1880s to the 1940s // The Quasiquicentennial of the Finno-Ugrian Society. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 258. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 2009. S. 225–262.
10. Screen J. E. O. Mannerheim: the Years of Preparation. London: C. Hurst & Company, 2001. 159 p.
11. Virtual Collection of Asian Masterpieces. Headdress of Kirghis Woman // URL: <http://masterpieces.asemus.museum/masterpiece/detail.nhn?objectId=12440> (accessed 28.04.2017).
12. 芬兰探险家马达汉新疆考察研究 / 马大正, 厉声, 徐建英主编. 哈尔滨: 黑龙江教育出版社, 2007. 352 页. [Сборник научных трудов, посвященных изучению Синьцзяна финским исследователем Маннергеймом / Под ред. Ма Дачжэна, Ли Шэна и Сюй Цзяньина. Харбин: Хэйлунцзянское издательство «Просвещение», 2007. 352 с.]

Поступила в редакцию 28.12.2016

СЕРГЕЙ НАВИЛЬЕВИЧ АБУКОВ

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории, Донецкий национальный университет (Донецк, Донецкая Народная Республика)
legusha@list.ru

БРАК СЕМЕНА ГОРДОГО С МАРИЕЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ В КОНТЕКСТЕ МОСКОВСКО-ТВЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена одному из ключевых браков, заключенных между представителями двух ведущих центров – Москвы и Твери, сыгравшему важную роль в политических отношениях в Северо-Восточной Руси в середине XIV века. Автор анализирует причины и обстоятельства, приведшие к заключению брака, интересы сторон, а также его последствия. Уделено внимание вопросу передачи по духовной грамоте московского князя Можайско-Коломенского удела вдове Марии. Рассматривается частота московско-тверских браков как особое явление, не имеющее аналога на Руси.

Ключевые слова: Семен Гордый, Мария Александровна, Москва, Тверь, брак, родство, князь, духовная грамота

Годы правления великого князя владимирского и московского Семена Ивановича Гордого (1340–1353) стали временем дальнейшего укрепления позиций Москвы в Северо-Восточной Руси, заложенных в правление его отца. Московские князья прочно обладали титулом великого князя владимирского, и никто не решался силой оспорить их первенство. Этот период ознаменовался стабилизацией московско-тверских отношений. Острое соперничество за лидерство сменилось «ремиссией», одним из ярких проявлений которой стало заключение брака между Семеном Гордым и дочерью казненного в Орде тверского князя Александра Михайловича Марией. Сам брак важен не только в рамках сложных и неоднозначных московско-тверских отношений в середине XIV века, ситуации внутри московской правящей элиты и предсмертных распоряжений Семена Ивановича, зафиксированных в его духовной грамоте. Одним из них является судьба Коломенско-Можайского удела, переданного по воле завещателя его вдове Марии и оказавшегося затем у ее деверя Ивана Красного. Важно рассмотреть этот брак в общем контексте брачной политики московских князей с Тверью.

Обстоятельства заключения второго в истории брака между московскими и тверскими князьями скупно представлены в летописях. Что касается судьбы Коломенско-Можайского удела, то единственным нашим источником являются места испорченная духовная грамота Семена Гордого [5: 13–14]. Круг вопросов, связанных с московско-тверскими браками, в разной степени затрагивали в своих исследованиях многие крупнейшие историки, среди которых Н. М. Карамзин [7], С. М. Соловьев [11], А. В. Экземплярский¹, М. Н. Тихомиров [12], А. Е. Пресняков [10], В. А. Кучкин [9], Э. Клюг [8]. Наиболее полную характеристику брачного альянса дал Л. В. Черепнин: «Политический союз Тверского княже-

ства с Московским был закреплен состоявшимся в 1347 г. браком великого князя московского Семена Ивановича и дочери погибшего в Орде князя Александра Михайловича тверского Марии... Все это не означало, конечно, что Тверское княжество подчинилось Московскому. Но временно открытая борьба между ними приостановилась» [13: 534]. Однако, как представляется, такая характеристика нуждается в уточнении и дополнении.

Итак, «В лето 6855 женися князь Семень втретий, поня за ся княжну Марию, дщерь князя Александра Михайловича Тверскаго, а ездили по нее Андрей Кобыла да Олексей Босоволков», – кратко пишет Типографская летопись (орфография упрощена)². Дословный повтор известия с указанием правильной «фамилии» боярина «Босоволков» содержится в различных по составлению летописях³. Наиболее любопытным следует признать известие уникального Рогожского летописца, дополняющего текст указанием времени брака – «весной» и сообщением о сопротивлении его заключению со стороны митрополита Феогноста, от которого факт женитьбы скрыли. Далее в этой летописи говорится об обращении к патриарху в Царьград за разрешением на брак. Никоновская летопись смягчает ситуацию, сообщив, что великий князь и митрополит после совместного обсуждения послали к патриарху «о благословении»⁴. В любом случае «нелюбов» между князем и митрополитом было преодолено. Позднее говорится и о рождении у четы первенца Даниила⁵. Симеоновская также дополняет известие о браке (без упоминания о Феогносте и Царьграде): «Тое же зимы князю великому Семену родися сынъ Данилеи месяца Декабря 15»⁶.

Брак с тверской княжной представляется достаточно необычным по двум причинам. Во-первых, он был третьим по счету, что не приветствовалось церковью [14]. Именно о конфликте на этой почве с митрополитом Феогностом

и говорит приведенный выше текст Рогожского летописца. Только после разрешения патриарха вопрос удалось уладить. Жесткая позиция митрополита любопытна и демонстрацией того, что церковь не всегда поддерживала великокняжескую власть, а присланный константинопольским патриархом грек Феогност не был безоговорочным сторонником Москвы, как можно подумать [2: 192]. Однако, насколько был искренним порыв митрополита, сказать сложно. Некоторые исследователи полагали, что митрополит играл только роль, соблюдая приличия [12: 181]. Но возможно, что за позицией Феогноста в Москве стояли силы, которые не одобряли родственный союз с Тверью, сторонники другой политической линии внутри правящей элиты, о чем будет сказано ниже. Такое предположение кажется более логичным, чем личная неприязнь Феогноста к тверским Александровичам [8: 164].

Во-вторых, особенным оказался и сам выбор невесты, если обратиться к предыдущей истории взаимоотношения двух княжеских семей, где уже было четверо убитых тверских князей, включая отца и деда невесты. Поворот в сторону злейшего и главного соперника в многолетней борьбе за гегемонию во Владимирской Руси не был случайным, а диктовался серьезным желанием нормализовать отношения. Он также означал, что Москва чувствовала себя достаточно уверенно и не опасалась враждебных действий со стороны ослабленной семейными разладами тверской княжеской семьи, где не было признанного лидера. Всесильному жениху не смогли отказать. Московский князь послал за невестой своих бояр. С. М. Соловьев отметил, что княжна была сиротой, и более высокий по статусу жених – великий князь – послал за невестой бояр, а не поехал сам [11: 486].

Обе стороны были заинтересованы в браке. Всеволод Александрович, как отмечал Э. Ключевский, искал преимуществ от политических и дипломатических связей с Москвой [8: 164]. Однако нельзя отрицать и следующее. Москва целенаправленно втягивала в родственные отношения различные линии Тверского княжеского дома. В 1320 году был заключен брак Константина Михайловича с дочерью Юрия Московского, ставшего к тому времени великим князем, а спустя несколько лет после брачного альянса Гордого с тверскими Александровичами его дочь выйдет за сына родоначальника третьей кашинской линии тверских князей⁷. Так была создана ситуация, позволившая Москве не только оказывать влияние в Тверском княжестве на дядю и племянника, враждовавших между собой, но и не давая усилиться ни одной из сторон. Сначала в Москве поддерживали шурина великого князя Всеволода Александровича, потом – Василия Михайловича. Если учесть, что внуком Юрия Даниловича по матери Софье был удельный князь

Еремей Константинович, то к середине XIV века все линии Тверского дома были завязаны с Москвой [1: 93–94]. Тем самым было основательно подорвано «одиначество» главного потенциального противника. Вообще установившаяся система родственных связей между Москвой и Тверью в 20–70-е годы XIV века оказывала существенное влияние на их отношения, как и брак великого князя литовского Ольгерда с сестрой Марии Александровны Ульяной, опрометчиво одобренный Семеном и Феогностом⁸.

Москва всегда уделяла особое внимание родственным связям, ставшим одним из основных инструментов ее политики усиления. В этой связи отношения с Тверью для ее князей были в приоритете и в дальнейшем. В 1397 году сестра великого князя московского Василия Дмитриевича вышла замуж за удельного князя холмского Ивана Всеволодовича, представителя старшей линии Тверского дома⁹. Удельный князь микулинский Федор Михайлович, младший из сыновей великого князя тверского Михаила Александровича, женился на дочери видного московского боярина Федора Кошки, что, вероятно, не могло произойти без согласия его князя¹⁰. Великий князь тверской Борис Александрович (1425–1461) женился на внучке Дмитрия Донского можайской княжне Анастасии Андреевне [5: 151]. В 1452 году 12-летний будущий великий князь московский Иван III по воле отца вступил в брак с дочерью уже самого Бориса Александровича, которая приходилась ему троюродной сестрой¹¹. Такой ранний брак и близкая степень родства диктовались исключительно политическими соображениями в период феодальной войны между московскими князьями. Позднее удельный князь дорогобужский Осип Андреевич женился на дочери удельного верейского князя Московского дома Михаила Андреевича [6: 109].

Однако родственные связи продолжались и после падения независимости Тверского княжества уже в других исторических реалиях. Тем не менее вторая дочь Ивана III вышла замуж за своего слугу, представителя старшей линии Тверского дома князя Василия Даниловича Холмского [6: 112]. Имея такой широкий выбор в свои зятя среди служилых княжат своего двора, Иван III отдал дочь Феодосию именно за него. Ни с одной династией Москва не заключила на протяжении 1320-х–1500-х годов столько браков. Такая частота говорит сама за себя. Фактически перед нами пример исключительных брачных связей, что диктовалось и желанием сближения, и признанием Москвой особого статуса Твери, и соперничеством. Московские князья как отдавали своих княжон за тверичей, так и женились сами. Два великих князя московских были женаты на тверских княжнах. Иное дело, что далеко не всегда по субъективным причинам Москве удавалось достичь поставленных целей. Нередко в эти планы вмешивалась смерть.

Возвращаясь к семейной жизни Семена Гордого, следует напомнить, что вторым браком на Евпраксии Федоровне из Смоленского княжеского дома Гордый женился спустя несколько месяцев после смерти первой жены, умершей в марте 1345 года. Однако уже зимой 1346/47 года великий князь развелся с Евпраксией, просто отослав ее к отцу¹². Это был чрезвычайный случай нарушения церковных норм, хотя, судя по приведенным выше летописям, не это так взволновало церковь. Позднее возникла знаменитая придворная сплетня о психосексуальных проблемах великого князя с Евпраксией [4: 363]. Впрочем, не должен удивлять и другой повод для развода, а именно по причине бесплодия княгини¹³. У Семена от первого брака умерли оба сына, и он нуждался в появлении наследника. В целом свои браки Гордый стремился использовать для упрочения положения Московского княжества на внешней арене. Однако в двух последних браках Гордого необходимо видеть не только влияние внешнеполитических факторов, но и сложную закулисную борьбу внутри правящей московской элиты, почти не отраженную источниками. Любопытно, что сватами выступили два знаменитых московских боярина Андрей Кобыла и Алексей Хвост. Если первый известен как родоначальник бояр и царей Романовых, то второй – крупнейший деятель середины XIV века, бросивший вызов самому Семену Гордому, всеильный московский тысяцкий в правление его брата Ивана Красного, павший в 1357 году от рук убийц в результате боярского заговора¹⁴. Любопытно, что на роль сватов не был приглашен представитель первенствующего тогда клана Вельяминовых.

Если учитывать вероятную конкуренцию между Хвостом и Вельяминовыми в 1350-е годы за первенство, не означает ли это, что корни конфликта возникли раньше, а Вельяминовы не одобряли тверской брак? Насколько судьбоносным для элиты и политических отношений был вопрос женитьбы, известно на примере московских государей XV–XVI веков [3: 104–143]. Думается, что в основе боярского соперничества различная внешнеполитическая ориентация была не основной, как считал Л. В. Черепнин, а только отражением внутренних противоречий [13: 546–548]. Вероятно, это был более сложный узел, связанный с борьбой за власть в Москве между боярскими кланами, стремившимися к ведущей роли в управлении и получении максимальных доходов. Трудно представить, что московские бояре в 1490-е при Иване III, отстаивая права его наследников на великое княжение, или князя Бельские с Шуйскими в малолетство Ивана Грозного спорили о внешнеполитических проблемах, а не заботились о своих собственных интересах. Летописи, заполненные деяниями князей, не оставили на своих страницах места для бояр, роль которых представляется куда более значимой, чем можно проследить по источникам.

К сожалению, мы не знаем деталей сватовства и свадьбы, но брак оказался довольно удачным в личностном плане и трагическим по своим итогам. От княжны Марии Александровны Тверской (до 1332–1399) родились Даниил, Михаил (это имя впервые появилось среди московских князей, и наречение им могло быть реверансом в сторону Твери), Иван (1350/1) и Семен (февраль 1352)¹⁵. Как видим, за 6 лет семейной жизни княгиня подарила мужу 4 детей. Очень важно, что это были мальчики. Казалось бы, продолжение рода обеспечено.

Об особой привязанности к жене говорит и духовная грамота великого князя, написанная перед смертью [5: 13–14]. Свой наследственный Коломенско-Можайский удел он завещал вдове, что вызвало недоумение среди историков: подобная передача княжества беспрецедентна. Сегодня трудно понять такой шаг великого князя. Очевидно, он имеет свое рациональное объяснение, а не связан только с личными привязанностями. Историки спорят о том, оставил ли Семен Гордый наследника. На наш взгляд, нет, но проблема требует отдельной аргументации. Вдова не смогла удержать Коломенско-Можайский удел за собой, он перешел к деверю – московскому князю Ивану Красному. Летописная характеристика Ивана Красного («благочестивый, и христолюбивый, и кроткий, и тихий, и милостивый»)¹⁶, его блеклая деятельность, дерзкое нападение на московские владения рязанцев и боярское своеволие в годы его правления заставляют сомневаться в его полноценном княжении, если речь вообще не идет о нездравии этого князя, скоропостижно умершего в 33 года. Учитывая такую характеристику, вероятно, что переход удела Семена был сделан под давлением великокняжеских бояр.

Тем самым была грубо нарушена духовная грамота Семена Гордого. Нарушителей не испугало и предостережение умирающего: «А хто сию грамоту иметь рушити, судить ему б(о)гъ в семь веце и в будущемъ» [5: 14]. Впрочем, этот удел продолжал волновать московских князей и в дальнейшем, о чем можно судить по договору 1360-х годов между племянниками Семена Гордого Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем, который зафиксировал принадлежность этого владения [5: 20]. Похоже, что очередное внесение этого вопроса связано с тем, что окружение князя Владимира поднимало его от лица юного князя, желая получить свою долю в выморочном наследстве дяди Семена. Договор между братьями четко расставил права собственности. Любопытно, что в этом документе Коломна и Можайск называются владением дяди, а не его вдовы, которая не рассматривалась как легитимная владелица. Что касается дальнейшей судьбы княгини Марии, то не будет преувеличением назвать ее судьбу самой трагической среди жен великих князей московских. Ей

суждено было остаться вдовой в возрасте чуть более 25 лет, пережить не только казнь отца и брата, но и смерть мужа и всех своих детей. То, что летописи не сохранили никаких сведений о дальнейшей жизни великой княгини Марии, как и других московских княгинь-вдов XIV века, красноречивый пример их неучастия в политической жизни. Впрочем, известно только, что Мария, и она не была исключением, занималась церковным шитьем, о чем есть упоминание под 1389 годом [12: 76]. Ее смерть как старицы Фетиньи зафиксирована летописями спустя 46 лет: «В лето 6907, марта въ 17, в Великое говение, преставися великая княгини Маріа Семенова Ивановича, наречена въ мнишескомъ чину Фетения, и положена бысть в монастыре оу святого Спаса»¹⁷. Никоновская летопись не преминула добавить к известию о смерти княгини, что ее муж – «внук “Данила Московского”»¹⁸.

Таким образом, заключение брака Семена Гордого и Марии Александровны, видимо, столкнулось с трудностями как церковного, так и внутривластного характера. Брак способствовал не только улучшению московско-тверских отношений и оказался счастливым в семей-

ном плане, но и усилил влияние Москвы среди тверских князей, все линии которых оказались связаны с ними родством. Но ранняя смерть Семена Ивановича и переход власти к его брату окончательно изменили политику в отношении родни жены покойного великого князя. Вновь следует констатировать факт завещания вдове Марии Коломенско-Можайского удела. Очевидно, что вскоре он был отобран в пользу Ивана Красного, однако полный переход удела Семена к наследнику Ивана II Дмитрию вновь вызвал неудовольствие в окружении Владимира Андреевича, что отражено в договоре между внуками Калиты в 1360-е годы.

В целом следует признать целенаправленную и долгосрочную московскую политику по втягиванию через браки различных линий тверских князей в свою орбиту, в результате чего в XIV–XV веках было заключено семь междукняжеских и один княжеско-боярский брак, что является беспрецедентным случаем в истории. Московские князья рассматривали своих тверских родичей и как соперников, и как наиболее достойных представителей для брачных союзов даже тогда, когда Тверское княжество кануло в Лету.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг. Т. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1891. 696 с.
- ² ПСРЛ. Типографская летопись. Т. XXIV. М.: ЯРК, 2000. С. 119.
- ³ ПСРЛ. Ермолинская летопись. Т. XXIII. М.: ЯСК, 2004. С. 108; ПСРЛ. Воскресенская летопись. Т. VII. М.: ЯРК, 2001. С. 210; Московский летописный свод конца XV века. Т. XXV. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 176; ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Т. 10. М.: ЯРК, 2000. С. 218.
- ⁴ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Т. 10. М.: ЯРК, 2000. С. 218.
- ⁵ ПСРЛ. Рогожский летописец. Т. XV (Вып. 1). М.: Наука, 1965. Стб. 57.
- ⁶ ПСРЛ. Симеоновская летопись. Т. 18. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1913. С. 95.
- ⁷ ПСРЛ. Рогожский летописец. Т. XV (Вып. 1). М.: Наука, 1965. Стб. 41, 60.
- ⁸ ПСРЛ. Рогожский летописец. Т. XV (Вып. 1). М.: Наука, 1965. Стб. 59.
- ⁹ ПСРЛ. Тверской сборник. Т. XV. М.: Наука, 1965. Стб. 457.
- ¹⁰ Трутовский В. К. Фёдор Кошка // Сборник статей, посвященных Л. М. Савёлову. М., 1915. С. 290–292.
- ¹¹ ПСРЛ. Тверской сборник. Т. XV. М.: Наука, 1965. Стб. 495.
- ¹² ПСРЛ. Рогожский летописец. Т. XV (Вып. 1). М.: Наука, 1965. Стб. 56–57.
- ¹³ ПСРЛ. Хронограф редакции 1512 года. Т. 22. Вып. 1. СПб., 1911. С. 409.
- ¹⁴ ПСРЛ. Типографская летопись. Т. XXIV. М.: ЯРК, 2000. С. 122.
- ¹⁵ ПСРЛ. Рогожский летописец. Т. XV (Вып. 1). М.: Наука, 1965. Стб. 57, 59, 61–62.
- ¹⁶ ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Т. 10. М.: ЯРК, 2000. С. 230.
- ¹⁷ ПСРЛ. Типографская летопись. Т. XXIV. М.: ЯРК, 2000. С. 167.
- ¹⁸ ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Т. 11. М.: ЯРК, 2000. С. 172.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абуков С. Н. Брак Константина Михайловича и Софьи Юрьевны и его место в московско-тверских отношениях в XIV в. // Самарский научный вестник. 2016. № 2. С. 91–96.
2. Борисов Н. С. Иван Калита. М.: Молодая гвардия, 2005. 302 с.
3. Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М.: Наука, 1986. 222 с.
4. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 584 с.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 593 с.
6. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – в первой трети XVI вв. М.: Наука, 1988. 350 с.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4. М.: Наука, 1992. 480 с.
8. Ключев Э. Княжество Тверское (1247–1485). Тверь: РИФ («Редакционно-издательская фирма») Лтд., 1994. 432 с.
9. Кучкин В. А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // История СССР. 1988. № 4. С. 149–158.
10. Пресняков А. Е. Образование Великолукского государства. М.: Богородский Печатник, 1998. 496 с.
11. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. М.: Мысль, 1988. 765 с.
12. Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М.: Изд-во МГУ, 1957. 317 с.
13. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 900 с.
14. 50 правил Василия Великого [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mstud.org/library/canons/basil_all.htm (дата обращения 31.01.2017).

Abukov S. N., Donetsk National University (Donetsk, Donetsk People's Republic)

SIMEON THE PROUD MARRIAGE WITH MARIYA ALEXANDROVNA IN THE CONTEXT OF THE MOSCOW-TVER RELATIONS

The article deals with one of the key marriages between representatives of the two leading centers of Moscow and Tver, which played an important role in political relations in the North-Eastern Rus in the middle of the XIV century. The author analyses the reasons and circumstances that led to the marriage and studies the interests of both sides, as well as its consequences. Special attention is paid to the family life of spouses and the later transmission, according to the testament of the Prince of Moscow, of his Mozhaish-Kolomna principality to the widow.

Key words: Simeon the Proud, Maria Alexandrovna, Moscow, Tver, prince, testament

REFERENCES

1. Abukov S. N. The Marriage of Konstantin Mikhailovich with Sophia Yurievna and its significance in political relations between Moscow and Tver' in the XIV century [Brak Konstantina Mikhaylovicha i Sof'i Yur'evny i ego mesto v moskovskotverskikh otnosheniyakh v XIV v.]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 2016. № 2. P. 91–96.
2. Borisov N. S. *Ivan Kalita* [Ivan Kalita]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2005. 302 p.
3. Bychkova M. E. *Sostav klassa feodalov Rossii v XVI v.* [The structure of the feudal class of Russia in the XVI century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 222 p.
4. Veselovskii S. B. *Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [Studies in the history of the class of military landowners]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 584 p.
5. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv.* [Testamental and contractual charters of the great and feudal princes of the 14th–16th centuries]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950. 593 p.
6. Zimin A. A. *Formirovaniye boyarskoy aristokratii v Rossii vo vtoroy polovine XV – v pervoy treti XVI vv.* [The formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the 15th and the first third of the 16th century]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 350 p.
7. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian state]. Vol. IV. Moscow, Nauka Publ., 1992. 480 p.
8. Klyug E. *Knyazhestvo Tverskoe (1247–1485)* [Tver principality (1247–1485)]. Tver, RIF ("Redaktsionno-izdatel'skaya firma") Ltd. Publ., 1994. 432 p.
9. Kuchkin V. A. "My uncle" in the Testament of Simeon the Proud ["Svoy dyadya" zaveshchaniya Simeona Gordogo]. *Istoriya SSSR*. 1988. № 4. P. 149–158.
10. Presnyakov A. E. *Obrazovaniye Velikorusskogo gosudarstva* [The formation of the Great Russian state]. Moscow, Bogorodskiy Pechatnik Publ., 1998. 496 p.
11. Solov'ev S. M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia from ancient times]. Book II. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 765 p.
12. Tikhomirov M. N. *Srednevekovaya Moskva v XIV–XV vv.* [Medieval Moscow in the XIV–XV centuries]. Moscow, Izd-vo MGU, 1957. 317 p.
13. Cherepnin L. V. *Obrazovaniye Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh* [The Formation of Russian centralized state in the XIV–XV centuries]. Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1960. 900 p.
14. *50 pravil Vasiliya Velikogo* [50 Rules of St. Basil the Great]. Available at: http://mstud.org/library/canons/basil_all.htm (accessed 31.01.2017).

Поступила в редакцию 19.01.2017

ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА ВОЛОХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
vavolokhova@yandex.ru.

ИСТОРИЯ БРАТСКОЙ МОГИЛЫ КОММУНИСТОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПЕТРОЗАВОДСКА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Впервые рассматривается история Братской могилы коммунистов, расположенной в центре Петрозаводска (пл. Ленина). На основе архивных документов и материалов периодической печати показана роль нового светского некрополя в политической жизни города, раскрыты цели, преследовавшиеся губернскими органами власти при создании нового мемориала, отношение к нему местных жителей. Показано, что создание Братской могилы коммунистов в Петрозаводске в годы Гражданской войны было частью мобилизационной политики большевиков. Похороненные здесь товарищи должны были стать образцом для жителей города, а их героическая смерть – призывом к борьбе и укором тем, кто от этой борьбы пытался уклониться. При этом увековечивались не отдельные герои, а идеал борьбы за дело рабочего класса, поэтому имена многих из них были позже забыты.

Ключевые слова: «красные похороны», Братская могила коммунистов в Петрозаводске, Гражданская война в российской Карелии, коммеморации

ВВЕДЕНИЕ

Исследователями накоплен богатый материал, посвященный анализу «красных похорон» и практике создания новых советских мемориалов как инструментов формирования коллективной памяти о Гражданской войне и революции 1917 года [7], [12], [14]. Однако, не оспаривая значения новых мемориалов для конструирования представлений об уходящих в прошлое событиях борьбы за установление советской власти, необходимо отметить, что они оказались тесно связаны с решением сиюминутных задач, встававших перед большевиками в условиях Гражданской войны. Данный аспект проблемы затрагивается в исследованиях лишь косвенно и в большей степени в связи с формированием образа новой власти [13]. Произошедший сегодня поворот от изучения событий в столичных центрах к анализу политики местных властей позволяет более детально рассмотреть конкретные политические мероприятия на местах, раскрыть проблему отношения к ним городского и сельского населения.

В данной статье рассматривается роль Братской могилы коммунистов в политической жизни Петрозаводска, раскрыты цели, которые преследовали губернские органы власти при создании нового некрополя, показано отношение к нему жителей города. Обращение к этим вопросам позволяет не только показать факторы, повлиявшие на мемориальную политику большевиков, но и объяснить некоторые особенности функционирования большевистских мемориалов после Гражданской войны.

Источниками исследования послужили публикации в газете «Олонецкая коммуна», являвшейся органом Олонецкого губернского комитета

РКП(б) и Олонецкого губисполкома, и материалы Национального архива Республики Карелия. Ряд архивных документов был выявлен благодаря ссылкам, содержащимся в документах личного фонда (Ф. Р-3723) Нины Константиновны Тиньковой (1930–2015). На протяжении многих лет в качестве сотрудника Карельского филиала АН СССР она занималась уточнением имен героев Гражданской войны, захороненных в мемориале на пл. В. И. Ленина (в годы Гражданской войны – пл. 25 Октября) в Петрозаводске. Собранные в результате этой кропотливой работы выписки из документов центральных и карельских архивов, переписка с родственниками погибших были переданы ею вместе с другими документами в НА РК.

«КРАСНЫЕ ПОХОРОНЫ»: ИСТОКИ РИТУАЛА

Политические похороны не были новым явлением для России, хотя Карелия подобной практики до 1917 года не знала. Как отмечает историк Б. И. Колоницкий, в годы революции «похороны сыграли огромную роль в утверждении культа “борцов за свободу”, который занимал важнейшее место в субкультуре революционного подполья, а после революции становился фактически и новым государственным культом» [5: 45].

По мнению культуролога Н. С. Полищук, своими корнями обряд «красных похорон» уходил в гражданские «литературные» похороны середины XIX века, когда прощание с Н. А. Некрасовым, Ф. М. Достоевским и другими писателями стало средством публичного выражения солидарности с идеями «учителей». Следующим этапом складывания нового ритуала стала Первая российская революция. Особенность

«красных похорон» этого периода заключалась в том, что их назначением было не только выражение скорби, но и демонстрация готовности общества продолжить дело павших героев [9]. По мнению историка Е. И. Красильниковой, образцом для «красных похорон» также служили французские коммеморативные практики времен Парижской коммуны. В частности, из французского опыта были заимствованы такие элементы ритуала, как пение революционных гимнов, прохождение под красными знаменами, торжественные клятвы на могиле героев отомстить врагам и до последней капли крови защищать идеалы революции [7: 164–165]. Однако, как отмечает антрополог А. Соколова, «несмотря на политизацию некоторых из этих похоронных процессий, все они оставались индивидуальными (хоронили какого-то одного человека), а могилы не превращались в политически значимые памятники» [10]. В отличие от этого похороны жертв Февральской революции 1917 года были превращены в масштабное политическое, мемориальное и художественное действо. Первыми среди них стали так называемые Великие похороны жертв Февральской революции на Марсовом поле в Петрограде 23 марта 1917 года. Во многом они послужили образцом для региональных акций подобного рода. По замыслу Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, это должны были быть не просто похороны, но грандиозная похоронная манифестация, призванная стать «смотром» всех революционных сил [8].

Известия о похоронах на Марсовом поле нашли отклик и в Петрозаводске. Местные социалисты, узнав о петроградской акции и «желая достойным образом почтить память всех борцов за свободу», провели траурную манифестацию 4 апреля 1917 года¹. Центральной фигурой в поминании борцов за свободу в Петрозаводске стал рабочий Александр Михайлович Кузьмин, казненный в 1908 году за покушение на жизнь председателя Петербургской судебной палаты Н. С. Крашенинникова. Во время траурного шествия процессия остановилась недалеко от кладбища, где был похоронен террорист, и направила к его могиле депутацию для возложения венка. Некоторые черты апрельской манифестации позже проявились в «красных похоронах» послеоктябрьского периода. Во-первых, это мобилизационная функция траурного мероприятия, призванного сплотить революционные силы в городе и продемонстрировать их мощь и готовность продолжить дело героев. Во-вторых, превращение акции поминания в своеобразное торжество, где ожидание будущей победы превалировало над скорбью о потерях. Однако в этой демонстрации было еще и место личной, индивидуальной памяти о погибшем. На кладбище присутствовали родные А. Кузьмина. После манифестации на страницах «Известий Петрозаводского комитета

общественной безопасности» мать, сестра, братья и зять «павшего за дело свободы гражданина А. М. Кузьмина, растроганные до глубины сочувствием», просили участников демонстрации принять «сердечную благодарность»².

В условиях стремительно развивавшегося после Февраля 1917 года культа павших борцов за свободу могила на кладбище, где был похоронен пока единственный местночтимый герой революции, оказалась «непригодной» для поддержания памяти о нем. Неслучайно уже в мае 1917 года был поставлен вопрос о перезахоронении А. Кузьмина по образцу Петрограда в центре города, например на Заводской площади перед храмом Александра Невского³. Таким образом, новая могила должна была оказаться в центре общественной жизни, перестав быть камерным местом семейной памяти. Этот проект не был реализован, однако отразил особенности отношения к смерти представителей социалистических партий, сходство между которыми было обусловлено общей культурой политического подполья.

К весне 1919 года обсуждение форм увековечения памяти А. Кузьмина (прежде всего – проекта памятника) постепенно сошло на нет. В новых политических условиях личность террориста-эсера утратила свою актуальность. Перед представителями большевистской власти возникли другие, требующие экстренного решения задачи.

НОВЫЙ НЕКРОПОЛЬ В ЦЕНТРЕ ПЕТРОЗАВОДСКА

С весны 1919 года военная обстановка в Карелии начала резко обостряться. Английские войска и белая армия генерала Е. К. Миллера, наступавшие с севера вдоль линии Мурманской железной дороги, вышли к Онежскому озеру. Одновременно со стороны Финляндии были предприняты усилия по захвату южной Карелии силами так называемой Олонецкой добровольческой армии. Возникла угроза захвата Петрозаводска антибольшевистскими силами. В Карелии шла активная мобилизация в Красную армию, были мобилизованы на фронт «все коммунисты, не исключая губернского комитета» [3: 412–417]. В этих условиях Олонецкий военно-революционный комитет во главе с большевиком П. Ф. Анохиным вынужден был прибегнуть к взятию заложников [2: 101]. Однако большевистское руководство края понимало, что одними силовыми методами сконцентрировать усилия жителей города в нужном русле невозможно. В частности, коммунисты обратились к уже знакомой по февральскому этапу революции форме политической мобилизации. 1 июня 1919 года на совместном заседании Губкома РКП(б) и Военно-революционного комитета было принято решение об устройстве братской могилы погибших в боях на Заонежском фронте коммунистов⁴.

Выбор места будущего захоронения был простым, так как новый некрополь должен был

оказаться в центре общественной жизни. В частности, предлагалось организовать братскую могилу у собора Александра Невского на Зареке или в Летнем саду. Помощник комиссара Олонецкого губвоенкомата И. В. Матвеев, согласно его собственным воспоминаниям, предложил место в центре города на площади 25 Октября. Долго спорили, в конце концов предложение Матвеева среди прочих поддержали председатель Олонецкого губернского военно-революционного комитета П. Ф. Анохин и член президиума Олонецкого губкома РКП(б) Я. Ф. Игошкин⁵.

Необходимо отметить, что площадь 25 Октября до революции носила название Петровской и являлась административным центром города. После революции в находившемся на этой площади здании губернаторского дома разместились советские органы власти. Создание братской могилы в административном центре было очень типично для периода революции и Гражданской войны. По-видимому, здесь, как и в других городах России, свою роль сыграл опыт погребения «борцов за свободу» на Марсовом поле в Петрограде. Марсово поле избрали в качестве места захоронения, поскольку планировалось, что именно здесь будет располагаться здание Учредительного собрания. Братская могила «под окнами» правительства должна была вечно напоминать об ответственности и верности идеалам революции [7: 166]. Таким образом, адресатом послания, заложенного в траурном ритуале и новом некрополе, становились не только рядовые

жители города, но и непосредственно создатели нового мемориала и их преемники.

2 июня 1919 года трое погибших на фронте бойцов удостоились торжественного захоронения в Братской могиле в центре Петрозаводска. Обращает на себя внимание тот факт, что все трое были коммунистами и занимали те или иные должности в советских органах власти. Это были член Губисполкома, комиссар Онежского завода А. М. Калинин, член Петрозаводского уездного исполкома П. М. Принцев, рабочий Путиловского завода, член Петрозаводского уездного исполкома Ф. Г. Ромашкин. Обитые кумачом гробы доставили на площадь на автомобиле, убранном зеленью, и торжественно захоронили под звуки «Интернационала» после клятв продолжить дело погибших⁶. В Петрозаводске возникала новая святыня – городской светский некрополь.

Вслед за первыми «красными похоронами» в центре Петрозаводска последовали новые. Так, 14 июня предали земле тело погибшего в бою члена Губернского комитета профсоюза рабочих и служащих народной связи, коммуниста К. Ф. Боровского⁷. 22 июня в Братской могиле нашли вечное упокоение тела павших в бою финских коммунистов, сражавшихся в рядах 164-го (6-го) финского стрелкового полка Красной армии, – командира роты А. Лампинена и командира взвода В. Бакмана⁸. 23 июня был похоронен красноармеец, коммунист А. Трофимов⁹, 28 июня – военный комиссар Шуйской и Сямозерской волостей, коммунист В. И. Силкин¹⁰.

Рис. 1. Похороны в Братской могиле коммунистов, погибших в боях за советскую власть в Карелии. Лето 1919 года. НА РК. Ф. Р-3723. Оп. 1. Д. 45

Каковы же были цели создания нового некрополя в центре Петрозаводска? Несомненно, одной из ключевых была мобилизация населения на

сопротивление противникам советской власти. Именно в таком ключе о похоронах в Братской могиле докладывал Губком РКП(б) в Москву.

В отчетном письме в ЦК РКП(б) 15 июня 1919 года они были упомянуты среди других агитационных мероприятий, в качестве подтверждения факта массовой поддержки большевиков местным населением были приложены фотографии похорон¹¹.

Более того, агитационная сила «красных похорон» высоко оценивалась Губкомом РКП(б). 5 августа 1919 года он обсуждал возможность организации похорон девочки, ставшей случайной жертвой бомбы, сброшенной с неприятельского аэроплана. В похоронах, предназначенных, как сказано в протоколе заседания президиума Олонецкого губкома РКП(б), «для использования их среди детей», должны были принять участие школьники. Но, судя по тому, что объявление о траурной церемонии не появилось в «Олонецкой коммуне», родители девочки не дали своего согласия на «красные похороны»¹².

Важным инструментом разъяснения смысла траурных акций были некрологи, регулярно появлявшиеся в газете «Олонецкая коммуна». В них не просто раскрывалась биография погибшего товарища, но демонстрировалось большевистское понимание причин Гражданской войны, описывалась модель поведения, которой должны были следовать трудящиеся. Биография погибшего позволяла напомнить согражданам о тяжелой и беспросветной жизни до революции: «Но как был “злосчастной шестеркой”, так и остался, вплоть до революции, которая впервые дала ему возможность вздохнуть»¹³. При этом подчеркивалось стремление коммунистов к созидательному труду, прерванному врагами, вынудившими большевиков применить насилие в ответ на бесчеловечную жестокость противника.

Хотя большинство некрологов писалось соратниками по оружию, во многом именно агитационная функция этих текстов приводила к тому, что реальные факты биографии здесь отступали на второй план, в описаниях использовался революционный этический шаблон, подменявший реальные личностные качества. Более того, в статьях о похоронах имена тех, кого проводили в последний путь, могли вообще не указываться. Как отмечал автор одного из таких репортажей, «когда кругом кипит борьба, некогда знакомиться подробно с биографией соратников. Достаточно того, что он стоит рядом с тобою, достаточно того, что его сердце скорбит о том же, что и твое сердце, что его душою владеют те же идеи, что и твоею душою. Да и что можно сказать о биографии рабочего или крестьянина!»¹⁴.

Выше истории жизни был факт героической смерти. Именно готовность погибшего отдать все до последнего за дело трудящихся должна была стать образцом для подражания и в то же время служить укором тем, кто ставил личное благополучие выше идеалов борьбы, кто замыкался «в свою скорлупу» и тянул «свое слякотное

и мерзостное: “моя хата с краю”»¹⁵. Так, авторы публикаций в «Олонецкой коммуне» сообщали о том, что «после тов. Силкина осталась на попечении государства семья в 8 человек»¹⁶, у П. В. Кулагина «осталось шестеро осиротевших малюток-детей»¹⁷. «Тов. Кулагин пошел в свой последний бой больным... но не пошел в околоток, несмотря на все уговоры, чтобы не подать другим дурной пример, и все бодрился»¹⁸. По болезни К. Ф. Боровский был «освобожден из Красной Армии, но по первому зову встал в ряды борцов и сложил свою голову за благо всех трудящихся»¹⁹. В июне 1919 года не раз в газете упоминался юный комсомолец Верден: «Ему было всего 14 лет, но, когда отец его со всеми коммунистами был мобилизован, он пожелал идти; совестно ему было оставаться безучастным зрителем в борьбе за счастье, которым он должен был наслаждаться, если бы безжалостная пуля белогвардейцев не унесла его так рано в могилу»²⁰.

Однако призыв отдать жизнь за дело трудящихся наталкивался на естественное стремление человека сохранить жизнь. Как отмечает В. С. Тяжелникова, в ходе «красных похорон» «формировалась готовность пожертвовать собой во имя революционного долга. Низкая социальная цена человеческой жизни была необходимым условием борьбы за завоевание революции – путь предстоял долгий и требовал новых жертв» [11: 414]. Частота траурных акций (только за июнь 1919 года на Братской могиле в центре Петрозаводска состоялось как минимум 8 похорон, немало бойцов Красной армии было похоронено на других кладбищах города) сама по себе вольно или невольно вырабатывала «привыкание» к смерти. Но главное – в прощальных речах, из некролога в некролог, из репортажа в репортаж повторялась мысль о том, что понесенные жертвы были не напрасны. Обещания, что погибшие товарищи не будут забыты, их дело будет продолжено, их могила в центре города изо дня в день будет напоминать о них, должны были служить компенсацией естественного страха смерти. Характерно, что, по утверждению И. В. Матвеева, после принятия решения о выборе места Братской могилы Я. Ф. Игошкин и П. Ф. Анохин сказали ему: «Ну вот, т. Матвеев, когда бы ты не умер и где бы ты не находился, хоронить тебя будем здесь»²¹.

Преодолению страха смерти служил и сам похоронный обряд. В репортажах с похорон он описан как праздник. На фоне победных маршей, исполнявшихся оркестром, не было места личной скорби. Как отмечает Е. И. Красильникова, массовость «красных похорон» – это одно из важнейших требований к их организации еще со времен революции 1905 года. При этом получалось, что личные отношения усопшего с теми, кто явился на его похороны, не имели значения. Утрата интимной составляющей похоронного действия задавала новый эмоциональный фон

кипучей «благородной ярости», а не «неутешного горя» [6: 245]. В речах выступавших главной становилась не мысль об утрате товарища, а утверждение, что каждая новая смерть лишь многократно усиливает сплоченность сторонников советской власти и делает победу Красной армии неизбежной. «Не плачьте над трупами павших борцов. / Шагайте без страха по мертвым телам. / Несите их знамя вперед!» – такими словами завершал рассказ о похоронах автор, скрывшийся за псевдонимом Л. Ц.²²

Факт участия в похоронах расценивался как акт поддержки советской власти, выступал индикатором отделения своих от врагов: с одной стороны – «весь петрозаводский пролетариат пришел отдать последний долг борцам за рабочий класс»²³, с другой – редкие буржуа выглядели из окон своих домов, рассматривая траурную процессию²⁴. По сути, у сторонников советской власти не оставалось выбора в отношении того, принять или нет участие в траурной процессии. Так, в объявлении о похоронах коммунистов 9 июля 1919 года слово «должны» употребляется 5 раз («Сегодняшний день все трудящиеся Петрозаводска должны отдать последний долг погибшим на подступах к городу...» и т. д.). В то же время в этом тексте ни разу не указаны имена тех, на чьи похороны должны явиться все трудящиеся города²⁵.

Судить об отношении населения к новому некрополю сегодня достаточно сложно. С одной стороны, в газетных публикациях постоянно утверждалось, что на прощание с погибшими выходил почти весь город, с другой – массовое участие горожан в траурных процессиях могло быть вызвано не только сочувствием, но и простым любопытством. Характерно, что если в первых объявлениях о похоронах в Братской могиле присутствовало приглашение принять участие в прощании, то позже в них появилась модальность долженствования. К осени обязательность участия в похоронах, организуемых Уездным или Губернским комитетом партии, становится аксиомой. Например, в извещении о похоронах помощника Петрозаводского уездного военного комиссара И. Г. Ширшина Уездный комитет РКП(б) указывал, что «товарищи коммунисты и сочувствующие *обязаны* (курсив наш. – В. В.) явиться в 3 ½ ч. дня в помещении Уездкома»²⁶. По-видимому, в военных буднях похороны, насколько это возможно, стали частью повседневной жизни, а ежедневные трудности заставляли жителей города концентрироваться на иных проблемах, да и петрозаводчан из-за эвакуации в городе становилось все меньше.

Очевидно, что новый некрополь приняли не все. Известен по крайней мере один случай, когда захоронение красного командира на пл. 25 Октября не состоялось по воле родственников. Начальник разведки Олонецкой губернской чрезвычайной

комиссии В. Ф. Тервинский по настоянию матери был похоронен 1 июня 1919 года рядом с отцом на Неглинском кладбище. Однако боевые товарищи, напротив, расценивали Братскую могилу как место почетного захоронения, поэтому стремились именно так почтить память ушедшего из жизни, возможно, не всегда согласуя свои действия с Губкомом РКП(б) и Губвоенревкомом. Так, известие о похоронах служащего Петрозаводского городского совета А. М. Коршунова, бывшего бойца отряда коммунистов, воевавшего на толвуйском участке фронта, ушедшего из жизни после болезни, было опубликовано от имени не Губкома РКП(б) и Губсовета, а от имени отдела городского имущества при Петрозаводском Совете²⁷.

Особо обращает на себя внимание факт захоронения в Братской могиле милиционера Николая Федосеева. Как сообщала «Олонецкая коммуна», во время ожесточенных боев за Петрозаводск летом 1919 года он добровольцем пошел на фронт, а после возвращения в Петрозаводск «зашел в милицию, чтобы ознакомиться с положением дел». Там он стал свидетелем «буйства красноармейца Андреева», которого попытался усмирить, и был убит выстрелом из ружья. Уникальность этого случая заключалась в том, что Федосеев «погиб от руки злодея красноармейца» (судьба последнего далее в газете никак не освещалась), а не классового врага. Тем не менее товарищи решили похоронить его в Братской могиле (объявление о похоронах было опубликовано не от имени губернских органов власти, а от имени Петрозаводской городской милиции)²⁸.

Таким образом, рост некрополя в центре города вышел из-под контроля властей, Братская могила стремительно превращалась в кладбище. 7 июля 1919 года Губвоенревком заслушал заявление комиссара штаба 2-й бригады т. Езергайл о похоронах убитых при обороне Петрозаводска. Было решено «доставленные тела 21-го убитых похоронить на Братской могиле. Объявить, что больше на этой могиле никто хорониться не будет, для чего необходимо подыскать другое Братское кладбище на окраине города»²⁹. Возможно, в этих сухих строках протокола отразился имевший место летом 1919 года конфликт между представителями военных властей и Губвоенревкома [4: 161].

Однако данное решение нарушил сам же Губвоенревком. К 9 октября 1919 года в город были доставлены тела замученных белогвардейцами военного комиссара 5-го стрелкового полка Л. Фокина и комбрига К. Дамма. Они были торжественно похоронены на братском кладбище коммунистов (именно так Братская могила была названа в сообщении о похоронах). Героическая смерть вновь должна была поднять население на борьбу с врагом. Карл Дамм стал первым беспартийным, захороненным в Братской могиле. В статье, написанной человеком, лично не знавшим

погибших, акцент был сделан на мучительной смерти, жестокости палачей. Особо была выделена биография беспартийного бывшего офицера царской армии Дамма: «Его смерть послужит агитацией для всех беспартийных офицеров, работающих в Красной Армии, пусть все военные специалисты, работающие в рядах Красной Армии, определенно спросят себя, кто такие белогвардейцы. И с кем должны идти те, которые еще заблуждаются, думая, что победа белых будет радостью их жизни»³⁰. По сути, кончина Дамма была свидетельством отсутствия выбора у тех, кто пошел на сотрудничество с советской властью, так как враги их не пощадят, и показателем готовности оценить их жертвы (Дамма хоронили «на Братском кладбище коммунистов»).

Прощание с Фокиным и Даммом стало своеобразным сигналом к возобновлению похорон «на Братской могиле». В октябре – ноябре 1919 года здесь были похоронены еще 10 бойцов и командиров Красной армии: помощник воен-

ного комиссара Петрозаводского уезда, комиссар десанта в Лижме И. Г. Ширшин, командир роты И. Б. Фокин, командир роты Г. Евдокимов, комвзвода Н. Алексеев, комвзвода А. Готовцев, помощник командира взвода Д. Карулин, стрелки Н. Семёнов и Г. Филиппов, юнга канонерской лодки М. Н. Богданов, кочегар канонерской лодки А. Г. Пименов, матрос П. А. Яковлев.

К марту 1920 года мурманская группировка белых, полтора года угрожавшая выходом к Петрозаводску и Петрограду, прекратила сопротивление. Остатки разгромленных частей белой армии отступали в сторону советско-финляндской границы [3: 424]. В этих условиях отпала необходимость в таком мобилизационном инструменте, как похороны в Братской могиле в центре города. Знаком завершения мемориала стала подготовка к установке на нем памятника. Проект был заказан Губисполкомом бывшему преподавателю рисования и чистописания Олонецкой гимназии Константину Васильевичу Собакину.

Рис. 2. Братская могила в городе Петрозаводске. 1930 год. Автор съемки: Я. Роскин. НА РК. П-848

С ноября 1919 года по март 1920 года нет упоминаний о захоронениях в Братской могиле. Новая траурная церемония прошла 4 марта 1920 года по инициативе Петрозаводского уездного комитета РКП(б) и бюро коллектива РКП(б) Онежского завода, когда были похоронены бывшие рабочие завода П. Одинцов, А. Суханов и И. Васильев, расстрелянные белогвардейцами в д. Челмужи в мае 1919 года. Их тела были найдены по инициативе вдов, обратившихся в Губком РКП(б) с просьбой помочь найти и вывезти в Петрозаводск тела мужей³¹. В отличие от во-

многом стихийных похорон осени 1919 года эти похороны были тщательно организованы. На сей раз траурная акция демонстрировала победу большевиков. Сам факт захоронения тел товарищей, найденных на освобожденной от врага территории, был символом победы. Присутствие на похоронах «местной РКП, союза молодежи, Петрозаводского уездного съезда единой трудовой школы, почти в полном составе Онежского завода» подчеркивало единство трудящихся в поддержке советской власти³². С этого момента смысл «красных похорон» на пл. 25 Октября

начинает меняться. Хотя в марте – апреле 1920 года состоялось еще несколько погребений, но они отличались скромностью, практически не описывались в прессе, а лишь упоминались в объявлениях о похоронах³³. По-видимому, все они прошли по инициативе военных, а не губернских властей, однако постепенно подобная практика прекратилась. Позже некрополь станет развиваться в принципиально ином ключе – как место почетных захоронений политических лидеров. Но этот этап заслуживает отдельного рассмотрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, создание Братской могилы коммунистов в Петрозаводске в годы Гражданской войны было частью мобилизационной политики большевиков. Похороненные здесь товарищи должны были стать образцом для жителей горо-

да, а их героическая смерть – призывом к борьбе и укором тем, кто от этой борьбы пытался уклониться. При этом увековечивались не отдельные герои, а идеал борьбы за дело рабочего класса. Поэтому имена многих из них были позже забыты. Если традиционное кладбище являлось местом семейной памяти и прежде всего родственники ухаживали за могилами и сохраняли память об умершем, то здесь обязанности ухода за захоронениями были возложены на местные власти, которые в 1922 году на месте Братской могилы установили обелиск, символически объединивший индивидуальные биографии в одну историю борьбы за советскую власть. В 1970–1980-е годы Н. К. Тиньковой было потрачено немало сил на восстановление списка захоронений. Однако архивные документы позволяют утверждать, что мемориальные плиты на площади Ленина содержат имена не всех, лежащих под ними.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Манифестация // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 31 марта. С. 1.
- ² Там же.
- ³ НА РК. Ф. П-6259. Оп. 1. Д. 1/8. Разнородная переписка. Л. 110.
- ⁴ Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы. Кн. 3, 1903–2003. Петрозаводск: Карелия, 2003. С. 153.
- ⁵ Научный архив КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 129. Матвеев Иван Васильевич. Петрозаводск в июне 1919 года (оборона города). Варианты воспоминаний. 1961. Л. 53.
- ⁶ Мульский. Похороны погибших коммунаров // Олонецкая коммуна. 1919. 3 июня. С. 3.
- ⁷ Игошкин Я. Константин Федорович Боровский (некролог) // Олонецкая коммуна. 1919. 14 июня. С. 2.
- ⁸ Тов. Лампинен и Бакман (некролог) // Олонецкая коммуна. 1919. 24 июня. С. 2.
- ⁹ Тов. Алексей Трофимов (некролог) // Олонецкая коммуна. 1919. 26 июня. С. 2.
- ¹⁰ Ладогин Я. Василий Иван. Силкин (некролог) // Олонецкая коммуна. 1919. 28 июня. С. 2.
- ¹¹ Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции, 1918–1920 гг.: Сборник документов и материалов. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1964. С. 85.
- ¹² НА РК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 2/33. Протоколы заседаний Олонецкого губкома РКП(б) за 1919 г. Л. 140.
- ¹³ Игошкин Я. Константин Федорович Боровский (некролог)...
- ¹⁴ Ладогин Я. Василий Иван. Силкин (некролог)...
- ¹⁵ Игошкин Я. Петр Варламович Кулагин (некролог) // Олонецкая коммуна. 1919. 8 июня. С. 2.
- ¹⁶ Ладогин Я. Василий Иван. Силкин (некролог)...
- ¹⁷ Игошкин Я. Петр Варламович Кулагин (некролог)...
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Игошкин Я. Константин Федорович Боровский (некролог)...
- ²⁰ Памяти тов. Вердена // Олонецкая коммуна. 1919. 2 июня. С. 1.
- ²¹ Научный архив КНЦ РАН. 1. Оп. 20. Д. 129. Матвеев Иван Васильевич. Петрозаводск в июне 1919 года (оборона города)... Л. 53.
- ²² Дорогие могилы // Олонецкая коммуна. 1919. 10 июля. С. 3.
- ²³ Похороны погибших коммунаров // Олонецкая коммуна. 1919. 3 июня. С. 3.
- ²⁴ Похороны В. Ф. Тервинского // Олонецкая коммуна. 1919. 2 июня. С. 3.
- ²⁵ К похоронам погибших на подступах в Петрозаводск // Олонецкая коммуна. 1919. 9 июля. С. 1.
- ²⁶ Объявления // Олонецкая коммуна. 1919. 12 октября. № 231. С. 1.
- ²⁷ Объявления // Олонецкая коммуна. 1919. 18 июня. С. 4.
- ²⁸ Николай Федосеев (некролог) // Олонецкая коммуна. 1919. 25 июня. С. 2.
- ²⁹ НА РК. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 1/2. Выписки из протоколов заседаний Губвоенревкома (копии). Л. 840.
- ³⁰ Мурзинов Н. Час возмездия близок // Олонецкая коммуна. 1919. 9 окт. С. 1.
- ³¹ НА РК. Ф-3723. Оп. 1. Д. 62. Материалы по уточнению имен героев Гражданской войны, захороненных в мемориале на пл. В. И. Ленина. Т. 1. Л. 19–20.
- ³² Спите, орлы боевые // Олонецкая коммуна. 1920. 5 марта. С. 2.
- ³³ Объявления // Олонецкая коммуна. 1920. 12 марта. С. 4; Объявления // Олонецкая коммуна. 1920. 31 марта. С. 2; Тов. Власова (некролог) // Олонецкая коммуна. 1920. 23 апреля. С. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волохова В. В. Формирование мифа об Октябрьской революции и Гражданской войне средствами монументальной пропаганды (на примере г. Петрозаводска) // CARELICA. 2015. № 1. С. 8–24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://carelica.petrstu.ru/2015/VOLOKHOVA.pdf> (дата обращения 05.09.2016).
2. Дубровская Е. Ю. Общественная жизнь Петрозаводска в 1918–1920 гг. // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации: Материалы науч. конф., посвящ. 10-летию РГНФ, 29 июня – 2 июля 2004 г. Петрозаводск, 2004. Т. 1. С. 98–103.
3. История Карелии с древнейших времен до наших дней / А. И. Афанасьева, А. И. Бутвило, Л. И. Вавулинская и др.; Под общ. ред. Н. А. Коралева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.

4. История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 373 с.
5. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 347 с.
6. Красильникова Е. И. Похороны как аспект городской повседневности (по материалам западносибирской газетной прессы первой половины 1920-х гг.) // Социальная история: Ежегодник. 2010. СПб.: Алетейя, 2011. С. 223–250.
7. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и мемориативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 годов). Новосибирск, 2015. 405 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ciu.nstu.ru/kaf/persons/28481> (дата обращения 15.10.2016).
8. Орлов И. Марсово поле и траур в политике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://openleft.ru/?p=5683> (дата обращения 23.09.2016).
9. Полищук Н. С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Советская этнография. 1991. № 6. С. 25–39.
10. Соколова А. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!»: Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные записки. 2013. № 5 (56) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/5/17s.html> (дата обращения 23.09.2016).
11. Тяжелникова В. С. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» (Генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов) // Социальная история: Ежегодник, 1998/1999. Москва: РОССПЭН, 1999. С. 411–433.
12. Шалаева Н. В. Становление плана монументальной пропаганды в Советской России. 1917–1918 // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 8 (337). История. Вып. 59. С. 18–24.
13. Шалаева Н. В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е гг.: социокультурный аспект: Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. 445 с.
14. Corney F. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca; N. Y.; London, 2004. 301 p.

Volkhova V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

HISTORY OF THE COMMON GRAVE OF COMMUNISTS IN THE CONTEXT OF PETROZAVODSK POLITICAL LIFE DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR

The first overview of the history of the common grave of Communists, located in the center of Petrozavodsk (Lenin square), is represented. On the basis of archive materials and published sources, the author analyzes the role of the new secular cemetery in the political life of the town, discloses the aims pursued by provincial authorities, and studies the attitude of local citizens towards the new memorial. The author comes to a conclusion that inauguration of the mass grave of Communists in Petrozavodsk during the Russian Civil War was a part of the Bolsheviks' mobilization policy. Comrades buried there were considered to be a role model for the local population; their heroic deaths called to arms and blamed those who avoided this struggle. The memorial perpetuated not individual heroes, but the common ideal of struggle for the working class. That is why many of the heroes were forgotten later.

Key words: "Red funeral", Common grave of Communists in Petrozavodsk, Civil War in Russian Karelia, commemoration

REFERENCES

1. Volkhova V. V. Making a myth about The October Revolution of 1917 and the Russian Civil War by means of monumental propaganda (Petrozavodsk, Karelia as an example) [Formirovanie mifa ob Oktyabr'skoy revolyutsii i Grazhdanskoy voyne sredstvami monumental'noy propagandy (na primere g. Petrozavodsk)]. *CARELICA*. 2015. № 1. P. 824. Available at: <http://carelica.petrstu.ru/2015/VOLOKHOVA.pdf> (accessed 05.09.2016).
2. Dubrovskaya E. Yu. The social life of Petrozavodsk in 1918–1920 [Obshchestvennaya zhizn' Petrozavodsk v 1918–1920]. *Problemy razvitiya gumanitarnoy nauki na Severo-Zapade Rossii: opyt, traditsii, innovatsii*. Petrozavodsk, 2004. Vol. 1. P. 98–103.
3. *Istoriya Karelii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The history of Karelia from ancient times to the present day]. Ed. by N. A. Korablev, V. G. Makurov, Yu. A. Savvateev, M. I. Shumilov. Petrozavodsk, 2001. 943 p.
4. *Istoriya Petrozavodsk: vlast' i gorozhane* [The history of Petrozavodsk: the government and the citizens]. Petrozavodsk, 2008. 373 p.
5. Kolonitskiy B. I. *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 g.* [Symbols of power and the struggle for power: the study of the political culture of the Russian revolution of 1917]. St. Petersburg, 2001. 347 p.
6. Krasil'nikova E. I. Funerals as an aspect of urban everyday life [Pokhorony kak aspekt gorodskoy povsednevnosti]. *Sotsial'naya istoriya: Ezhegodnik*. 2010. St. Petersburg, 2011. P. 223–250.
7. Krasil'nikova E. I. *Pomnit' nel'zya zabyt'... Pamyatnye mesta i kommoriativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri* [Remember not to forget... Memorials and commemorative practices in the cities of Western Siberia]. Novosibirsk, 2015. 405 p. Available at: <http://ciu.nstu.ru/kaf/persons/28481> (accessed 15.10.2016).
8. Orlov I. *Marsovo pole i traur v politike* [The field of Mars and mourning in politics]. Available at: <http://openleft.ru/?p=5683> (accessed 23.09.2016).
9. Polishuk N. S. Ritual as a social phenomenon ("red funeral" as example) [Obryad kak sotsial'noe yavlenie (na primere "krasnykh pokhoron")]. *Sovetskaya etnografiya*. 1991. № 6. P. 25–39.
10. Sokolova A. "It is impossible for new people to bury the old!": The evolution of the funeral rite in Soviet Russia ["Nel'zya, nel'zya novykh lyudey khoronit' po-staromu!": Evolyutsiya pokhoronnogo obryada v Sovetskoy Rossii]. *Otechestvennye zapiski*. 2013. № 5 (56). Available at: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/5/17s.html> (accessed 23.09.2016).
11. Tyazhel'nikova V. S. "You fell a victim to a fatal struggle..." (Genesis and evolution of the revolutionary sacrifice of the Communists) ["Vy zhertvuyu pali v bor'be rokovoy..."] (Genезis i evolyutsiya revolyutsionnoy zhertvennosti kommunis-tov)]. *Sotsial'naya istoriya: Ezhegodnik*. 1998/1999. Moscow, 1999. P. 411–433.
12. Shalaeva N. V. The formation of the plan of monumental propaganda in Soviet Russia. 1917–1918 [Stanovlenie plana monumental'noy propagandy v Sovetskoy Rossii. 1917–1918]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 8 (337). Istoriya. Issue 59. P. 18–24.
13. Shalaeva N. V. *Formirovanie obraza sovetskoy vlasti v rossiyskom obshchestve v 1917–1920-e gg.: sotsiokul'turnyy aspekt: Dis. ... d-ra ist. nauk* [The formation of the image of Soviet power in the Russian society in 1917–1920th]. Saratov, 2014. 445 p.
14. Corney F. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca; N. Y.; London, 2004. 301 p.

Поступила в редакцию 02.11.2016

ВАРВАРА АНАТОЛЬЕВНА ИНОЗЕМЦЕВА

кандидат философских наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
zema@onego.ru

ЕЛЕНА ИВАНОВНА ЧЕРНЕНКОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
chernenkova_lena@mail.ru

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРАКТИКАХ ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Предлагается историографический обзор основных направлений и результатов исследования феномена общественной экспертизы как одного из проявлений современной формы публично-властной коммуникации и общественного участия. Научный анализ общественной экспертизы как формы общественного контроля актуализирован политической повесткой дня, определяющей вовлеченность общества в процессы принятия решений в качестве основного вектора административной реформы в Российской Федерации. На основе анализа монографической литературы и научной периодики показан полидисциплинарный характер исследований сущности общественной экспертизы, ее характерных особенностей и функций. Выявлен широкий спектр научных исследований, обращающихся к изучению феномена общественной экспертизы, состоящих из философского анализа сущностных черт современного экспертного знания, правоведческих и политологических работ теоретического и прикладного характера, вплоть до построения моделей организации частных экспертиз методами прикладной математики. Отдельно выявляется пул исследований, обращающихся к изучению акторов современной экспертной и аналитической деятельности.

Ключевые слова: общественное участие, общественная экспертиза, общественный контроль, экспертно-аналитические сообщества

Феномен общественного участия и его роль в развертывании политического процесса в современной России являются предметом многочисленных исследований, начальный период которых рассмотрен довольно подробно в статье М. Р. Холмской «Политическое участие как объект исследования (Обзор отечественной литературы)» [39]. На современном этапе исследовательский интерес вызывает рассмотрение общественного участия в контексте реформирования системы государственного управления в Российской Федерации и внедрения общественного контроля. Подробный анализ нормативной базы общественного контроля представлен авторами статьи в монографии «Общественное участие в государственно-публичном управлении Республики Карелия» [15].

Из форм общественного контроля в отечественной политической теории существенное значение уделяется определению предметного поля и развитию практик общественной экспертизы. В связи с этим актуализируется задача обобщения существующего опыта организации общественной экспертной и аналитической деятельности: определения ее потенциальных воз-

можностей и проблем, блокирующих развитие этой формы общественного контроля.

Принято считать, что понятие «общественная экспертиза» в современной его интерпретации впервые было озвучено в Послании Президента РФ Б. Н. Ельцина Федеральному Собранию в 1998 году [1]. В дальнейшем понятие было инкорпорировано в политические тексты, сам феномен стал объектом научной рефлексии. Спектр научных дисциплин, обращающихся к его изучению, достаточно обширен [40]. Социальной философией значимость экспертного знания в современных практиках управления связывается с задачей творческого конструирования «сценариев развития множественно детерминированных процессов и событий». Задача экспертной деятельности видится ориентированной не только и не столько на «точную оценку воздействия тех или иных факторов и их возможных взаимодействий между собой, но и понимание того, какие вообще факторы требуют учета» [18: 48], [33].

Философская интерпретация роли экспертного знания базируется на ценностном понимании интеллектуальной деятельности в современном мире [35], [36], ее возможностей в обеспечении

развития человеческого потенциала [41], [43: 313–344]. Экспертная деятельность рассматривается «в качестве весьма перспективного инструментария для ослабления тех напряжений, которые возникают в ходе глубоких трансформаций существующих и зарождения совершенно новых социальных институтов» [42: 135]. Вместе с тем предметом философского анализа экспертной деятельности выступает и оценка способов включения экспертных сообществ в сферу управленческой и публичной деятельности. В этом случае авторы сосредотачиваются на исследовании отдельных направлений экспертного сопровождения принимаемых политических решений. Так, например, в исследовании А. В. Еленского экспертиза определяется в качестве необходимого элемента управления, при этом в первую очередь формулируется сущность политической экспертизы. Основная мысль, к которой приходит автор, сводится к тому, что при всех объективных ограничениях «политическая экспертиза в настоящее время плотно инкорпорирована в систему политических институтов и демонстрирует тенденцию к постепенному укреплению своих позиций и своей роли в политическом управленческом процессе» [11: 59]. Достаточно значимым для определения теоретических оснований и векторов междисциплинарных исследований экспертной деятельности является, с нашей точки зрения, следующее утверждение автора: «...именно в переходные периоды, связанные с деформациями национально-государственной парадигмы, роль политической экспертизы может возрастать, и она становится активной составляющей формируемой системы национальных политических ориентиров. При этом на первый план выходят идеолого-концептуальные разработки (предметная область теоретико-фундаментального политического анализа), которые в иное время выполняют несколько другую функцию в политической экспертизе, уступая центральное место практически-прикладным исследованиям» [11: 68]. В таких ситуациях целью вовлечения аналитиков и экспертов в процессы публично-властного управления может выступать, согласно определению А. А. Дегтярева, выработка «общих принципов и специальных методов моделирования, диагностики, прогнозирования проблемно-политических ситуаций и формулирование практических рекомендаций при подготовке, принятии и реализации публичных решений» [8: 158].

Парадигмальными основаниями задач,двигаемых и решаемых экспертно-аналитическими сообществами на разных фазах политико-управленческого цикла, чаще всего выступают ценностный, неинституциональный и процессуальный подходы [6], [9]. Теоретическое конструирование, учитывающее целевые установки, заданные политической повесткой дня, и апелли-

рующее к имеющемуся практическому опыту, делает возможным сведение ценностных, институциональных, функциональных, процессуальных и сетевых параметров экспертной деятельности в целостную модель общественной экспертизы. Ее динамические характеристики могут быть верифицированы и в контексте определения функций общественного участия и контроля в обеспечении эффективности государственного управления, присущих различным моделям государственного управления: бюрократической, нового государственного управления, открытого правительства. Среди отечественных авторов, обращающихся к этой проблематике, можно отметить О. Ф. Шаброва [41], Л. М. Сморгунува [31], Е. Г. Морозову [21]. В работах этих исследователей с применением методов диахронного и синхронного сравнительного анализа, с опорой на зарубежный и отечественный опыт показывается изменение роли общественного контроля в процессах административных преобразований и утверждающихся практиках открытого государственного управления в Российской Федерации.

Общественная экспертиза как элемент практической реализации открытости власти стала объектом научной рефлексии как в политологических, так и правоведческих исследованиях. Осмысление этого феномена в политологических исследованиях осуществляется, в частности, в дискурсе делиберативной и мониторинговой демократии. Среди исследователей, которые активно транслируют положения этих концептов в проблемное поле российских исследований, в первую очередь можно отметить серию статей А. В. Зайцева [12], [13] и исследования А. Н. Линде [19]. В частности, в одной из статей А. В. Зайцева утверждается: «Посредством диалогического дискурса общество и отдельные граждане включаются в дискурсивный процесс делиберативной выработки и принятия решений. Публичный характер политики предполагает, что политические решения и программы... подлежат общественному контролю на каждом из этапов их реализации» [13: 1470].

Характеризуя возможности реализации принципов мониторинговой демократии, в качестве ее особенностей С. П. Перегудов отмечает способность «вбирать в себя постоянно меняющиеся формы и методы взаимодействия общества и власти, которые обнаруживаются на различных ее уровнях и пространствах. Выражаясь конкретнее, она существенно обогащает тот арсенал средств, которыми располагает общество для мониторинга власти, причем делая это на всех основных жизненно важных направлениях активности социумов. Одновременно она стимулирует или вынуждает власти самых различных уровней и компетенции вступать в диалог с обществом и его акторами, функционирующими на тех же уровнях» [23: 66].

В рамках правоведения сущность общественной экспертизы разрабатывается при раскрытии смысла понятия «открытость и прозрачность власти». Профессор НИУ ВШЭ А. В. Нестеров определяет открытость органов власти как «юридическое свойство, характеризующее реординационное взаимодействие с субъектами гражданского общества, в частности юридическую и фактическую возможность правового воздействия этих субъектов на политические, законодательные и/или административные решения таких органов» [22: 4–5]. Рассматривая проблемы, связанные с вовлеченностью гражданского общества в процессы принятия управленческих решений, автор выделяет три вида реординационного взаимодействия субъектов гражданского общества: взаимодействия, организованного органами власти; самостоятельной деятельности независимых институтов; неинституализированного взаимодействия отдельных инициативных групп граждан. Достаточно оригинальной при этом является авторская оценка понятий «вовлечение в управление государством» и «общественный контроль», которые А. В. Нестеров определяет как метафоры. Определяя роль общественно-го участия, он говорит о реординационном воздействии субъектов гражданского общества на властные структуры.

Анализ содержания понятия общественной экспертизы как правовой категории предложен в работах П. А. Кабанова в контексте изучения феномена антикоррупционной экспертизы [17]. При этом автор показывает специфику официальной дефиниции понятия, данного федеральным законодателем, и тех особенностей организации экспертной деятельности, которые следуют из этого определения, анализирует основные инструменты ее осуществления. Специфика регионального законодательства П. А. Кабанову видится в том, что в качестве предназначения общественной экспертизы региональные законы в основном фиксируют задачи повышения качества законодательных и иных правовых актов и согласование интересов социальных групп [17: 1170, 1173].

Обращаясь к правовой природе института общественной экспертизы, Ю. С. Половникова [24] сравнивает общественную экспертизу с другими формами общественного контроля, выделяет ее специфические черты и функции, рассматривает в качестве наиболее эффективной формы взаимодействия властных и общественных структур. Вместе с тем она утверждает, что «в настоящее время общественность России лишена функций контроля над государством в связи с тем, что вмешательство в деятельность органов государственной и муниципальной власти строго лимитировано и предполагает лишь внешнее наблюдение, а выявленные недостатки и разработанные предложения могут быть восприняты лишь

в качестве рекомендаций» [24: 113–114]. В связи с этим автор предлагает различение понятий «общественный контроль» и «общественный надзор», в основе этого различения – признание различных результатов реализации полномочий: «для контрольных – окончательность и обязательность указаний, а для надзорных – лишь предварительность и рекомендательный характер» [24: 113].

Определенный скептицизм правоведов и их стремление избежать расширительной интерпретации общественной экспертизы как инструмента демократизации государственного управления проявляют себя и в ряде политологических исследований. Так, например, в статье О. В. Милаевой и А. Е. Сиушкина «“Открытое правительство”: способ демократизации информационно-коммуникационного пространства?» авторы определяют проблемные зоны реализации модели открытого государственного управления. С их точки зрения, внедряемые инструменты гражданского контроля ориентируют общество на артикуляцию проблем, но процедуры выработки управленческого решения остаются для них закрытыми, при этом не предусмотрены юридические гарантии исполнения общественных инициатив. Еще одна проблема связана с тем, что реализация «открытого правительства» предусматривается как властное веление, как «реформирование сверху». Это, с точки зрения исследователей, ограничивает реординационные связи между гражданами и властью. Слабая регламентация процедуры взаимодействия с общественными институтами и частными инициативами может быть связана с попытками придать общественной экспертизе заказной характер, использовать как средство манипуляции общественным сознанием [20].

Преодоление этих рисков лежит в плоскости тех требований, которые еще в середине 1990-х годов сформулировал Ю. В. Сидельников, который настаивал на необходимости подведения под экспертную деятельность строгой научной базы [30]. Современные подходы к организации экспертно-аналитической деятельности, сопровождающей процессы принятия управленческих решений, представляют собой методологически обоснованные и методически определенные проекты, базирующиеся на достижениях не только гуманитарных, но и точных дисциплин. В отечественной науке эта традиция складывается в связи с разработкой теории управления большими системами с применением методов прикладной математики, системного анализа и теории измерений [28], [29]. Способы трансляции этих идей, разрабатываемых в рамках теории управления большими системами, в область государственной экспертизы, в сферу экспертного анализа общественных проблем предлагаются, например, в работах А. Н. Райкова [25], [26].

Математические и логические модели организации экспертной деятельности, ориентированные на обеспечение ее достоверного и качественного результата, находят применение во многих сферах управленческой деятельности [2], [10]. Они являются основанием для определения критериев деятельности экспертов по оценке качества принимаемых управленческих решений, а также их регулирующего воздействия на социум.

В отечественной историографии по проблематике общественной экспертизы выделяется пласт научной литературы, посвященной анализу роли и функций отдельных акторов, участвующих в производстве экспертного знания при принятии публичных решений. Среди этих акторов ведущее место занимают представители экспертных и аналитических сообществ, что нашло отражение в исследовательском поле.

Из исследований прежде всего следует отметить ряд работ, появившихся при участии общественной организации – Санкт-Петербургского гуманитарно-политологического центра «Стратегия» во главе с профессором А. Ю. Сунгуровым. В одной из ранних публикаций этого коллектива был использован англоязычный термин «фабрика мысли» и впервые в России введено в научный оборот понятие «центров публичной политики» как определенного подкласса «фабрики мысли» [37]. Таким образом, происходило конституирование терминологии по обозначению особой автономной формы организации работы экспертных сообществ. В работах А. Ю. Сунгурова, М. Б. Горного, А. А. Балаяна, В. Л. Римского и др. собран обширный фактологический материал по осмыслению зарубежного опыта развития «фабрик мысли», анализу развития и деятельности крупнейших российских «фабрик мысли» и других форм организации и самоорганизации экспертного сообщества [4], [27], [34], [38]. В ежегодном альманахе «Публичная политика», издаваемом центром «Стратегия» с 2004 года, значимое место отводится «фабрикам мысли» разного вида.

Использование субъектно-институционального подхода, применяемого в качестве методики

кафедрой публичной политики НИУ ВШЭ под руководством Н. Ю. Беляевой, реализовалось в оформлении еще одного направления в исследованиях акторов общественной экспертизы. Коллектив кафедры подготовил учебное пособие, ряд изданий обзорного характера и научных статей, посвященных развитию аналитических центров (так называют обсуждаемые структуры Н. Ю. Беляева, Д. Г. Зайцев и их соавторы) в ряде регионов России [3], [5], [7], [32].

Таким образом, можно констатировать оформление в Российской Федерации нескольких исследовательских коллективов, последовательно занимающихся изучением различных форматов организации экспертно-аналитических сообществ. Большинство авторов являются представителями тех организаций, которые можно классифицировать как «фабрики мысли» в том или ином варианте. Однако в последнее время стал заметным появляющийся интерес академического сообщества к развитию подобных институтов. Теме «Социальные и политические функции академических и экспертных сообществ» был посвящен номер журнала «Политическая наука», в котором авторы представили статью о развитии экспертного сообщества в Республике Карелия [16] (см. также [14]).

Рассмотренные в данном обзоре отечественные монографические публикации и научная периодика позволяют сделать вывод, что при всех существующих ограничениях общественная экспертиза рассматривается как эффективное средство наращивания качества управленческих практик и как действенный инструмент артикуляции и лоббирования общественного интереса. Практическая значимость данных исследований связывается с тем, что научное видение и обоснование экспертной деятельности на основе комплексного подхода к пониманию общественной экспертизы могут способствовать оптимизации имеющегося потенциала общественного контроля в процессах моделирования современной системы политической коммуникации между властью и обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 17.02.1998 «Общими силами – к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22960/?frame=4 (дата обращения 12.01.2017).
2. Абрамова Н. А. О проблеме рисков из-за человеческого фактора в экспертных методах и информационных технологиях // Проблемы управления. 2007. № 2. С. 11–21.
3. Аналитические сообщества в публичной политике. Глобальный феномен и российские практики / Отв. ред. Н. Ю. Беляева. М.: РОССПЭН, 2012. 253 с.
4. Балаян А. А., Сунгуров А. Ю. Фабрики мысли: международный и российский опыт: Учеб. пособие. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2014. 236 с.
5. Беляева Н. Ю. Гражданская экспертиза как форма гражданского участия. М.: Фрегат, 2001. 146 с.
6. Беляева Н. Ю. Публичная политика: от модулей описания властного пространства – к инструментам гражданского действия // Публичная политика – 2004: Сб. ст. / Под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2004. С. 113–116.
7. Беляева Н. Ю., Зайцев Д. Г. «Фабрики мысли» и центры публичной политики как субъекты экспертного обеспечения политики // Политика. 2008. № 4. С. 139–152.
8. Дегтярев А. А. Политический анализ как прикладная дисциплина: предметное поле и направления разработки // ПОЛИС: Политические исследования. 2004. № 1. С. 154–168.
9. Дегтярев А. А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический

- цикл и его основные фазы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Degtyaryov_2004_4.pdf (дата обращения 12.01.2017).
10. Дорофеев А. А. Методология экспертно-классификационного анализа в задачах управления и обработки сложноорганизованных данных (История и перспективы развития) // Проблемы управления. 2009. № 3. С. 19–28.
 11. Еленский А. В. Политическая экспертиза: генезис, понятие и когнитивные возможности // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 57–70.
 12. Зайцев А. В. Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // NB: Проблемы политики и общества. 2013. № 5. С. 29–44 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_689.html (дата обращения 12.01.2017).
 13. Зайцев А. В. Диалог государства и гражданского общества, его роль и место в институциональном дизайне публичной политики // Политика и Общество. 2014. № 12. С. 1469–1478.
 14. Иноземцева В. А. Экспертно-аналитическая деятельность в сфере публично-государственного управления в Республике Карелия // Studia Humanitatis Borealis (научный электронный журнал). 2014. № (2). С. 25–37 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sthb.petsu.ru/journal/article.php?id=3023> (дата обращения 12.01.2017).
 15. Иноземцева В. А., Черненко Е. И. Общественное участие в государственно-публичном управлении Республики Карелия: В 2 ч.: Научное электронное издание. Электрон. дан. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Ч. 1. 74 с.
 16. Иноземцева В. А., Черненко Е. И. Экспертное сообщество Республики Карелия: опыт участия в публичной политике // Политическая наука. 2015. № 3. С. 175–183.
 17. Кабанов П. А. Общественная экспертиза как форма общественного контроля за деятельностью органов публичной власти в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовой анализ // Политика и Общество. 2014. № 10. С. 1168–1183.
 18. Леонтьев Д. А. Экзистенциальные основания экспертной деятельности // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / Под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. 456 с.
 19. Линде А. Н. Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Вып. 1. С. 52–58.
 20. Милаева О. В., Сиушкин А. Е. «Открытое правительство»: Способ демократизации информационно-коммуникационного пространства? // Наука. Общество. Государство: Электронный научный журнал. 2014. № 1 (5). С. 1–13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения 12.01.2017).
 21. Морозова Е. Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М.: РОС-СПЭН, 1999. 247 с.
 22. Нестеров А. В. О стандарте (концепции) открытости «открытого правительства» // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8. С. 3–7.
 23. Перегудов С. П. Концепция мониторинговой демократии: к новым отношениям власти и общества // ПОЛИС: Политические исследования. 2012. № 6. С. 55–67.
 24. Половникова Ю. С. Правовая природа института общественной экспертизы // Основы экономики, управления и права. 2013. № 5 (11). С. 113–116.
 25. Райков А. Н. Конвергентное управление и поддержка решений. М.: Изд-во ИКАР, 2009. 244 с.
 26. Райков А. Н. Система для стратегического управления // Государственная служба. 2012. № 6. С. 58–61.
 27. Римский В. Л., Сунгуров А. Ю. Российские центры публичной политики: опыт и перспективы // ПОЛИС: Политические исследования. 2002. № 6. С. 143–150.
 28. Сидельников Ю. В., Салтыков С. А. Процедура отбора наиболее приемлемых разновидностей экспертных методов // Управление большими системами. 2010. № 30. С. 35–66.
 29. Сидельников Ю. В. Системный анализ экспертного прогнозирования. М.: МАИ, 2007. 453 с.
 30. Сидельников Ю. В. Экспертиза: состояние и тенденции развития // МЭиМО: Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 2. С. 122–130.
 31. Сморгун Л. В. Сравнительное государственное управление: Теория, реформы, эффективность. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 228 с.
 32. Сравнительный анализ российских и зарубежных аналитических центров: case-study: Учеб. пособие / Сост. и ред. Н. Ю. Беляева, Д. Г. Зайцев. М.: ГУ – ВШЭ, 2007. 284 с.
 33. Сулакшин С. С., Бабченко О. С., Строганова С. М. О возможностях прогнозирования и управления развитием общества и государства (конструирования будущего). М.: Научный эксперт, 2006. 32 с.
 34. Сунгуров А. Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 283 с.
 35. Тищенко П. Д. Философские основания гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 198–205.
 36. Тульчинский Г. Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x2871.htm> (дата обращения 12.01.2017).
 37. «Фабрики мысли» и центры публичной политики: международный и первый российский опыт: Сб. ст. / Под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2002. 226 с.
 38. «Фабрики мысли» и центры публичной политики: исследовательская функция / Ред. М. Б. Горный. СПб.: Норма, 2006. 234 с.
 39. Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования (Обзор отечественной литературы) // ПОЛИС: Политические исследования. 1999. № 5. С. 170–177.
 40. Черненко Е. И. Феномен общественной экспертизы в фокусе полидисциплинарных исследований // Современные научные исследования и разработки: Электронное научно-практическое периодическое издание / Гл. ред. А. П. Власкин. Вып. 1 (9) (январь 2017 г.). Т. 2. С. 246–251 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://olimpiks.ru> (дата обращения 12.01.2017).
 41. Шабров О. Ф. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // Власть. 2010. № 5. С. 4–9.
 42. Юдин Б. Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 126–135.
 43. Юдин Б. Г. Экспертиза в обществе знаний // Знание в социокультурном пространстве / Под общ. ред. акад. РАН В. С. Степина. М.: Экономическое образование, 2011. 531 с.

Inozemtseva V. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Chernenkova E. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE INSTITUTE OF PUBLIC EXPERTISE IN PRACTICES OF POWER AND PUBLIC COOPERATION: THE HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF NATIONAL LITERATURE

The article deals with the historiographical review of major trends and findings of the research devoted to the phenomenon of public expertise as one of the manifestations of contemporary power and public communication and public participation. The scientific analysis of the public expertise as a form of social control is predisposed by the political agenda that determines involvement of the society in decision-making processes as being the core dimension of the administrative reform in the Russian Federation. The multidisciplinary nature of the research considering the main idea of the public expertise, its special features and functions are demonstrated through the analysis of monographies and academic journals. A wide range of the research addressing the study of public expertise phenomenon, comprising philosophical analysis of essential features of modern expert knowledge as well as jurisprudential and political papers being theoretical and practical in nature, including the construction of private expertise organization models by methods of applied mathematics, was revealed. The separate research pool aimed at studying actors of contemporary expert and analytical activities was also identified.

Key words: public participation, public expertise, public control, expert-analytical communities

REFERENCES

1. Presidential Address to the Federal Assembly dated February 17, 1998 "By joint efforts – to the rise of Russia (on the situation within the country and major policy directions of the Russian Federation)" [Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu Sobraniyu ot 17.02.1998 "Obshchimi silami – k pod'emmu Rossii (o polozhenii v strane i osnovnykh napravleniyakh politiki Rossiyskoy Federatsii)"]. *Konsul'tantPlyus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22960/?frame=4 (accessed 12.01.2017).
2. Abramova N. A. On the risks caused by the human factor in the expert methods and information technologies [O probleme riskov iz-za chelovecheskogo faktora v ekspertnykh metodakh i informatsionnykh tekhnologiyakh]. *Problemy upravleniya* [Control sciences]. 2007. № 2. P. 11–21.
3. *Analiticheskie soobshchestva v publichnoy politike. Global'nyy fenomen i rossiyskie praktiki* [Analytical communities in the public policy. Global phenomenon and the Russian practice]. Editorial Board. N. Y. Belyaev and other. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 253 p.
4. Balayan A. A., Sungurov A. U. *Fabriki mysli: mezhdunarodnyy i rossiyskiy opyt: Uchebnoe posobie* [Think tanks: international and Russian practice: Ed. book]. St. Petersburg, Otdel operativnoy poligrafii NIU VShE Publ., 2014. 236 p.
5. Belyaeva N. Y. *Grazhdanskaya ekspertiza kak forma grazhdanskogo uchastiya* [Civil expertise as a form of civic participation]. Moscow, Fregat Publ., 2001. 146 p.
6. Belyaeva N. Y. Public Policy: from the authoritative space descriptive modules to the civil action tools [Publichnaya politika: ot moduley opisaniya vlastnogo prostranstva – k instrumentam grazhdanskogo deystviya]. *Publichnaya politika-2004* / Edited by A. U. Sungurov. St. Petersburg, Norma Publ., 2006. P. 113–116.
7. Belyaeva N. Y., Zaitsev D. G. "Think Tanks" and public policy centers as policy expert maintenance subjects ["Fabriki mysli" i tsentry publichnoy politiki]. *Politika* [Politeia]. 2008. № 4. P. 139–152.
8. Degtyarev A. A. Policy Analysis as an Applied Discipline: Subject Field and the directions for future development [Politicheskii analiz kak prikladnaya distsiplina: predmetnoe pole i napravleniya razrabotki]. *POLIS: Politicheskie issledovaniya* [POLIS: Political studies]. 2004. № 1. P. 154–168.
9. Degtyarev A. A. *Protsess prinyatiya i osushchestvleniya resheniy v publichno-gosudarstvennoy politike: dinamicheskiy tsykl i ego osnovnyye fazy* [The process of decision making and decision implementation in the public policy of the state: the dynamic cycle and its main phases]. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Degtyaryov_2004_4.pdf (accessed 12.01.2017).
10. Dorofeyuk A. A. Methodology of the expert-based classification analysis of processing and managing complex data structures (history and development prospects) [Metodologiya ekspertno-klassifikatsionnogo analiza v zadachakh upravleniya i obrabotki slozhnoorganizovannykh dannykh (Istoriya i perspektivy razvitiya)]. *Problemy upravleniya* [Control sciences]. 2009. № 3. P. 19–28.
11. Yelensky A. V. Political assessment: the genesis, concept and cognitive abilities [Politicheskaya ekspertiza: genezis, ponyatie i kognitivnye vozmozhnosti]. *Voprosy filosofii*. 2011. № 2. P. 57–70.
12. Zaitsev A. V. Deliberative democracy as an institutional dialogue between the authorities and civil society [Deliberativnaya demokratiya kak institutsional'nyy dialog vlasti i grazhdanskogo obshchestva]. *NB: Problemy politiki i obshchestva*. 2013. № 5. P. 29–44. Available at: http://e-notabene.ru/pr/article_689.html (accessed 12.01.2017).
13. Zaitsev A. V. The State-civil society dialogue, its role and place in the institutional design of public policy [Dialog gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva, ego rol' i mesto v institutsional'nom dizayne publichnoy politiki]. *Politika i obshchestvo* [Politics and Society]. 2014. № 12. P. 1469–1478.
14. Inozemtseva V. A. Expert and analytical activities in the field of public governance in the Republic of Karelia [Ekspertno-analiticheskaya deyatel'nost' v sfere publichno-gosudarstvennogo upravleniya v Respublike Kareliya]. *Studia Humanitatis Borealis*. 2014. № (2). P. 25–37. Available at: <http://sthb.petrso.ru/journal/article.php?id=3023> (accessed 12.01.2017).
15. Inozemtseva V. A., Chernenkova E. I. *Obshchestvennoe uchastie v gosudarstvenno-publichnom upravlenii Respubliki Kareliya* [Public participation in state and public administration of the Republic of Karelia]. In 2 parts. Scientific electronic publishing. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2016. Part 1. 74 p.
16. Inozemtseva V. A., Chernenkova E. I. The expert community of the Republic of Karelia and its public policy expertise [Ekspertnoe soobshchestvo Respubliki Kareliya: opyt uchastiya v publichnoy politike]. *Politicheskaya nauka* [Political science (RU)]. 2015. № 3. P. 175–183.
17. Kabanov P. A. Public examination as a form of social control over the activities of public authorities in the sphere of anti-corruption enforcement: theoretical and legal analysis [Obshchestvennaya ekspertiza kak forma obshchestvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu organov publichnoy vlasti v sfere protivodeystviya korruptsii: teoretiko-pravovoy analiz]. *Politika i obshchestvo* [Politics and Society]. 2014. № 10. P. 1168–1183.
18. Leontyev D. A. Existential foundations of expert activity [Ekzistentsial'nye osnovaniya ekspertnoy deyatel'nosti].

- Ekspertiza v sovremennom mire: ot znaniya k deyatel'nosti*. Edited by G. V. Ivanchenko, D. A. Leontyev. Moscow, Smysl Publ., 2006. 456 p.
19. Linde A. N. Deliberative democracy as a trend in modern theory of democracy: the analysis of the main approaches [Deliberativnaya demokratiya kak napravlenie v sovremennoy teorii demokratii: analiz osnovnykh podkhodov]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. 2015. Issue 1. P. 52–58.
 20. Milaeva O. V., Siushkin A. E. The “Open Government”: The way of democratization of information and communication space? [“Otkrytoe pravitel'stvo”: Sposob demokratizatsii informatsionno-kommunikatsionnogo prostranstva?]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Science. Society. State. Electronic scientific journal]. 2014. № 1 (5). P. 1–13. Available at: <http://esj.pnzgu.ru> (accessed 12.01.2017).
 21. Morozova E. G. *Politicheskii rynek i politicheskii marketing: kontseptsii, modeli, tekhnologii* [Political market and political marketing: concepts, models, technologies]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 247 p.
 22. Nesterov A. V. On the standard (concept) of “open government” openness [O standarte (kontseptsii) otkrytosti “otkrytogo pravitel'stva”]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-government]. 2015. № 8. P. 3–7.
 23. Peregoudov S. P. The concept of monitoring democracy: to new relationships between government and society [Konseptsiya monitoringovoy demokratii: k novym otnosheniyam vlasti i obshchestva]. *POLIS: Politicheskie issledovaniya* [POLIS: Political studies]. 2012. № 6. P. 55–67.
 24. Polovnikova Yu. S. Legal nature of the institute of public expert examination [Pravovaya priroda instituta obshchestvennoy ekspertizy]. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava* [Fundamentals of economics, management and law]. 2013. № 5 (11). P. 113–116.
 25. Raykov A. N. *Konvergentnoe upravlenie i podderzhka resheniy* [Converged management and decision support]. Moscow, Izd-vo IKAR Publ., 2009. 244 p.
 26. Raykov A. N. System for strategic management [Sistema dlya strategicheskogo upravleniya]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Administration]. 2012. № 6. P. 58–61.
 27. Rimskiy V. L., Sungurov A. Yu. Russian centers of public policy: experience and prospects [Rossiyskie tsentry publichnoy politiki: opyt i perspektivy]. *POLIS: Politicheskie issledovaniya* [POLIS: Political studies]. 2002. № 6. P. 143–150.
 28. Sidelnikov Yu. V., Saltykov S. A. Selection process of the most adoptable forms of expert methods [Protseduira otbora naibolee priemlemykh raznovidnostey ekspertnykh metodov]. *Upravlenie bol'shimi sistemami* [Large-scale Systems Control]. 2010. № 30. P. 35–66.
 29. Sidelnikov Yu. V. *Sistemnyy analiz ekspertnogo prognozirovaniya* [System analysis of the expert forecasting]. Moscow, MAI Publ., 2007. 453 p.
 30. Sidelnikov Yu. V. Expert examination: current status and development trends [Ekspertiza: sostoyanie i tendentsii razvitiya]. *MEiMO: Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [MEiMO. World Economy and International Relations]. 1997. № 2. P. 122–130.
 31. Smorgunov L. V. *Sravnitel'noe gosudarstvennoe upravlenie: Teoriya, reformy, effektivnost'* [Comparative governance: Theory, reforms, effectiveness]. St. Petersburg, Izd-vo SPBU, 2000. 228 p.
 32. *Sravnitel'nyy analiz rossiyskikh i zarubezhnykh analiticheskikh tsentrov: case-study: Ucheb. posobie* [Comparative studies of Russian and foreign think tanks: case-study: study guide] / Composed and edited by N. U. Belyaeva, D. G. Zajcev. Moscow, GU – VShE Publ., 2007. 284 p.
 33. Sulakshin S. S., Babchenko O. S., Stroganova S. M. *O vozmozhnostyakh prognozirovaniya i upravleniya razvitiem obshchestva i gosudarstva (konstruirovaniya budushchego)* [Concerning the opportunities of forecasting and controlling the development of society and state (constructing the future)]. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 2006. 32 p.
 34. Sungurov A. U. *Kak voznikayut politicheskie innovatsii: “fabriki mysli” i drugie instituty-mediatory* [The emergence of political innovations: think tanks and other mediator institutes]. Moscow, Politicheskaya Entsiklopediya Publ., 2015. 283 p.
 35. Tishenko P. D. Philosophical underpinnings of humanitarian expertise [Filosofskie osnovaniya gumanitarnoy ekspertizy]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2008. № 3. P. 198–205.
 36. Tul'chinskij G. L. *Gumanitarnaya ekspertiza kak sotsial'naya tekhnologiya* [Humanitarian expertise as a social technology]. Available at: <http://hpsy.ru/public/x2871.htm> (accessed 12.01.2017).
 37. *“Fabriki mysli” i tsentry publichnoy politiki: mezhdunarodnyy i pervyy rossiyskiy opyt: Sbornik statey* [“Think tanks and public policy centers”: international and Russian first experience: collection of scientific articles]. Edited by A. U. Sungurov. St. Petersburg, Norma Publ., 2002. 226 p.
 38. *“Fabriki mysli” i tsentry publichnoy politiki: issledovatel'skaya funktsiya* [“Think tanks” and public policy centers: research function]. Edited by M. B. Gorn'yj. St. Petersburg, Norma Publ., 2006. 234 p.
 39. Kholmanskaya M. R. Political participation as a target of research (The review of national literature) [Politicheskoe uchastie kak ob'ekt issledovaniya (Obzor otechestvennoy literatury)]. *POLIS: Politicheskie issledovaniya* [POLIS: Political studies]. 1999. № 5. P. 170–177.
 40. Chernenkova E. I. Modern scientific researches and developments [Fenomen obshchestvennoy ekspertizy v fokuse polidistsiplinnykh issledovaniy]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki: Elektronnoe nauchno-prakticheskoe periodicheskoe izdanie*. Editor-in-charge A. P. Vlaskin. Issue 1 (9) (January 2017). Vol. 2. P. 246–251. Available at: <http://olimpiks.ru> (accessed 12.01.2017).
 41. Shabrov O. F. The effectiveness of governance in the postmodern context [Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya v usloviyakh postmoderna]. *Vlast'* [Power]. 2010. № 5. P. 4–9.
 42. Yudin B. G. From ethics expertise to humanitarian expertise [Ot eticheskoy ekspertizy k ekspertize gumanitarnoy]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2005. № 2. P. 126–135.
 43. Yudin B. G. Expertise in knowledge society [Ekspertiza v obshchestve znaniy]. *Znanie v sotsiokul'turnom prostranstve* [Knowledge in cultural and social context]. Under the general editorship of member of RAS V. S. Stepin. Moscow, Ekonomicheskoe obozrenie Publ., 2011. 531 p.

Поступила в редакцию 06.02.2017

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ КЛЯШЕВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела религиоведения Института этнологических исследований
имени Р. Г. Кузеева, Уфимский научный центр
РАН (Уфа, Российская Федерация)
ak1168@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕСТАНТОВ – НОСИТЕЛЕЙ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена недостаточностью научных знаний о социально-демографических особенностях представителей различных этносов, исповедующих протестантизм на территории Российской Федерации. Целью данной статьи является поиск ответа на вопрос: можно ли рассматривать протестантов – носителей финно-угорских языков как представителей отдельных этноконфессиональных групп в составе протестантов Уральского региона; задачами – определение и анализ социально-демографических особенностей носителей финно-угорских языков, являющихся членами протестантских религиозных объединений районов Южного, Среднего и Полярного Урала. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является индуктивная стратегия, используются также методы анализа и синтеза; сбор эмпирических материалов осуществлялся методами полевой этнографии и социологии: включенным наблюдением и опросами (анкетированием и интервьюированием). Результаты исследований подтверждают гипотезу, согласно которой носителями протестантизма на территории Уральского региона являются представители различных этносов, общими для которых в большинстве случаев являются такие социально-демографические характеристики, как высшее или среднее специальное образование, занятость квалифицированным умственным или физическим трудом и урбанизированность. Однако среди носителей протестантизма можно выделить этноконфессиональные группы, различающиеся по своим этнодемографическим характеристикам, в частности протестантов – носителей финно-угорских языков, отличающиеся большей традиционностью своей культуры: более низким уровнем образования и урбанизированности, а также большей степенью реализации таких традиционных ценностей, как брак и деторождение. Материалы статьи могут быть полезными для сотрудников государственных органов, специалистов в сфере этноконфессиональных отношений, исследователей религии. Ключевые слова: протестантские религиозные организации, носители финно-угорских языков, этноконфессиональные группы, Уральский регион

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация является полиэтничным государством, на территории которого происходит становление и развитие широкого спектра религиозных объединений. Различные аспекты функционирования конфессий анализируются как на федеральном, так и на региональном уровнях [2], [7], [16], [17] в сферах государственной политики [8], [9], образования [10], внутриконфессиональных [1], [15] и этноконфессиональных отношений [4]. Внешние вызовы актуализируют задачи сохранения и приумножения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, оптимизации государственно-конфессиональных отношений, стабилизации межэтнической ситуации и обеспечения духовной безопасности российского общества, в целях выполнения которых необходимо комплексное исследование как самих процессов, происходящих в настоящее время в религиозном пространстве Российской Федерации, так и их участников.

Параллельно восстановлению своих позиций православием и исламом на конфессиональных полях субъектов Российской Федерации прочно

заяняли свое место и динамично функционируют другие религии, в частности протестантизм. Так, по данным официальной статистики, на 01.01.2014 г. православие и ислам являются ведущими конфессиями на территории Республики Башкортостан (РБ), их объединения составляют 82 % от общего количества религиозных организаций (около 61 % – ислам, около 21 % – православие); протестантские формирования занимают третье место – их приблизительно 12 % [11: 5]. Исследования, осуществляемые отделом религиоведения Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (далее – ИЭИ УНЦ РАН), демонстрируют рост численности как самих протестантских религиозных объединений, так и их членов: с 2009 по 2012 год общий прирост количества членов протестантских церквей на территории РБ составил 46,25 %. В указанный период количество выявленных протестантских религиозных объединений увеличилось на 20,79 % и составило 120 общин; общее количество членов протестантских религиозных объединений на территории РБ увеличилось на 1850 человек – с 4000 до 5850. Прирост в 2012 году относительно 2009 года составил 46,25 %.

Количественный рост протестантских объединений и усиление их влияния на социальную сферу российского общества требуют разносторонних исследований протестантизма.

Социальные функции религии в обществе – мировоззренческие, регулятивные, интегративные и т. д. – исследованы гуманитарной наукой достаточно широко. Результаты исследований отражены в трудах Э. Дюркгейма, М. Вебера, Б. Малиновского, А. Рэдклифф-Брауна, П. Бергера, Т. Парсонса, В. И. Гараджи, Е. Г. Балагушкина, А. Б. Юнусовой и многих других.

Структура российских протестантских религиозных объединений рассмотрена в работах Л. Н. Митрохина, Р. Н. Лункина, С. Б. Филатова, Ю. Н. Сергеева, О. В. Куропаткиной, В. П. Ключевой и других исследователей. Материалы, введенные этими учеными в научный оборот, представляют огромный интерес. Однако, на наш взгляд, этническая составляющая исследований протестантизма на территории России представлена недостаточно.

Результаты осуществленного в 2013–2015 годах отделом религиоведения ИЭИ УНЦ РАН исследования протестантских религиозных объединений на территории некоторых районов Южного, Среднего и Полярного Урала (РБ, Оренбургская область, Удмуртская Республика, городской округ Воркута Республики Коми) подтвердили полиэтнический характер протестантизма на территории Уральского региона. Так, согласно результатам исследования, этнических русских среди протестантов исследованных регионов 63,0 %, татар – 14,1 %, башкир – 4,9 %, удмуртов – 4,4 %, украинцев – 3,1 %, марийцев – 2,9 %, чувашей – 2,0 %, немцев – 1 %, мордвы – 0,8 %, ненцев – 0,6 %.

Фактор увеличения количества протестантов среди представителей различных этносов на территории России определяет содержание научной проблемы, промежуточные результаты исследовательских работ по решению которой рассматриваются в данной статье, – недостаточность эмпирических и теоретических знаний об основных социально-демографических характеристиках представителей этнических групп, принявших различные направления протестантизма. Выявление основных социально-демографических характеристик полиэтнических носителей российского протестантизма и определение возможных общих аспектов, влияющих на религиозный выбор верующих, могут способствовать более глубокому пониманию этноконфессиональных процессов (в частности, процесса трансформации конфессиональной идентичности у различных этнических групп), происходящих на территории субъектов Российской Федерации, и, соответственно, оптимизации модели государственно-конфессиональных отношений в контексте обеспечения духовной безопасности, сохранения и приумножения традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

ГИПОТЕЗА

Теоретическое положение, рассматриваемое в данной статье, заключается в предположении о том, что протестанты – носители финно-угорских языков являются более традиционной этноконфессиональной группой в составе протестантов Уральского региона, и сформулировано в свете гипотезы, основанной на результатах предшествующих исследований [5]. Согласно этой гипотезе, протестантизм отвечает религиозным потребностям представителей различных этносов, общими для которых являются такие социально-демографические характеристики, как высшее или среднее специальное образование, занятость квалифицированным умственным или физическим трудом и урбанизированность. Представители различных национальностей, выбирающие протестантизм, в большинстве своем являются проживающими в городах квалифицированными специалистами с уровнем образования выше среднего.

В статье рассматриваются социально-демографические характеристики протестантов – носителей финно-угорских языков (и в более широком смысле – уральских языков, в выборку входят также ненцы, язык которых входит в самодийскую группу уральских языков, к которым относятся и финно-угорские языки).

РБ представляет собой многонациональный субъект Российской Федерации. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, русские составляют 36,1 % населения РБ, башкиры – 29,5 %, татары – 25,4 %¹. Полиэтничность РБ так же, как и на территории других регионов Урала, нашла свое отражение в этническом составе протестантских религиозных объединений республики. Результаты исследований протестантских формирований, осуществляемые отделом религиоведения ИЭИ УНЦ РАН, свидетельствуют, что этнических русских среди протестантов РБ 58,0 %, татар – 19,5 %, башкир – 7,6 %, марийцев – 4,5 %².

Результаты исследования продемонстрировали, что марийцы – носители протестантизма на территории РБ – это менее урбанизированная по сравнению с общим массивом респондентов, протестантов РБ, этноконфессиональная группа, имеющая при этом (по сравнению с показателями по общей группе респондентов) более низкий уровень образования, меньший процент социально активных лиц, занятых квалифицированным интеллектуальным и (в меньшей степени) физическим трудом; в этой этноконфессиональной группе больший процент (по сравнению с общими показателями) людей старше 45 лет и женщин. Марийцы – носители протестантизма, среди которых больше всего сельских жителей и женатых (замужних) респондентов, являются самой «многодетной» этноконфессиональной группой среди протестантов РБ, в большей мере

(по сравнению с общей группой) реализовавшей такие традиционные ценности, как брак и деторождение [6]. Более низкий уровень урбанизированности, образования и занятости квалифицированным интеллектуальным и (в меньшей степени) физическим трудом и больший уровень реализации семейных ценностей свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что изменения в культуре марийцев происходят медленнее и позволяют рассматривать марийцев-протестантов РБ (сравнительно с протестантами-русскими, татарами и башкирами) как носителей более традиционной культуры, принявшей протестантизм [3].

Объектом данного исследования являются носители финно-угорских языков, являющиеся членами протестантских религиозных объединений районов Южного, Среднего и Полярного Урала; предметом исследования являются их некоторые социально-демографические особенности. Цель исследования – выявить, являются ли социально-демографические особенности протестантов – носителей финно-угорских языков частным случаем для РБ либо эти особенности являются общими для всех протестантов Уральского региона, представляющих эту языковую группу. Задачи исследования – выявление уровня образования, места жительства, профессионального состава, семейного положения и количества детей у носителей финно-угорских языков, являющихся членами протестантских религиозных объединений, функционирующих на территориях РБ, Оренбургской области (Южный Урал), Удмуртской Республики (Средний Урал) и муниципального образования городского округа Воркута Республики Коми (Полярный Урал).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА И МАТЕРИАЛЫ

Сбор эмпирического материала осуществлялся различными методами. Факторы, касающиеся функционирования протестантских религиозных объединений, были выявлены с использованием метода полевой этнографии – включенного наблюдения, а также методом социологии – опросом-интервьюированием. Информация о социально-демографических характеристиках членов религиозных объединений была получена методами социологии – опросами членов протестантских религиозных объединений посредством интервьюирования и анкетирования. Опросы проводились с использованием анкет закрытого и открытого типов. На эмпирическом уровне исследования применялись также общенаучные методы измерения и сравнения.

В качестве принципиального плана исследования выбрана индуктивная стратегия, предполагающая обобщение эмпирического материала в качестве модели объяснения исследуемого феномена; в целях теоретического обобщения эмпирических данных использовались методы анализа и синтеза.

В статье используются следующие термины: консервативные протестанты (лютеране), поздние протестанты (баптисты и адвентисты седь-

мого дня), пятидесятники (пятидесятнические и харизматические религиозные объединения).

Ограниченный объем статьи не позволяет представить полный спектр выявленных социально-демографических характеристик респондентов (удмуртов, марийцев и ненцев, исповедующих протестантизм), поэтому мы решили провести сравнение этнических групп носителей протестантизма с основными показателями по выборке по следующим параметрам (в соответствии с гипотезой исследования): уровню образования, степени урбанизированности, профессиональному составу, семейному положению и количеству детей. Исследование основано на материалах полевых исследований, проведенных отделом религиоведения ИЭИ УНЦ РАН в протестантских религиозных объединениях, функционирующих на территории четырех субъектов Уральского региона: РБ и Оренбургской области (Южный Урал), Удмуртской Республики (Средний Урал) и муниципального образования городского округа Воркута Республики Коми (Полярный Урал) в 2013–2015 годах.

Опросы проводились в 35 общинах религиозных объединений протестантов классического, позднего и пятидесятнического направлений, генеральная совокупность 3150 чел., выборка 862 чел. (27,3 %). На территории РБ опросы проводились в 26 религиозных объединениях протестантов классического (лютеране Евангелиско-Лютеранской Церкви – ЕЛЦ (немецкой традиции)), позднего (баптисты Российского Союза Евангельских христиан-баптистов – РЦ ЕХБ и христиан-адвентистов седьмого дня – ХАСД) и пятидесятнического (пятидесятники Российской Церкви Христиан веры евангельской Республики Башкортостан (далее – РЦ ХВЕ РБ, Российского Объединенного Союза Христиан Веры Евангельской – РОСХВЕ и Ассоциации христианских церквей – АХЦ «Союз Христиан») направлений, генеральная совокупность 1194 чел., выборка 538 чел. (45,0 %). На территории Оренбургской области опросы проводились в 4 религиозных объединениях протестантов позднего (РЦ ЕХБ и ХАСД) и пятидесятнического направлений (Российская Церковь «Слово Жизни» Христиан веры евангельской Оренбургской области – РЦ ХВЕ), генеральная совокупность 680 чел., выборка 167 чел. (24,5 %). На территории Удмуртской Республики опросы проводились в 2 религиозных объединениях позднего (ХАСД) и пятидесятнического направлений (Местная религиозная организация Церковь «Дело Веры» Христиан веры евангельской пятидесятников г. Ижевска – МРО ХВЕП «Дело Веры»), генеральная совокупность 500 чел., выборка 115 чел. (23,0 %). На территории муниципального образования городского округа Воркута Республики Коми опросы проводились в 3 религиозных объединениях протестантов пятидесятнического направления, генеральная совокупность 130 чел., выборка 42 чел. (32,0 %).

Этнодемографические характеристики протестантов Уральского региона – носителей финно-

угорских языков (удмуртов, марийцев, мордвы и представителей родственной самодийской группы – ненцев) приводятся в сравнении с общими показателями по выборке. Свыше 90 % марийцев и 80 % мордвы в выборке проживают в РБ, более 90 % удмуртов – в Республике Удмуртия.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Уровень образования

Результаты исследования демонстрируют, что среди носителей трех основных направлений протестантизма (классического, позднего и пятидесятнического) на территории исследованных районов Южного, Среднего и Полярного Урала (РБ, Оренбургская область, Удмуртская Республика, городской округ Воркута Республики Коми) 42,1 % респондентов имеют высшее, незаконченное высшее образование и ученую степень, 78,8 % имеют образование выше среднего (среднее специальное, незаконченное высшее, высшее образование и ученую степень). Для удмуртов эти показатели отличаются в сторону снижения (по сравнению с общими) доли лиц с высшим и незаконченным высшим образованием (26,4 %). Респондентов с образованием выше

среднего также меньше, чем в общей выборке, их 65,9 %. У марийцев процент лиц с высшим образованием ниже, чем общий по выборке (16,0 %), респонденты с образованием выше среднего составляют 68,0 %. У мордвы респондентов с высшим образованием 14,3 %, респонденты с образованием выше среднего составляют 71,4 %. У ненцев респонденты с образованием выше среднего отсутствуют.

Результаты исследований позволяют заключить, что у удмуртов, марийцев и мордвы количество респондентов с высшим, незаконченным высшим образованием и ученой степенью меньше, чем у респондентов из общей выборки, однако показатель количества респондентов со средним специальным образованием у представителей этих трех этносов выше, чем в общей группе, за счет чего показатель количества респондентов – носителей финно-угорских языков с образованием выше среднего немногим меньше общего. Ненцы-протестанты представлены оленеводами, проживающими в тундре, для них актуальны другие профессиональные навыки, нежели те, которые можно получить в высших и средних специальных учебных заведениях (табл. 1).

Таблица 1

Уровень образования по этносам

Уровень образования	Общие показатели по протестантам	Удмурты	Марийцы	Мордва	Ненцы
Начальное	1,9 %	–	–	–	25,0 %
Неполное среднее	5,6 %	10,5 %	12,0 %	–	50,0 %
Среднее	13,4 %	23,7 %	20,0 %	28,6 %	25,0 %
Среднее специальное	36,7 %	39,5 %	52,0 %	57,1 %	–
Незаконченное высшее	8,4 %	5,3 %	–	–	–
Высшее	32,4 %	21,1 %	16,0 %	14,3 %	–
Ученая степень	1,3 %	–	–	–	–
Другое	0,1 %	–	–	–	–
Затрудняюсь ответить	0,3 %	–	–	–	–

Примечание. Источник – ПМА – полевые материалы автора – экспедиции в протестантские церкви РБ, Оренбургской области, Удмуртской Республики, Республики Коми. 2013–2015 годы.

Сравнение данных ИЭИ УНЦ РАН с материалами Всероссийского исследования религиозности населения 2004 года (Институт социально-политических исследований РАН, рук. – д. с. н. В. В. Локосов, исп. – д. с. н. Ю. Ю. Синелина) демонстрирует, что количество лиц с высшим и незаконченным высшим образованием у протестантов на территории исследованных районов Южного, Среднего и Полярного Урала (РБ, Оренбургская область, Удмуртская Республика, городской округ Воркута Республики Коми) выше, чем у православных и мусульман; однако у протестантов – носителей финно-угорских языков (удмуртов, марийцев и мордвы) этот показатель ниже, чем у православных, и выше, чем у мусульман; количество респондентов – представителей трех вышеуказанных этнических групп со средним специальным образованием выше,

чем у православных и мусульман. В то же время у респондентов из общей выборки количество опрошенных со средним специальным образованием ниже, чем у православных и мусульман.

Исследование ИСПИ РАН проходило в четырнадцати субъектах РФ, выборка – 1794 респондента; результаты по православным на 2004 год следующие: высшее и незаконченное высшее образование у 28,0 % опрошенных, среднее специальное – у 37,0 %, соответственно, образование выше среднего имеют 65,0 % респондентов. У мусульман высшее и незаконченное высшее образование у 14,0 % опрошенных, среднее специальное – у 38,0 %, таким образом, образование выше среднего имеют 52,0 % респондентов [14].

Показатели количества лиц среди протестантов с высшим и незаконченным высшим

образованием и с образованием выше среднего превышают аналогичные показатели среди россиян в целом по РФ: так, в соответствии с данными Всероссийской переписи населения 2010 года, высшее образование имеют 22,8 % респондентов, неполное высшее образование – 4,58 %, ученая степень – 0,6 %, среднее специальное образование – 31,22 %, среднее – 18,24 %.

Соответственно количество лиц с высшим, незаконченным высшим образованием и ученой степенью составляет 27,98 %, количество лиц с образованием выше среднего – 59,2 % (население РФ на 2010 год – 142946788 чел., генеральная совокупность (мужчины и женщины в возрасте 15 лет и более) – 121153927 чел., выборка – 117639476 чел. (97,09 %))³ (табл. 2).

Таблица 2

Уровень образования (общий по РФ, протестанты, православные, мусульмане)

Уровень образования	Общие показатели (по РФ)	Общие показатели (протестанты)	Удмурты (протестанты)	Марийцы (протестанты)	Мордва (протестанты)	Православные	Мусульмане
Среднее специальное	31,2 %	36,7 %	39,5 %	52,0 %	57,1 %	37 %	38,0 %
Незаконченное высшее, высшее	27,4 %	40,8 %	26,4 %	16,0 %	14,3 %	28,0 %	14,0 %
Выше среднего	58,6 %	77,5 %	65,9 %	68,0 %	71,4 %	65,0 %	52,0 %

Примечание. Источник – ПМА – полевые материалы автора – экспедиции в протестантские церкви РБ, Оренбургской области, Удмуртской Республики, Республики Коми. 2013–2015 годы; Всероссийская перепись населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 20.11.2016).

Таким образом, приведенные выше результаты исследований подтверждают ту часть гипотезы, согласно которой протестантизм привлекателен для лиц с уровнем образования выше, чем в общем по стране (особенно с высшим и незаконченным высшим), однако среди самих носителей протестантизма исследованных районов Уральского региона выделяются этноконфессиональные группы носителей финно-угорских языков, имеющих более низкий (по сравнению с общими показателями у протестантов, а также у православных и по РФ) уровень высшего и незаконченного высшего образования и более высокий – среднего специального. По этим показателям протестантов – носителей финно-угорских языков можно охарактеризовать как представителей более традиционных этноконфессиональных групп в составе протестантов. В то же время, на наш взгляд, необходимо отметить, что показатель количества респондентов этих групп, имеющих образование выше среднего, выше, чем аналогичный показатель по РФ, а также у православных и мусульман.

Профессиональный состав

Материалы исследований демонстрируют, что специалистами, занятыми квалифицированным умственным или физическим трудом (в частности, руководители предприятий, работники государственного аппарата, специалисты и инженерно-технические работники, служащие, квалифицированные рабочие, предприниматели и военные), являются 51,7 % протестантов исследованных районов Южного, Среднего и Полярного Урала (РБ, Оренбургская область, Удмуртская Республика, городской округ Воркута Республики Коми). Среди удмуртов квалифицированными специалистами являются 45,9 % респондентов, среди марийцев – 40,0 %, среди мордвы – 28,6 %

(служащие), среди ненцев-оленьеводов – 20,0 % (предприниматели). Таким образом, можно заключить, что среди протестантов – носителей финно-угорских языков количество лиц, занятых квалифицированным умственным или физическим трудом, меньше, чем в общей выборке (табл. 3), что свидетельствует, на наш взгляд, о большей традиционности представителей культуры этих этноконфессиональных групп.

Место жительства

Показатели количества горожан среди протестантов выше среднего превышают аналогичные показатели среди россиян в целом по РФ: так, в соответствии с данными Всероссийской переписи населения 2010 года, численность городского населения на территории РФ составляет 73,7 %, сельского – 26,3 % (население РФ на 2010 год – 142946788 чел., генеральная совокупность (мужчины и женщины, городское и сельское население) – 142856536 чел., городское население (мужчины и женщины) – выборка 105313773 чел. (73,7 %), сельское население (мужчины и женщины) – выборка 37542763 чел. (26,3 %))⁴. У протестантов исследованных районов Южного, Среднего и Полярного Урала городских жителей – 87,6 %, соответственно сельских – 12,4 %, что свидетельствует о том, что протестантизм выбирает наиболее урбанизированная часть населения РФ. Однако среди самих протестантов существуют этноконфессиональные группы с большим (по сравнению с данными по общей выборке протестантов и – за исключением мордвы – по сравнению с данными по РФ) количеством сельских жителей, являющихся носителями уральских языков – финно-угорских: удмурты (50,0 % селян), марийцы (32,0 %), мордва (14,3 %) и самодийских (ненцы-оленьеводы, среди которых 100 % живут в тундре) (табл. 4).

Таблица 3

Профессиональный состав по этносам

Профессиональный состав	Общие показатели по протестантам	Удмурты	Марийцы	Мордва	Ненцы
Руководители предприятия, организации	6,2 %	–	4,0 %	–	–
Работники государственного аппарата	1,2 %	2,7 %	–	–	–
Специалисты, инженерно-технические работники	10,2 %	10,8 %	8,0 %	–	–
Служащие	11,7 %	8,1 %	–	28,6 %	–
Неквалифицированные рабочие	3,4 %	5,4 %	12,0 %	–	–
Квалифицированные рабочие	12,7 %	18,9 %	16,0 %	–	–
Крестьяне	1,1 %	2,7 %	–	–	80,0 %
Предприниматели	9,2 %	5,4 %	12,0 %	–	20,0 %
Военные	0,5 %	–	–	–	–
Учащиеся	8,1 %	5,4 %	–	–	–
Домохозяйки	7,1 %	2,7 %	12,0 %	14,3 %	–
Пенсионеры	20,1 %	24,3 %	28,0 %	42,9 %	–
Безработные	2,0 %	2,7 %	–	–	–
Работающие пенсионеры	6,1 %	8,1 %	8,0 %	14,3 %	–
Другая группа	0,7 %	2,7 %	–	–	–

Примечание. Источник – ПМА – полевые материалы автора – экспедиции в протестантские церкви РБ, Оренбургской области, Удмуртской Республики, Республики Коми. 2013–2015 годы.

Таблица 4

Место жительства по этносам

Место жительства	Общие показатели по РФ	Общие показатели по протестантам	Удмурты	Марийцы	Мордва	Ненцы
Город	73,7 %	87,6 %	50,0 %	68,0 %	85,7 %	–
Село	26,3 %	12,4 %	50,0 %	32,0 %	14,3 %	100 %

Примечание. Источник – ПМА – полевые материалы автора – экспедиции в протестантские церкви РБ, Оренбургской области, Удмуртской Республики, Республики Коми. 2013–2015 годы; Всероссийская перепись населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 20.11.2016).

Семейное положение

Протестанты – носители финно-угорских языков реализовали в своей жизни такую традиционную ценность, как брак, в большей степени, чем протестанты – респонденты из общей выборки; у ненцев количество лиц, состоящих в браке, меньше, чем в общей группе. Общие показатели по протестантам следующие: женатых (замужних) респондентов 54,6 %, соответственно холостых (незамужних) – 45,4 %. Среди удмуртов в браке состоят 73,7 %, среди марийцев – 70,8 %, среди мордвы – 85,7 %, среди ненцев – 40,0 %.

Количество детей

Результаты исследований показывают, что многодетными родителями (у которых трое и более детей) среди протестантов из общей выборки являются 17,4 % респондентов, бездетными (не имеющими детей) – 27,9 %. Косвенные данные позволяют заключить, что если количество бездетных семей у протестантов практически не отличается от количества бездетных семей по России, то количество многодетных родителей у протестантов исследуемых регионов больше, чем в целом по РФ. Результаты Всероссийской переписи населения

2010 года выявили, что бездетные супружеские пары составляют 30,5 % от населения страны, многодетные семейные ячейки с 3 и более детьми моложе 18 лет составляют 2,47 % от семейных ячеек, имеющих детей моложе 18 лет, которые составляют 42,5 % от населения России. Всего семейных ячеек, имеющих детей, в РФ 69,5 % (включая родителей-одиночек). В частных домохозяйствах проживает 99 % всего населения России. Количество домохозяйств, состоящих из 5 и более человек, проживающих вместе (включая детей либо родителей, прочих родственников или не родственников), по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, составило 4,0 %. Исходя из этих данных, можно предположительно определить количество многодетных семей России (имеющих 3 и более детей) как примерно 5,0 % от всего населения⁵.

Протестанты – носители финно-угорских языков реализовали в своей жизни такую традиционную ценность, как деторождение, в большей мере, чем опрошенные протестанты из общей выборки: количество бездетных у них меньше показателя по общей группе, а количество многодетных (за исключением мордвы) – больше; у ненцев

количество бездетных и многодетных респондентов больше, чем в общей группе. Так, среди протестантов-удмуртов многодетных – 28,9 %, бездетных – 21,1 %. Среди марийцев многодет-

ных – 24,0 %, бездетных – 12,0 %; среди мордвы многодетных – 14,3 %, бездетных – 14,3 %; среди ненцев многодетных – 40,0 %, бездетных – 60,0 % (табл. 5).

Таблица 5

Количество детей по этносам

Количество детей	Общие показатели по протестантам	Удмурты	Марийцы	Мордва	Ненцы
0 (не имею детей)	27,9 %	21,1 %	12,0 %	14,3 %	60,0 %
1	21,0 %	7,9 %	16,0 %	–	–
2	33,6 %	42,1 %	48,0 %	71,4 %	–
3	11,6 %	26,3 %	8,0 %	14,3 %	–
4	3,6 %	2,6 %	12,0 %	–	–
5	1,2 %	–	4,0 %	–	–
6 и больше	1,0 %	–	–	–	40,0 %

Примечание. Источник – ПМА – полевые материалы автора – экспедиции в протестантские церкви РБ, Оренбургской области, Удмуртской Республики, Республики Коми. 2013–2015 годы.

ВЫВОДЫ

Приведенные в статье результаты обработки материалов полевых исследований, на наш взгляд, подтверждают гипотезу, согласно которой у представителей различных этносов исследованных областей Южного, Среднего и Полярного Урала, выбравших в качестве вероисповедания протестантизм, уровень образования и уровень урбанизированности в целом выше, чем по РФ. Исходя из этого можно предположить, что и количество специалистов, занятых квалифицированным умственным или физическим трудом, среди протестантов больше общероссийского. Количество многодетных родителей среди носителей протестантизма Уральского региона также выше, чем по России в целом. Однако сами протестанты неоднородны: согласно результатам исследований, в их составе выделяются этноконфессиональные группы (протестанты – носители финно-угорских, а также самодийских – ненцы-оленеводы – языков), для которых характерны следующие социально-демографические показатели: меньший (по сравнению с общим массивом респондентов) уровень урбанизированности, образования и занятости квалифицированным интеллектуальным и (в меньшей степени) физическим трудом и более высокая степень реализации семейных ценностей (брак и деторождение). Данные этнодемографические характеристики позволяют рассматривать протестантов – носителей финно-угорских языков исследованных областей Южного, Среднего и Полярного Урала как представителей более традиционной культуры, принявшей протестантизм.

Результаты предшествующих исследований демонстрируют [5], что этнические русские – носители протестантизма на территории РБ – это несколько более урбанизированная по сравнению с общим массивом респондентов – протестантов РБ этноконфессиональная груп-

па, имеющая при этом меньший (по сравнению с общим показателем) процент лиц с высшим образованием и с образованием выше среднего; этнические татары и башкиры – протестанты РБ – урбанизированные этноконфессиональные группы, имеющие больший (по сравнению с общим показателем) процент лиц с высшим образованием и с образованием выше среднего. Если принятие протестантизма этническими татарами и башкирами, рассматриваемыми этнологической наукой как носители ислама, можно объяснить утратой этноконфессиональных традиций, связанных с получением высшего, незаконченного высшего и среднего специального образования и проживанием в городе (как и этнических русских), то переход в протестантизм носителей финно-угорских языков, среди которых больше, чем в основной группе респондентов, жителей села, обладающих более низким уровнем образования, является следствием более низкой их вовлеченности в осуществление религиозных практик ислама и православия, обуславливаемой сохранением этнических религиозных традиций, реализуемых в латентной форме [12: 3–5; 215–216], [13]. Решающую роль в евангелизации ненцев-оленеводов играют епископ, пасторы и руководимые ими религиозные объединения. Протестантскими религиозными организациями ХВЕ и евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) в городском округе Воркута РК оказывается помощь в решении различных бытовых проблем, периодически возникающих у ненцев.

Необходимо отметить, что обсуждаемое в данной статье теоретическое положение можно считать практически доказанным только для РБ, Оренбургской области и городского округа Воркута Республики Коми; для получения новых научных знаний о российском протестантизме требуются более широкомасштабные эмпирические и теоретические исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Всероссийская перепись населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 12.05.2016).
- ² ПМА – Полевые материалы автора – экспедиции в протестантские религиозные объединения Республики Башкортостан; Оренбургской области; Республики Коми. 2013–2015 годы.
- ³ Всероссийская перепись населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 12.05.2016).
- ⁴ Всероссийская перепись населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 12.05.2016).
- ⁵ Федеральная служба государственной статистики. Социально-демографический портрет России. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Официальное издание. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 45, 54.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Ред. кол.: М. П. Мчедлов (отв. ред.), Ю. А. Гаврилов, В. В. Горбунов и др. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Культурная революция, 2009. 400 с.
2. Государственно-церковные отношения в России: Курс лекций. Ч. 1, 2 / Отв. ред. Ф. Г. Овсиенко, Н. А. Трофимчук. М.: РАГС, 1995. 170 с.
3. Захаров А. В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 105–115.
4. Кляшев А. Н. Неопротестантские религиозные объединения Республики Башкортостан // Известия Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2011. № 2. С. 56–63.
5. Кляшев А. Н. Протестантизм Республики Башкортостан: социальная реакция на вызовы современности. Уфа: Здравсохранение Башкортостана, 2013. 248 с.
6. Кляшев А. Н. Новые протестанты в Республике Башкортостан: этнический состав // Этнос и национальные меньшинства России: Материалы научно-практической конференции (27 апреля 2015 г., Уфа) в рамках Культурного форума. Уфа, 26–29 апреля 2015 г. Уфа, 2015. С. 49–57.
7. Мировой опыт государственно-церковных отношений. М.: РАГС, 1999. 263 с.
8. Мухаметзянова-Дуггал Р. М. Модель государственной политики в современной России // Вестник Московского государственного университета. Сер.: История и политические науки. М., 2011. № 2. С. 220–225.
9. Мухаметзянова-Дуггал Р. М., Кляшев А. Н. Религиозные меньшинства России: теоретико-правовой и социальный аспекты // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2010. № 3. С. 776–881.
10. Надыршин Т. М. Основы религиозных культур и светской этики в городской школе (по материалам г. Уфы) // Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России: Тез. докл. Москва, 2–5 июля 2013 г. М., 2013. С. 287.
11. Религиозные объединения Республики Башкортостан: Справочник. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2014. 168 с.
12. Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008. 232 с.
13. Садиков Р. Р. «Языческие» религии в Республике Башкортостан // Известия Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2016. № 2. С. 101–106.
14. Синелина Ю. Ю. Динамика процесса воцерковления православных // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 89–97.
15. Хабибуллина З. Р. Социальный портрет мусульманского духовенства Башкортостана в начале XXI века // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. / Редкол.: В. А. Тишков и др. Петрозаводск, 2011. С. 148.
16. Юнусова А. Б. Национальная политика и этноконфессиональные процессы в Башкортостане в контексте «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2010 года» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 10 ноября 2011 г.). Уфа, 2011. С. 20–27.
17. Юнусова А. Б. Современные религиозоведческие исследования в Башкирии (по материалам Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (2009–2013 гг.)) // Материалы III Международной научно-практической конференции «Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований» (North Charleston, USA, 13–14 марта 2014 г.). CreateSpace 4900 LaCross Road, North Charleston, SC, USA, 2014. Т. 1. С. 18–39.

Klyashev A. N., R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE FINNO-UGRIC SPEAKING PROTESTANTS OF THE URAL REGION

The socio-demographic characteristics of different ethnic groups of Protestants of the Russian Federation aren't still studied completely. The main aim of my research is to answer the question whether it is possible to define the Finno-Ugric speaking Protestants as a different ethno-confessional group among the Ural's Protestants. To achieve the above mentioned aim it is necessary to reach the following specific objectives: to study and analyze socio-demographic characteristics of the Finno-Ugric speaking Protestants – members of the Protestant religious organizations of the Southern, Middle and Polar Ural. I employed the inductive approach and the methods of analysis and synthesis. During my fieldwork, I used the ethnographic participant observation method, the sociological structured interview, and closed questionnaires methods. The results of my investigation prove the hypothesis that Protestants of the Urals consist of different ethnic groups. They have such socio-demographic characteristics as high level of education, employment in highly qualified mental or physical labor and urbanization; even though, various ethno-confessional groups can be differed among Protestants of the Ural. The Finno-Ugric speaking Protestants are representatives of a more traditional culture and have the following ethno-demographic features: a much lower level of education and urbanization and a greater degree of implementation of such traditional values as marriage and childbearing. The results of this article can be used by the government officials, experts in the field of ethno-confessional relations, and religion researches.

Key words: Protestant religious organizations, the Finno-Ugric peoples, ethnic-religious groups, the Ural region.

REFERENCES

1. Vera. *Etnos. Natsiya. Religioznyy komponent etnicheskogo soznaniya* [Vera. Ethnos. Nation. The religious component of ethnic consciousness]. Ed. number: M. P. Mchedlov (Ed.). Y. A. Gavrilov, V. V. Gorbunov, etc. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2009. 400 p.
2. *Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossii: Kurs lektsiy. Ch. 1, 2* [Church-state relations in Russia. Lecture course. Part 1, 2]. Responsible editors: F. G. Ovsienko, N. A. Trofimchuk. Moscow, RAGS Publ., 1995. 170 p.
3. Zaharov A. V. The traditional culture in the modern society [Traditsionnaya kul'tura v sovremenном obshchestve]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004. № 7. P. 105–115.
4. Klyashev A. N. Neo-Protestant religious organizations of the Republic of Bashkortostan [Neoprotstantskie religioznye ob"edineniya Respubliki Bashkortostan]. *Izvestiya Ufmskogo nauchnogo tsentra RAN*. Ufa, 2011. № 2. P. 56–63.
5. Klyashev A. N. *Protestantizm Respubliki Bashkortostan: sotsial'naya reaktsiya na vyzovy sovremennosti* [Protestantism of the Republic of Bashkortostan: the social reaction to the challenges of modernity]. Ufa, Zdravookhranenie Bashkortostana Publ., 2013. 248 p.
6. Klyashev A. N. New Protestants in the Republic of Bashkortostan: the ethnic composition [Novye protestanty v Respublike Bashkortostan: etnicheskii sostav]. *Etnosy i natsional'nye men'shinstva Rossii: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (27 aprelya 2015 g., Ufa) v ramkakh Kul'turnogo foruma*. Ufa, 26–29 aprelya 2015 g. Ufa, 2015. P. 49–57.
7. *Mirovoy opyt gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy* [The world experience of the state-church relations]. Moscow, RAGS Publ., 1999. 263 p.
8. Muhametjanova-Duggal R. M. The model of public policy in modern Russia [Model' gosudarstvennoy politiki v sovremennoy Rossii]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya i politicheskie nauki"*. Moscow, 2011. № 2. P. 220–225.
9. Muhametjanova-Duggal R. M., Klyashev A. N. Religious minorities of Russia: theoretical, legal and social aspects [Religioznye men'shinstva Rossii: teoretiko-pravovoy i sotsial'nyy aspekty]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Ufa, 2010. № 3. P. 776–881.
10. Nadyrshin T. M. Fundamentals of religious cultures and secular ethics in urban schools (based on the data of the Ufa city) [Osnovy religioznykh kul'tur i svetskoy etiki v gorodskoy shkole (po materialam g. Ufa)]. *Materialy X Kongressa etnografy i antropologov Rossii: Tezisy dokladov*. Moskva, 2–5 iyulya 2013 g. Moscow, 2013. P. 287.
11. *Religioznye ob"edineniya Respubliki Bashkortostan: Spravochnik* [The religious associations of the Republic of Bashkortostan. Directory]. Ufa, Ufmskiy poligrafkombinat Publ., 2014. 168 p.
12. Sadikov R. R. *Traditsionnye religioznye verovaniya zakamskikh udmurtov (istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya)* [The traditional religion of the beyond-Kama Udmurts (the history and the modern development trends)]. Ufa, Tsentr etnologicheskikh issledovaniy UNTs RAN Publ., 2008. 232 p.
13. Sadikov R. R. "Pagan" religion in the Republic of Bashkortostan ["Yazycheskie" religii v Respublike Bashkortostan]. *Izvestiya Ufmskogo nauchnogo tsentra RAN*. Ufa, 2016. № 2. P. 101–106.
14. Sinelina Ju. Ju. The dynamics of the church orthodox process [Dinamika protsessa votserkovleniya pravoslavnykh]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2006. № 11. P. 89–97.
15. Habibullina Z. R. The social portrait of the Muslim clergy of Bashkortostan at the beginning of the XXI century. [Sotsial'nyy portret musul'manskogo dukhovenstva Bashkortostana v nachale XXI veka]. *IX Kongress etnografy i antropologov Rossii: Tezisy dokladov*. Petrozavodsk, 4–8 iyulya 2011 g. Petrozavodsk, 2011. P. 148.
16. Junusova A. B. The national policy and ethno-confessional processes in the Republic of Bashkortostan in the context of the "Russian National Security Strategy until 2010" [Natsional'naya politika i etnokonfessional'nye protsessy v Bashkortostane v kontekste "Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2010 goda"]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ufa, 10 noyabrya 2011 g.)*. Ufa, 2011. P. 20–27.
17. Junusova A. B. Modern Religious Studies in Bashkiria (based on the Institute of Ethnological Studies named RG Kuzeev Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences (2009–2013) [Sovremennye religiovedcheskie issledovaniya v Bashkirii (po materialam Instituta etnologicheskikh issledovaniy im. R. G. Kuzeeva Ufmskogo nauchnogo tsentra RAN (2009–2013 gg.))]. *Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Aktual'nye napravleniya fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy"* (North Charleston, USA, 13–14 marta 2014 g.). CreateSpace 4900 LaCross Road, North Charleston, SC, USA, 2014. Vol. 1. P. 18–39.

Поступила в редакцию 03.06.2016

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ САВИЦКИЙ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
sawiz@onego.ru**РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВХОЖДЕНИИ КРЫМА В СОСТАВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2014 ГОДУ**

Встряхнувшее российскую общественную жизнь вхождение Крыма в состав Российской Федерации подняло перед отечественными историками ряд проблем: терминологическое определение данного события, анализ его причин, движущих сил, позиции крымских татар и роль России в прошедших событиях. Став важным историческим рубежом, «крымская весна» заставила историков работать в непривычных для себя условиях – минимуме источников, конкуренции со стороны представителей других общественных наук и сильной политической ангажированности, что стало проверкой на профессионализм. Доминирующей (но не единственной) стала патриотическая концепция, согласно которой возвращение Крыма в Россию является закономерным процессом в условиях политики независимой Украины. В анализируемых особенностях автор видит начальный этап развития российской историографии по данному вопросу.

Ключевые слова: российская историография, Крым, патриотизм

Вхождение Крымской автономной области Украины в Российскую Федерацию в 2014 году поставило много вопросов как перед политиками, так, чуть позже, и перед экономистами и историками. В 2017 году завершается первое трехлетие существования Крыма в составе России, и можно подводить первые итоги изучения историками этого неоднозначного события. При этом предварительные итоги изучения крымской проблемы уже подводят политологи [18] и филологи [7], [30].

Несмотря на обилие публикаций, их содержание часто перекликается между собой из-за узкого круга источников. За три года опубликованы сборники воспоминаний участников событий «крымской весны», нормативных актов и материалов средств массовой информации [8], [14], [17], частично воссоздающих картину общественного мнения в России по крымскому вопросу. Их освоение идет обычными темпами, и на сегодняшний день можно назвать лишь одну публикацию, основанную в том числе и на указанных материалах [29]. Тем не менее отсутствие доступа к источникам по различным (например, военным) сторонам проблемы не дает возможности всестороннего анализа прошедших событий.

Важно определить, является ли анализируемая литература именно научно-исторической. Обилие политических трактовок и «журналистских расследований» прошедших событий без труда заслоняет работы историков, пытающихся без эмоций анализировать беспрецедентное для последней четверти века российской истории явление. При этом эйфория от прошедшего события еще не закончилась, его экономические и политические последствия до конца себя не прояви-

ли, критические голоса в отношении «победы России» быстро заглушаются, а их авторы порой шельмуются. Тем не менее быстро ощутилась потребность не просто в научном осмыслении произошедшего и пропаганде его положительных итогов, но и в выпуске элементарных пособий для учебных заведений, объяснении публикуемых источников и систематизации разнородной информации. Поэтому изначально свойствами «начального» этапа отечественной историографии данного вопроса предлагается считать эйфоричность, оперирование относительно небольшими объемами источников, а также отсутствие ясного понимания последствий произошедших событий. Все это иногда напоминает историческую публицистику даже под пером известных историков.

Важно отметить, что в условиях повышенной актуальности проблемы изучение историографии не может ограничиваться анализом многочисленных статей, очерков и монографий: историки высказываются в прессе, об их мнениях спорят, и все это влияет на дальнейшее развитие исторической науки. Кроме того, в подобных условиях велика роль междисциплинарного подхода: помимо историков, крымская проблема изучается экономистами, политологами и специалистами других научных областей. Безусловно, ограничение при этом первичного этапа тремя годами носит искусственный характер, однако оно позволяет выделить хотя бы промежуточные итоги развития исторической мысли в данном направлении.

Одним из краеугольных вопросов научной исторической мысли применительно к крымской проблеме 2014 года является ее понятийное

определение. В отечественной журналистской среде при ответе на вопрос «Что это было?» активно используются термины «присоединение» (с подтекстом о силовой составляющей) и «воссоединение» (по аналогии с предыдущими веками российской истории); термины «захват» и «аннексия» на фоне общественной эйфории не прижились. Анализируя основные особенности прошедшего события в издании «Новое время» («The New Times»), профессор МГИМО, доктор исторических наук А. Б. Зубов предложил использовать термин «аншлюс» [12], за что был уволен в марте 2014 года, восстановлен под давлением общественности в апреле и вновь уволен в конце июня того же года в связи с истечением срока контракта. Не вдаваясь в причины, почему специалист по востоковедению и истории религии решил озвучить свое личное мнение по актуальнейшему вопросу 2014 года, все же стоит указать на сложившуюся традицию определения «аншлюс» как события 1938 года; внешнее сходство с крымскими событиями (последствия мирового экономического кризиса, общность языка и ряда традиций у объединяющихся территорий, успешное проведение референдума, смена руководства присоединяемой области, использование силовых структур) не меняет в общественном и научном сознании этого стереотипа. Автоматическое проецирование фигуры одиозного немецкого лидера на российскую современность вызвало обоснованную жесткую реакцию руководства ведомственного вуза, от воспитания выпускников которого во многом зависит будущее международное положение страны.

Официальное определение процессу дал Президент Российской Федерации В. В. Путин, поздравивший крымчан с «возвращением домой». Речь о Крыме была провозглашена одной из лучших в его политической карьере [25: 58] и разобрана на отдельные «крылатые фразы» [10: 16–17]. Усиленный редкой для руководителя страны сентиментальностью, термин «возвращение» (свободный от посторонних аналогий) удачно вошел в публицистику, но на данный момент в научной литературе не является общепринятым¹.

В этой связи полезным стало студенческое исследование М. Г. Фортуновой (СПбГУ), представившей результаты контент-анализа основных российских периодических изданий и интернет-площадок к началу 2016 года. Основная борьба разгорелась между терминами «аннексия» (оппозиционные СМИ) и «присоединение» («патриотические» проправительственные СМИ) при сильном перевесе последнего [26].

Претензии России на роль «дома» для крымчан спустя полгода подверглись аргументированной критике со стороны А. Б. Зубова. По его мнению, «РФ вряд ли может претендовать на какие-либо земли только на том основании,

что когда-то они были частью империи Романовых» [13]; на подобном основании Крым можно было бы считать, например, турецким. Оставаясь на позициях формально-юридического подхода, автор предложил следовать примеру референдума о суверенитете Шотландии в Великобритании. Однако формальная логика совершенно проигнорировала накал обстановки в Киеве после антиконституционного переворота, разгул национализма и слабость демократических традиций на территории бывшего СССР. После этого интерес А. Б. Зубова к крымской проблеме ослаб.

Указанный главой государства вектор с энтузиазмом был воспринят другими исследователями, не скрывающими политической актуальности своего подхода даже в заголовках работ. Так родился вывод о том, что «отделять Украину, а именно Крым, от России нельзя по причине сложившихся исторических традиций и тесных взаимосвязей народов и территорий» [4: 20]. Можно не сомневаться, что если бы у российского руководства в отношении Украины были планы более масштабные, чем возвращение одного лишь полуострова, реферативные труды таких историков стали бы весьма востребованными.

Другим важным вопросом остаются причины событий 2014 года. В своей посмертно изданной статье доктор экономических наук, профессор Института экономики РАН А. Н. Быков выделил три причины, «заставившие президента В. Путина с учетом результатов крымского референдума без кровопролития обеспечить воссоединение полуострова Крым с Россией»: дальнейшее обострение ситуации на Украине, угроза русскоязычному населению Крыма и российской военно-морской базе в Севастополе [3: 61]. Схожая точка зрения высказана Г. А. Цыкуновым [27: 553]. Восприятие позиции Президента как вынужденной, пассивной, подчиненной итогам референдума диссонирует с указанной возможностью обеспечить без кровопролития воссоединение полуострова (географический термин) с Россией (термин политический). Подобная эклектика во многом объяснима эмоциональностью сложившейся обстановки.

Более подробный анализ причин крымского «сепаратизма» был дан во вступительной статье главного редактора севастопольской газеты «Колесо» С. П. Кажанова к сборнику воспоминаний участников событий февраля – марта 2014 года в Севастополе. Нося во многом мемуарный оттенок, статья хорошо структурирована, но не выдержана стилистически. Автор указывает на четыре причины народного недовольства: экономическая деградация за «23 года украинской оккупации», тотальная коррупция, стремление украинских властей к уничтожению устоявшихся идеологических ценностей (автор называет это этноцидом – уничтожением национальной идентичности), а также экономический кризис

(рост внешнего долга до 140 млрд и снижение золотовалютных запасов до 15 млрд долларов) [14: 3–11].

На роль украинской политики до Майдана указала и кандидат экономических наук М. А. Дерябина. По ее мнению, власть «клана Януковичей и приближенных магнатов бизнеса» характеризовалась «абсолютно неконтролируемой коррупцией, вымогательствами, формированием агрессивно настроенных временных группировок, ловко орудующих популистскими лозунгами». По данным автора, за последние три года существования режим перекачивал из бюджета в пользу правящего клана по 10 млрд долл. ежегодно [11: 16]. В итоге еще до событий на Майдане от правящей украинской элиты отвернулась значительная часть населения, в том числе и крымского.

Данный подход активно поддержало Русское военно-историческое общество, под эгидой которого (и с предисловием министра культуры В. Р. Мединского) был выпущен сборник очерков «История Крыма»²; главы по истории региона 1990–2000-х годов принадлежат московскому историку А. Н. Романову. По его словам, материалы всей главы, посвященной периоду 1991–2014 годов, «призваны убедить читателя в том, что к началу 2014 года власти Украины сделали почти все для того, чтобы крымская автономия имела все основания для того, чтобы “отложиться” от государственности с центром в Киеве» [20: 452]. Что ж, наверное, убедили. Однако у подобных авторов ни разу не встречается упоминание о том, что к концу указанного периода украинское правительство пользовалось активной поддержкой со стороны российского руководства.

На первоначальном отсутствии у нового крымского правительства намерений отделиться от Украины акцентировал внимание доктор исторических наук О. В. Волобуев. Однако нелегитимность и неэффективность киевской власти (у В. Януковича автор вовсе диагностировал клептоманию), политическая нестабильность, нарастающее влияние националистического экстремизма и неконтролируемого насилия привели к референдуму 16 марта о статусе Крыма. При этом автор открыто призывает не «кивать на “руку Москвы”», ибо неласковая к Крыму «рука Киева» двадцать с лишним лет готовила результат» [5: 25–27]³. Подобная стилистическая пафосность причудливо ужилась на одной странице с иронией историка в отношении художественного стиля публикаций других авторов.

Затушевывание заинтересованности России в возвращении Крыма характерно для многих работ, в том числе и учебного пособия для школьных учителей, выпущенного по «горячим следам» в 2014 году видным специалистом по истории России XVII – начала XVIII века

К. А. Кочегаровым. Анализируя крымско-российские исторические связи с X века, автор попутно проводит прямые параллели между личностями двух Владимиров – X и XXI веков. Это право автора, хотя невольно возникает вопрос и о роли третьего Владимира (Ленина) в сохранении Крыма под советской властью. К положительным сторонам работы можно отнести хорошее знание фактического материала по истории 1991–2014 годов (на момент выхода пособия в другой литературе не упоминаемого). Автор не отрицает наличие человеческих жертв в ходе событий февраля – марта 2014 года, но в целом акцентирует внимание на мирном характере процесса. При этом автор допускает терминологические неточности: так, под термином «Третья оборона Севастополя» он подразумевает весь период 1991–2014 годов [16: 39], хотя сами крымчане относят его лишь к февральско-мартовским событиям 2014 года.

Более досадной особенностью работы стала демонстративно узкая источниковая база: автор использует исключительно цитаты из Послания Президента Российской Федерации от 18 марта 2014 года, причем в очень больших объемах. При этом автора не насторожило расхождение его собственного текста с текстом Послания, отрицавшего наличие человеческих жертв в ходе событий. Кроме того, рассчитанное на работников образования, пособие не содержит графических карт Крыма, глоссария, списка рекомендуемой литературы – всего того, что реально помогло бы учителям совершенствовать свое мастерство.

Таким образом, корни конфликта авторы видят в украинской политике, приведшей Киев к демонстрациям на Майдане, а крымчан – к мысли об отделении. Вывод в виде известного лозунга «Спасибо Майдану за Россию!» в этом смысле выглядит вполне логичным. Роль же таких факторов, как финансовые вливания, деятельность официальных партий, работа спецслужб иностранных государств, кажется авторам слишком преувеличенной, а конспирологический подход – несостоятельным.

Очень важное место занимает вопрос о движущих силах крымских событий. Классическим вариантом изложения можно считать работу С. П. Кажанова, в которой движущим силам отведен отдельный раздел [14]. По его мнению, «движущей силой любой революции является народ», частью которого автор считает и себя. Однако целесообразно было бы уточнить: движущие силы – это силы, движущие куда, в каком направлении? В событиях принимали участие административные структуры (шокированные событиями в Киеве, но настроенные против сепаратистских тенденций), общественно-политические организации (в том числе запрещенный в 2016 году в России «Меджлис крымско-татарского народа», влияние которого на общественность

не преувеличивают практически все авторы), представители отдельных партий и просто граждане. В уточненном варианте одной из основных движущих сил С. П. Кажанов называет севастопольское общественное движение «Республика», одним из создателей которого он являлся. При этом из перечисления различных акций видно, что на общем фоне спонтанно возникшее объединение первоначально смотрелось не влиятельнее остальных, отличаясь лишь изначальным стремлением вывести Севастополь из «политического и правового поля Украины». Подобная идея выглядела слишком радикальной, но ухудшение ситуации в Киеве и приглашение такого лидера, как российский гражданин А. М. Чалый, усилили влияние «сепаратистов».

Одной из причин роста авторитета «Республики» автор называет открытую поддержку со стороны Всемирного русского народного собора под эгидой Русской православной церкви, призвавшего к защите Севастополя от насилия, а исторических памятников города, «имеющих особое значение для судеб российской цивилизации – от осквернения и уничтожения» [14]. Большое влияние данного заявления, признанное создателями «Республики», может говорить о надуманности рассматриваемого ранее тезиса об отсутствии иностранного влияния на крымские события. Другое дело, что Россию данная движущая сила иностранной державой уже не считала. Представленная полумемуарная работа может быть иллюстрацией к тезису О. В. Волобуева о крайней политизированности имеющейся источниковой базы о крымских событиях [5: 20].

Широкую панораму развития общественно-го движения к 2014 году проанализировал профессор Южно-Российского института РАНХиГС С. А. Кислицын, показав Крым и конкретно город Севастополь в качестве форпостов борьбы против распространения украинского национализма [15: 50]. При этом автор акцентировал внимание на роли бизнес-элиты полуострова, тесно связанной с российским предпринимательством, в частности А. Чалого (представленного в статье уже создателем «Республики») и «крупного предпринимателя» А. Аксенова. Подобный взгляд на руководителей крымских событий в других российских исследованиях пока не встречается, но обильно представлен в украинских СМИ.

Влияние России на крымские события рельефно показано в книге А. Б. Широкограда, подписанной в печать уже в апреле 2014 года. Не вдаваясь в различные оценки творчества А. Б. Широкограда как историка, стоит отметить его высокую квалификацию как военного специалиста. Вполне естественно, что участие российских вооруженных сил в крымских событиях стало центром внимания автора: он перечислил практически весь украинский и российский корабельный состав вплоть до бортовых номеров,

описал переброску вооруженных сил из России (с уточнением, что их численность не превысила существовавших договоренностей с Украиной) и указал на проведение отнюдь не мирных акций Черноморского флота РФ в заливе Донузлав, бухтах Севастополя и других районах [28: 311–324]. Для работы, выпущенной по горячим следам, подобная фактографичность – вклад немалый. Ну а дальше, как и ожидалось, пошло цитирование президентского Послания.

Работа А. Б. Широкограда сильно контрастирует с духом остальной литературы, и дело не в ее значительной публицистичности (это как раз сближает). Автор громче других говорит о значительной роли российского военного фактора в крымских событиях, а в издании 2016 года дает почти почасовое описание ввода российских войск на полуостров со ссылками на украинские источники информации [29]. Это не во всем соответствует официальному российскому политическому мнению о сущности событий 2014 года, хотя изначально никаким секретом деятельность черноморских моряков и «вежливых людей» не являлась. Подобное расхождение (как и резкая критика «дружественного» режима Януковича учеными из Института экономики РАН) говорит о достаточно свободном подходе к изучению крымских событий среди российских ученых. При этом общий патриотический оттенок в оценке ситуации сближает российских историков (кроме, конечно, А. Б. Зубова) с официальной концепцией.

Большинство других исследователей не придают военному фактору большого значения. В литературе можно встретить фразы о том, что у «вежливых людей» были «некоторые проблемы при взятии под контроль отдельных воинских частей, но, к счастью, обошлось практически без стрельбы» [9: 651]. На научный подход эти зачастую обстоятельные, широкие по тематическому охвату работы не претендуют. Показателен при этом подход Российского военно-исторического (!) общества: в очерке о событиях 2014 года ««сухой остаток» из бурных событий начала 2014 года» для удобства читателей выделен курсивом и включает события 11 марта – 1 июня без каких-либо упоминаний о военном факторе. Соответственно, вхождение Крыма в состав России произошло «в кратчайшие сроки и без единого выстрела» [20: 454–455].

Постепенно в историографии вырисовывается такой вопрос, как позиция крымско-татарского населения в отношении вхождения Крыма в Россию. Этот вопрос сложен как в этическом, так и в политическом отношении, так как единого мнения среди крымских татар по нему действительно нет. Ориентируясь на результаты выборов 2012 года, пророссийски настроенный общественный деятель Васми Абдураимов в интервью информационному агентству IslamNews оценил

поддержку упоминаемого в большинстве случаев Меджлиса лишь в 18 % членов крымско-татарской общины; 10–15 % членов были не согласны с линией его руководства, а 60–70 % были аполитичны (<http://www.islamnews.ru/news-144534.html>). Эти цифры, с некоторыми неточностями, активно используются авторами [9: 650], [28: 326]. Профессор Академии ВЭГУ (г. Уфа) В. К. Самигуллин так сформулировал интересующие нынешнее общество вопросы. Являются ли крымские татары особым этносом? Должны ли они бороться за культурную автономию или должны отстаивать право на автономию национально-территориальную? Должны ли они стремиться к образованию суверенного государства? При этом сам автор признает как вариант бессмысленность поставленных им же вопросов [23: 18]. Этому вторит и тезис А. Н. Михайленко о том, что за 2014–2015 годы Россия для крымско-татарского народа «сделала больше, чем Украина за всю свою независимую историю» [18: 35].

Впечатление об этническом вопросе как о наименее изученном пропало после выхода работы профессора Таврической Академии Т. А. Сенюшкиной. Автор справедливо отметила неоднородность мнений крымско-татарской элиты в отношении присоединения к России и наличие оппозиционных Меджлису движений еще до 2014 года, вылившиеся в создание общественной организации «Кырым Бирлиги». Лояльное отношение большинства крымских татар к произошедшим событиям видится автором как результат нормативного творчества российского руководства (указ Президента № 268 от 21 апреля 2014 года), по сути впервые признавшего факт незаконности депортации крымского населения 70-летней давности и необходимость восстановления его имущественных и культурных прав. Все это сыграло свою роль в деполитизации этнического фактора в Крыму [24: 82–83].

Важным вопросом могла бы стать реакция международной общественности на события в Крыму. Как ни странно, в научной среде более подробно анализируется позиция не Евросоюза или США, а Турецкой Республики. Это объясняется важностью роли Турции в Причерноморье. Отмечая неоднозначность позиции Турции в отношении крымского вопроса и ее зависимость от общей линии НАТО, Н. С. Белякова считает официальную позицию Анкары «скорее осторожной, чем прозападной» [2: 15]. Объектом интереса Турции, по мнению автора, является крымско-татарское население, а также российский Черноморский флот. Неприсоединение этой страны к антироссийским санкциям может говорить о самостоятельности Турции в своих отношениях с Россией и сохранении двусторонних связей на прежнем уровне; подобные формулировки накануне ухудшения российско-турецких отношений были довольно ценны. Интересны также междисциплинарные исследования отечественных фило-

логов, анализирующих зарубежные публикации СМИ по крымской проблеме [7], [30].

Нельзя сказать, что авторов не волнуют последствия принятия Крыма в состав России, тем более что их экономическую сторону ощутили едва ли не все россияне. Тем не менее на сегодняшний момент эти последствия во многом еще перспективны и потому пока не могут быть объектом рассмотрения для профессионального историка. Важно лишь заранее оговорить опасность подмены понятий в данном вопросе: указываемые авторами последствия могут относиться не напрямую к крымской проблеме, а к мировому экономическому кризису в целом, политике Украины, начавшемуся распаду Евросоюза или к проводившейся до этого в России политике «стабильности». До анализа последствий именно вхождения Крыма в состав России должно пройти еще достаточное количество времени.

Безусловно, в данной статье освещены не все публикации, посвященные возвращению Крыма и претендующие на статус научных. Так, несмотря на уважение к патриотическим настроениям в общественной жизни, автор не смог найти ничего научно-исторического в работе Н. В. Старикова и Д. П. Беляева, подписанной в печать в июле 2014 года. Слово «История» в названии книги выделено на обложке красным шрифтом. Действительно, после реферативного обзора событий, материалы для которого взяты с новостных сайтов, авторы стали углубляться в предыдущие страницы истории («мы договорились плыть по реке времени вспять» [25: 60]). Это привело к «опрокидыванию» современных представлений в прошлое, нарушению принципа историзма и к логичному при таком подходе выводу, что «Крым – неотъемлемая часть России, это важнейшая часть Русского мира» [25: 231]. Такой характеристике могли бы позавидовать даже Москва и Санкт-Петербург.

Вполне естественно, что при обилии подобных текстов «общий тон публикаций в российских СМИ повторил официальную риторику российской политической элиты» [7: 58]⁴. В подобных публикациях прослеживается стремление переписать историю, исходя из новой политической ситуации. В данный период подобная тенденция уже набирает силу. Историко-правовой подход в этом отношении был предложен доктором исторических наук В. Э. Багдасаряном, указавшим на слабые места украинских конституций 1978–1996 годов. Логические размышления привели автора к тезису об аннексии Крыма Украиной в 1990-х годах [1: 32]. Таким образом, «возвращение» полуострова в состав Российской Федерации очень скоро будет представляться долгожданным исправлением ошибок 1954–1996 годов, безальтернативным результатом борьбы патриотически настроенных крымчан против украинской политики, уже сейчас провозглашаемой «грабительской».

Менее тенденциозной представляется работа подполковника полиции, кандидата юридических наук О. А. Мироновой (Симферополь), проанализировавшей историю правовой борьбы Крыма за свой суверенитет. Показывая затухание этой борьбы к концу 1998 года, автор не объясняет причин ее резкого обострения спустя полтора десятилетия [19: 7]. Анализ украинских событий в задачи исследования не входил, хотя до этого позиция Верховной Рады кратко освещалась. Подобная краткость нарушила стройность изложения материала, логически приведшего к выводу о Крыме как о неотъемлемой части Украины. Подобные тенденции могут говорить о таком явлении, как «политика памяти», стремящейся легитимировать отдельные шаги во внешней политике государства [6], [21]. При этом сторонники такой точки зрения почему-то используют термин «присоединение», а не «возвращение» Крыма.

Таким образом, прошедшие несколько лет стали все же малым сроком для оформления крупных по-настоящему научно-исторических публикаций, посвященных актуальным (если не сказать переломным) событиям современности. За это время не произошла окончательная кристаллизация направлений дальнейшего изучения крымских событий. Однако именно в таких случаях ярче проявляется профессиональный почерк историков и представителей других специальностей, их умение формировать источниковую базу своих исследований и беспристрастно подходить к анализу материала. Следующий этап развития отечественной историографии «возвращения Крыма» должен быть связан с расширением круга используемых источников, меньшей эмоциональностью, большим вниманием к оппозиционным точкам зрения, а также способностью анализировать последствия событий 2014 года. Насколько скоро это станет возможным — покажет время.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Несмотря на то, что Послание представляет собой несомненный исторический интерес, автор данной статьи не считает возможным его анализ в качестве историографического материала. На сегодняшний момент это официальный документ политической направленности, для историографического анализа которого требуется хотя бы установить полный список его реальных авторов, не говоря уже об используемой слабой источниковой базе.
- ² Эта книга сразу собрала значительное количество положительных рецензий, принадлежащих в основном перу доцента севастопольского филиала Академии труда и социальных отношений Е. И. Рябовой. Справедливо отмечая первенство данного издания в комплексном изучении истории Крыма с древнейших времен до воссоединения с Россией для нашей историографии, автор наделяет издание статусом коллективной монографии [22], хотя в самой книге это не указано; не указаны и фамилии рецензентов этого по сути научно-популярного издания.
- ³ Примечательно, что материалы круглого стола с выступлениями известных российских историков были опубликованы в разделе «Политология». Это показывает, насколько неудобно себя чувствуют специалисты-историки при анализе сложной современной проблемы.
- ⁴ К сожалению, приведенные в данной цитате авторы использовали очень узкий круг источников российской прессы: проигнорированы публикации А. Б. Зубова и вышедшие в 2015 году отдельным изданием материалы дискуссии юристов Е. А. Лукьяновой и В. Д. Зорькина [17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарян В. Э. Историко-правовые основания легитимности самоопределения Крыма: [Круглый стол «Украинский кризис 2013–2014: причины и последствия»] // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 1. С. 28–33.
2. Белякова Н. С. Крым и российско-турецкие отношения // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 1 (300). С. 17–27.
3. Быков А. Н. Украинские события и их воздействие на интеграционный процесс на постсоветском пространстве // Вестник научной информации. М.: ИЭ РАН, 2014. № 2: Украинский кризис: причины, эволюция, уроки. Ч. 1. С. 59–72.
4. Волкова Е. А. Исторические связи России и Крыма в контексте современного политического развития // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 2 (10). С. 18–24.
5. Волобуев О. В. Бунтующая Украина и мятежный Крым: [Круглый стол «Украинский кризис 2013–2014: причины и последствия»] // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 1. С. 20–28.
6. Гигаури Д. И. Политика памяти как символический фактор легитимации внешней политики государства (на примере присоединения Крыма к России) // Россия в новом геополитическом измерении. СПб., 2016. С. 7–11.
7. Голоусова Е. С., Амиров В. М. Крымский референдум и интерпретация его итогов в СМИ (на примерах анализа российской и американской печати) // Политическая лингвистика. 2016. № 2. С. 55–59.
8. Григорьев М. С., Ковитиди О. Ф. Крым: история возвращения. М., 2014. 400 с.
9. Дельнов А. А. Крым: большой исторический путеводитель. М., 2016. 656 с.
10. Демьяненко Ю. А. Республика Крым и Севастополь в составе федеративной России: новый ответ Западу // Университеты и их роль в социально-экономическом развитии регионов: Сб. материалов XX Академических чтений Международной академии наук высшей школы. М., 2014. С. 13–24.
11. Дерябина М. А. Украина в оптике институциональной теории // Вестник научной информации. М.: ИЭ РАН, 2014. № 2: Украинский кризис: причины, эволюция, уроки. Ч. 1. С. 13–24.
12. Зубов А. Б. Аншлюс без кавычек // Новое время: The New Times. 2014. № 7 (320).
13. Зубов А. Б. Крым наш? // Ведомости. 2014. 2 октября. № 3687.
14. Кажанов С. П. Самый долгий день защитника Отечества // «Чегевара прилетает утром...»: Воспоминания сепаратистов. Севастополь, 2015. С. 3–20.
15. Кислицын С. А. Политическое значение деятельности гражданского общества Севастополя и Крыма в период борьбы за реинтеграцию Крымской Автономной Республики в Российскую Федерацию // Власть. 2016. № 8. С. 48–54.

16. Кочегаров К. А. Крым в истории России: Методическое пособие для учителей общеобразовательных организаций. М., 2014. 48 с.
17. Лукьянова Е. А. #Крымаш. Спор о праве и скрепах двух юристов и их читателей. М., 2015. 144 с.
18. Михайленко А. Н. Крым год спустя // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 3 (81). С. 30–38.
19. Миронова О. А. Этапы государственного строительства в Крыму // Развитие государственности и права в Республике Крым. Краснодар, 2016. С. 3–10.
20. Романов А. Н. Георгиевские цвета снова над Крымом. Воссоединение Крыма с Россией. 2014 год // История Крыма. М., 2015. С. 452–461.
21. Рябов О. В. Мать и мачеха: материнский символ России в легитимации присоединения Крыма к Российской Федерации // Женщина в российском обществе. Иваново, 2014. С. 40–50.
22. Рябова Е. И. Рецензия на коллективную монографию «История Крыма» // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 2 (80). С. 183–184.
23. Самигуллин В. К. Крым: историко-правовой аспект // Проблемы востоковедения. 2014. № 3 (65). С. 13–19.
24. Сеньюшкина Т. А. Воссоединение Крыма с Россией как этнополитический процесс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11. № 4. С. 75–91.
25. Стариков Н., Беляев Д. Россия. Крым. История. СПб., 2015. 256 с.
26. Фортунова М. Г. Российские СМИ о воссоединении Крыма с Россией: опыт контент-анализа // Международный журнал экономики и образования. 2016. Т. 2. С. 94–100.
27. Цыкунов Г. А. Историко-правовые основы вхождения Крыма в состав Российской Федерации // Известия Байкальского государственного университета. 2015. Т. 25. № 3. С. 550–555.
28. Широкопад А. Б. Битва за Крым. От противостояния до возвращения в Россию. М., 2014. 352 с.
29. Широкопад А. Б. Крым – 2014. Как это было? М., 2016. 352 с.
30. Golousova E. S. The reconnection of Crimea as viewed by the Turkish media // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2015. № 5. P. 227–254.

Savitskiy I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ABOUT THE CRIMEA ENTERING RUSSIAN FEDERATION IN 2014

The Russian society was roused when the Crimea joined the Russian Federation. This has raised some issues for our historians, such as terminology to define the case in question, analysis of its background, the driving forces, the opinion of the Crimean Tatars, and the role of Russia in the episode in focus. Announced as an important historical event, the Crimean phenomenon forced historians to face an unusual situation since there is only scarce information and powerful political bias, which turned into a real challenge for their professionalism. The dominant (though not the only one) concept is a patriotic one, which promulgates the return of the Crimea back to Russia to be legitimate, given the policy of the independent Ukraine. The author elaborates on the initial stage of historiography on that issue.

Key words: Russian historiography, the Crimea, patriotism

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. E. Historical and Legal Basis for the Crimea Self-Determination Legitimacy: Ukrainian 2013–2014 crisis: causes and consequences (Round table) [Istoriko-pravovye osnovaniya legitimnosti samoopredeleniya Kryma: Ukrainskiy krizis 2013–2014: prichiny i posledstviya (Kruglyy stol)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. 2014. № 1. P. 28–33.
2. Belyakova N. S. The Crimea and the Russian–Turkish Relations [Krym i rossiysko-turetskie otnosheniya]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel' – Observer* [Scientific-analytical journal Obozrevatel' – Observer]. 2015. № 1 (300). P. 17–27.
3. Bykov A. N. Events in the Ukraine and their Impact on the Integration Processes on the Former Soviet Union Territory [Ukrainskie sobytiya i ikh vozdeystvie na integratsionnyy protsess na postsovetском prostranstve]. *Vestnik nauchnoy informatsii. № 2. Ukrainskiy krizis: prichiny, evolyutsiya, uroki* [Bulletin of scientific information]. Moscow, IE RAN Publ., 2014. Part 1. P. 59–72.
4. Volkova E. A. Historical ties of the Crimea and Russia in the context of modern political development [Istoricheskie svyazi Rossii i Kryma v kontekste sovremennogo politicheskogo razvitiya]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: "Sotsial'no-gumanitarnye nauki"* [Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: "Social Sciences and Humanities"]. 2016. № 2 (10). P. 18–24.
5. Volobuev O. V. The Revolting Ukraine and the Rebellious Crimea: Ukrainian 2013 – 2014 crisis: causes and consequences (Round table) [Buntuyushchaya Ukraina i myatezhnyy Krym: Ukrainskiy krizis 2013–2014: prichiny i posledstviya (Kruglyy stol)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. 2014. № 1. P. 20–28.
6. Gigauro D. I. The Policy of Memory as a Symbolic Factor of Governmental Foreign Policy (The Case of Crimean Annexation to Russia) [Politika pamyati kak simvolicheskiy faktor legitimatsii vneshney politiki gosudarstva (na primere prisoedineniya Kryma k Rossii)]. *Rossiya v novom geopoliticheskom izmerenii*. St. Petersburg, 2016. P. 7–11.
7. Golousova E. S., Amirov V. M. The Crimean referendum and interpretation of its results in mass media (on the example of the analysis of the Russian and American press) [Krymskiy referendum i interpretatsiya ego itogov v SMI (na primerakh analiza rossiyskoy i amerikanskoy pechati)]. *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 2. P. 55–59.
8. Grigorev M. S., Kovitidi O. F. *Krym: istoriya vozvrashcheniya* [Crimea: History of Return]. Moscow, 2014. 400 p.
9. Delnov A. A. *Krym: bol'shoy istoricheskiy putevoditel'* [Crimea: Large Historical Guidebook]. Moscow, 2016. 656 p.
10. Demyanenko Y. A. The Republic of Crimea and Sevastopol within Federal Russia: New Response to the West [Respublika Krym i Sevastopol' v sostave federativnoy Rossii: novyy otvet Zapadu]. *Universitety i ikh rol' v sotsial'no-ekonomicheskom razviti regionov*. Moscow, 2014. P. 13–24.
11. Deryabina M. A. The Ukraine within Institutional Theory [Ukraina v optike institutsional'noy teorii]. *Vestnik nauchnoy informatsii. № 2. Ukrainskiy krizis: prichiny, evolyutsiya, uroki* [Bulletin of scientific information]. Moscow, IE RAN Publ., 2014. Part 1. P. 13–24.

12. Zubov A. B. Pure Anschluss [Anshlyus bez kavychek]. *Novoe vremya: The New Times*. 2014. № 7 (320).
13. Zubov A. B. Does the Crimea Belong to Us? [Krym nash?]. *Vedomosti*. 2014. 2 Oktyabrya. № 3687.
14. Kazhanov S. P. The Longest Day of the Defender of the Motherland [Samyy dolgiy den' zashchitnika Otechstva]. "Chegevara priletaet utrom...": *Vospominaniya separatistov*. Sevastopol, 2015. P. 3–20.
15. Kislitsin S. A. Political importance of civil society activities of Sevastopol and the Crimea in the period of struggle for the reintegration of the Crimean Autonomous Republic in the Russian Federation [Politicheskoe znachenie deyatel'nosti grazhdanskogo obshchestva Sevastopolya i Kryma v period bor'by za reintegratsiyu Krymskoy Avtonomnoy Respubliki v Rossiyskuyu Federatsiyu]. *Vlast'*. 2016. № 8. P. 48–54.
16. Kochegarov K. A. *Krym v istorii Rossii: Metodicheskoe posobie dlya uchiteley obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy* [The Crimea and the History of Russia: Study Guidelines for Comprehensive Education Facilities]. Moscow, 2014. 48 p.
17. Lukyanova E. A. #Krymnash: spor o prave i o skrepakh dvukh yuristov i ikh chitateley [#Crimnash. Arguments on the Rights and Bonds of Two Lawyers and their Readers]. Moscow, 2015. 144 p.
18. Mihailenko A. N. The Crimea, a Year after [Krym god spustya]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. 2015. № 3 (81). P. 30–38.
19. Mironova O. A. Stages of Statecraft in the Crimea [Etapy gosudarstvennogo stroitel'stva v Krymu]. *Razvitie gosudarstvennosti i prava v Respublike Krym*. Krasnodar, 2016. P. 3–10.
20. Romanov A. N. Colors of St. George in the Crimea. Reunification of the Crimea and Russia. The Year 2014 [Georgievskie tsveta snova nad Krymom. Vossoedinenie Kryma s Rossiei. 2014 god]. *Istoriya Kryma*. Moscow, 2015. P. 452–461.
21. Ryabov O. V. Mother and Mother-in-Law: Symbols of Mother Russia in Legitimization of the Crimea Annexation to Russian Federation [Mat' i machekha: materinskiy simvol Rossii v legitimatsii prisoedineniya Kryma k Rossiyskoy Federatsii]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. Ivanovo, 2014. P. 40–50.
22. Ryabova E. I. Review of Multi-Author Book "History of the Crimea" [Retsenziya na kollektivnuyu monografiyu "Istoriya Kryma"]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. 2015. № 2 (80). P. 183–184.
23. Samigullin V. K. The Crimea: historical and legal aspects [Krym: istoriko-pravovoy aspekt]. *Problemy vostokovedeniya* [The Problems of Oriental Studies]. 2014. № 3 (65). P. 13–19.
24. Senyushkina T. A. Reunification of the Crimea and Russia as an ethno-political process [Vossoedinenie Kryma s Rossiei kak etnopoliticheskiy protsess]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2015. Vol. 11. № 4. P. 75–91.
25. Starikov N., Belyaev D. *Rossiya. Krym. Istoriya* [Russia. The Crimea. History]. St. Petersburg, 2015. 256 p.
26. Fortunova M. G. Russian Mass Media and Reunion of the Crimea and Russia, Content Analysis Case [Rossiyskie SMI o vossoedinenii Kryma s Rossiei: opyt kontent-analiza]. *Mezhdunarodnyy zhurnal ekonomiki i obrazovaniya* [International Journal of Economics and Education]. 2016. № 2. P. 94–100.
27. Tsykunov G. A. Historical and legal bases of the Crimea's inclusion in the Russian Federation [Istoriko-pravovye osnovy vkhozhdeniya Kryma v sostav Rossiyskoy Federatsii]. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Baikal State University]. 2015. Vol. 25. № 3. P. 550–555.
28. Shirokorad A. B. *Bitva za Krym. Ot protivostoyaniya do vozvrashcheniya v Rossiyu* [Battle for the Crimea. From Stand-off to the Return to Russia]. Moscow, 2014. 352 p.
29. Shirokorad A. B. *Krym – 2014. Kak eto bylo?* [The Crimea – 2014. How did it all happened?]. Moscow, 2016. 352 p.
30. Golousova E. S. The reunification of the Crimea as viewed by the Turkish media // World of Media. *Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2015. № 5. P. 227–254.

Поступила в редакцию 10.10.2016

АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ ТАРАСОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Института языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
taleksej@drevlanka.ru

МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОГОЛЕВ

младший научный сотрудник лаборатории геохимии и моделирования природных и техногенных процессов Института геологии, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
mag-333@mail.ru

СЫРЬЕВАЯ БАЗА ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ РУБЯЩИХ ОРУДИЙ РЕГИОНА ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА (опыт геохимического исследования)*

Представлены итоги первого опыта геохимического исследования каменного сырья (слабо метаморфизованного вулканического туфа), использовавшегося для изготовления рубящих орудий так называемого русско-карельского типа в период энеолита на западном побережье Онежского озера. Орудия данного типа особенно примечательны тем, что они активно использовались для обмена в указанный исторический период, в том числе для обмена между удаленными коллективами. Проводившиеся ранее петрографические анализы подтверждают, что материал для производства таких орудий, в том числе найденных на расстоянии до 1000 км от современной Карелии, происходит с западного побережья Онежского озера. Геохимическое исследование по методу ICP-MS проводилось с целью более точной локализации мест добычи сырья и получения геохимического «паспорта» материала, применявшегося для производства таких изделий на мастерских западного побережья Онежского озера, на которых представлен полный технологический цикл, для сравнения в дальнейшем с геохимическими характеристиками материала изделий, найденных за пределами данного производственного центра. Исследование продемонстрировало принципиальное единство сырьевой базы всех изученных мастерских и показало, что сырьевая база связана с проявлениями туфов в скальном массиве к северу от р. Шуя на западном побережье Онежского озера между ст. Шуйская и д. Шуйская Чула, а также с ближайшими валунными россыпями к северу от низовьев р. Шуя.

Ключевые слова: каменная индустрия, рубящие орудия, энеолит, неолит, Онежское озеро, геохимия, ICP-MS, петрография, сырье

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ РУБЯЩИЕ ОРУДИЯ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА И МАСТЕРСКИЕ ПО ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЮ

Объектом рассмотрения данной статьи является каменное сырье, использовавшееся для изготовления каменных рубящих орудий так называемого русско-карельского типа, производившихся на стоянках-мастерских энеолитического периода, расположенных на западном побережье Онежского озера. Орудия русско-карельского типа, отличающиеся высоким качеством обработки и строгой геометрической формой (рис. 1), привлекли внимание исследователей уже во второй половине XIX века. Благодаря работам финских археологов И. Р. Аспелина, Л. В. Пяконена, Ю. Айлио, А. Эйряпя данный тип был признан специфической особенностью археологии Карелии. Финские исследователи локализовали производственный центр в низовьях р. Шуи на западном побережье Онежского озера (см. рис. 1) и установили, что некоторые изделия из этого центра транспортировались в весьма удаленные регионы [16], [19], [21], [27]. Российские археологи были осведомлены об этой интерпретации, однако в России она была воспринята

не всеми исследователями [1], [2], [3: 104–106], [4], [7: 246–247], [17], [18: 196].

В 1980–1990-е годы А. М. Жульников исследовал ряд памятников, датирующихся периодом энеолита (ок. 4700 BP/3500 cal. BC – 3200 BP/1400 cal. BC). Керамика этих поселений обычно именуется асбестовой и пористой [6]. Было установлено, что орудия русско-карельского типа очень характерны для памятников с такой керамикой, в то время как на памятниках с чистыми комплексами других культур они отсутствуют [11].

Картографирование находок русско-карельского типа впервые было произведено в середине XX века А. Эйряпя [30] и возобновилось в 2000-х годах [15], [16], [20], [25]. Помимо онежского региона, такие изделия были идентифицированы в коллекциях археологических памятников из других районов Карелии, а также Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы [22], Верхнего Поволжья, Вологодской области. Имеются сообщения о распространении их вплоть до Урала [18: 196]. Характерно, что заготовки, то есть незавершенные изделия русско-карельского типа, преимущественно происходят из низовьев р. Шуи и ни одна из них не была обнаружена за пределами бассейна Онежского озера.

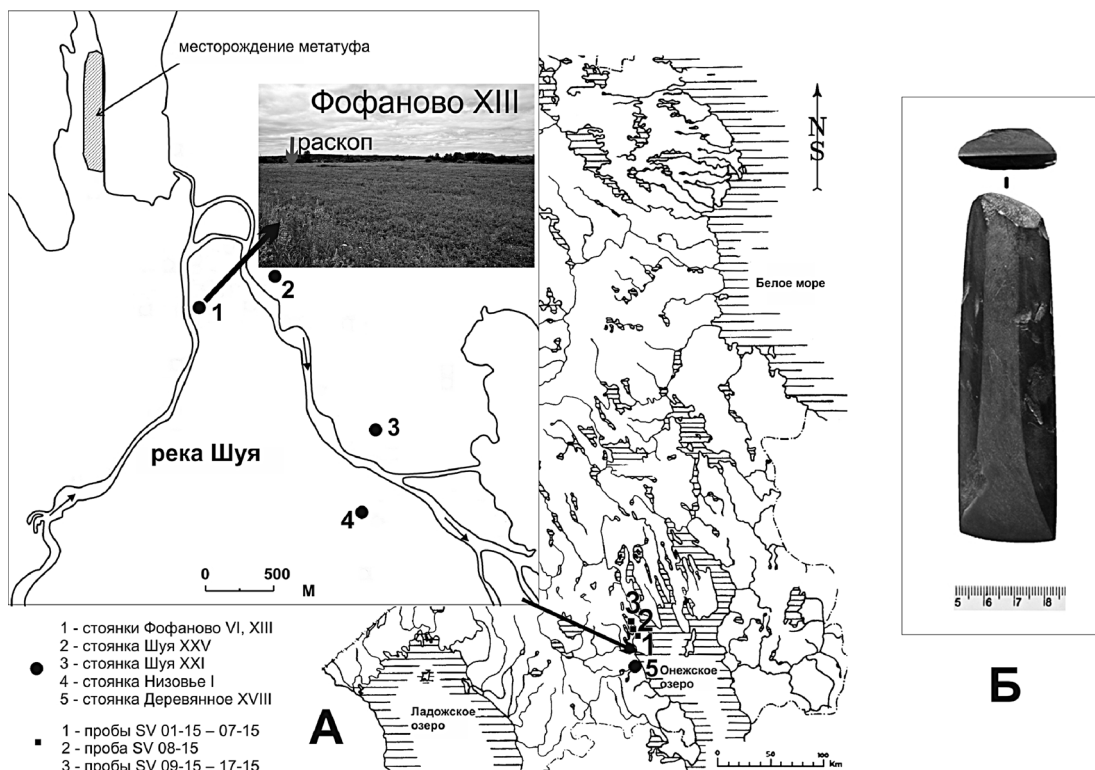

Рис. 1. Стоянки-мастерские западного побережья Онежского озера и месторождения метатупового сырья:
А – расположение исследованных стоянок-мастерских и мест отбора образцов метатупового сырья;
Б – тесло русско-карельского типа со стоянки-мастерской Фофаново XIII

В течение послевоенного периода вплоть до 1990-х годов в устье р. Шуи имели место только эпизодические разведки. Регулярные исследования, преимущественно также разведочные работы и сборы подъемного материала, начались только в 1990-е годы. В настоящее время здесь известно около 100 археологических памятников, не менее трети из которых содержат отходы производства орудий русско-карельского типа. В 2000 году были проведены первые в данном районе раскопки стоянки-мастерской Фофаново XIV. Стоянка исследовалась А. М. Жульниковым на площади 400 м². Результаты раскопок частично опубликованы [10].

В 2010–2013 годах А. Ю. Тарасовым исследована серия из пяти стоянок-мастерских, содержащих технологический контекст изготовления орудий русско-карельского типа (см. рис. 1). Четыре из них находятся в устье р. Шуи: Фофаново XIII, Шуя XXI, Шуя XXV, Низовье I, и одна – в 40 км к югу от низовья Шуи на побережье Онежского озера в районе с. Деревянное (Деревянное XVIII). Раскопки производились на небольшой площади (от 6 до 30 м²) [14]. Насколько позволяет судить анализ отходов производства, на мастерских низовья Шуи имел место полный цикл изготовления таких орудий [25], [26], в то время как на исследованной мастерской вблизи с. Деревянное происходило завершение обработки частично готовых изделий [14].

ИССЛЕДОВАНИЯ СЫРЬЯ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ОРУДИЙ РУССКО-КАРЕЛЬСКОГО ТИПА

До настоящего момента изучение сырья для изготовления орудий данного типа производилось только с помощью петрографии. Наиболее масштабные работы такого рода велись финскими исследователями, изучавшими материал рубящих орудий, найденных как на территории Финляндии, так и на территории современной Карелии. Они начались в первой половине XX века, когда финский геолог Э. Мякинен определил собранные в XIX веке в Карелии и хранящиеся в Национальном музее Финляндии рубящие инструменты, среди которых также были и изделия русско-карельского типа. По мнению Э. Мякинена, среди определенных образцов доминировал туф [27: 58].

Рубящие орудия русско-карельского типа с промежуточной территории Финляндии и Карелии определялись в конце 1970-х годов Т. Хейкуринен и О. Няюкки. Материал большинства из более 500 предметов определен как «олонецкий зеленый сланец» – метатуп зеленого оттенка. Отдельные экземпляры были изготовлены из хлоритового сланца, слюдяного сланца и диабаз [19: 6–7].

В 2008–2009 годах эстонским геологом Ю. Кирсом проводилось петрографическое исследование орудий данного типа, происходящих с территории современной Эстонии. В качестве

сравнительного эталона Ю. Кирсу были представлены фрагменты отщепов, происходящих со стоянки-мастерской Фофаново XIII, а также образцы материала из одного из предполагаемых мест добычи сырья на полуострове Красков Наволок на оз. Укшезеро (см. рис. 1), включая фрагменты коренной породы из скального проявления и валунного обломочного материала. Анализ 22 орудий, найденных в Эстонии, продемонстрировал, что в большинстве случаев (19 экз.) материал может быть определен в качестве метатуга, то есть слабо метаморфизованного вулканического туга, включая такие минералого-текстурные разновидности, как сланцеватый, биотитовый сланцеватый, слюдястый, риолитовый метатуг. Данный материал отсутствует на территории Эстонии даже в обломочном виде. При этом, по данным петрографического изучения, он соответствует материалу эталонных образцов с территории Карелии [16].

Метатуг, использовавшийся для изготовления рубящих предметов русско-карельского типа, в природе встречается на ограниченной территории. Геолог В. Рамзай в начале XX века локализовал эту территорию в Карелии, на побережье Онежского озера. Причем разновидность зеленого оттенка (так называемый онежский или олонекский зеленый сланец) локализуется еще уже – в районе севернее Петрозаводска (включая устье реки Шуи), откуда он был принесен ледником в виде валунов на южные территории [19: 5], [27: 59]. Если не рассматривать некоторые исключения, все проанализированные до настоящего момента рубящие орудия русско-карельского типа были изготовлены из породы, происходящей из Карелии, из района северо-западного побережья Онежского озера, где распространены слабо метаморфизованные отложения (включая метатуг) вулканического происхождения Онежской долины, датируемые ранним протерозоем, 2,3–1,7 миллиарда лет (так называемые комплексы Ятулия – Вепсия) [9].

ЦЕЛИ ГЕОХИМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАТУГОВОГО СЫРЬЯ

Исследования предыдущих лет в целом убедительно продемонстрировали, что источники сырья для производства данной категории изделий должны располагаться на западном побережье Онежского озера в непосредственной близости от мастерских, на которых имеется технологический контекст, то есть комплекс отходов от их изготовления. Тем не менее до настоящего момента конкретные месторождения, на которых мог производиться сбор кусков сырья, не были определены, а также не было установлено, можем ли мы вести речь об одном или целой серии таких месторождений.

Необходимо отметить, что петрографический анализ не может быть полностью избавлен от влияния субъективности и прошлого опыта исследователя. Также не обладают универсальным значением и классификационные схемы, на основании которых проводится описание шлифов, поскольку одни и те же предметы и явления

могут быть классифицированы по различающимся основаниям. Применительно к объекту нашего исследования примером такого расхождения принятых за основу классификационных схем являются результаты петрографического изучения «сланцевых» орудий из раскопок стоянки Охта 1 в г. Санкт-Петербурге, среди которых есть очень представительная серия орудий русско-карельского типа [13]. Тем не менее среди определений, использованных для описания выделенных на этом памятнике типов сланцевого сырья, термин «туг» и производные от него отсутствуют [5].

Исходя из вышесказанного, цели начатой нами работы по геохимической характеристике сырья для изготовления орудий русско-карельского типа можно сформулировать следующим образом:

- по возможности точная локализация месторождений, на которых происходила добыча сырья;
- установление единства сырьевой базы для различных мастерских либо же, наоборот, существования нескольких альтернативных центров снабжения различных мастерских;

- определение геохимического «паспорта» разновидностей метатугового материала для изготовления орудий русско-карельского типа, который может использоваться в качестве эталона при анализе находок из других регионов при изучении особенностей распространения изделий из мастерских Онежского озера и, соответственно, связей и контактов древнего населения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Предлагаемая работа является первой попыткой геохимического изучения сырья, использовавшегося при производстве рубящих орудий в энеолитических мастерских западного побережья Онежского озера, и, безусловно, не ставит своей задачей исчерпывающую характеристику всех материалов. На данном этапе были проанализированы всего 20 образцов с использованием только одного метода из арсенала геохимии – масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой (ICP-MS). 15 проанализированных образцов являются артефактами – отщепами, то есть отходами от производства каменных рубящих орудий со стоянок-мастерских. 5 образцов – это фрагменты горной породы, отобранные на одном из мест предполагаемой добычи сырья.

Отщепы были взяты из материалов раскопок и сборов на следующих стоянках: Фофаново XIII (образцы 1–4), Фофаново VI (образцы 5–6), Шуя XXV (образцы 7–8), Шуя XXI (образцы 9–10), Низовье I (образцы 14–15), Деревянное XVIII (образцы 11–13) (см. рис. 1, таблицу). Все образцы имели характерные признаки, свойственные отходам производства орудий рассматриваемого типа [25], [26]. Только одна из рассматриваемых стоянок может быть надежно датирована на основе радиоуглеродного метода. Это стоянка Фофаново XIII, отличающаяся феноменально насыщенным находками культурным слоем. При толщине культурного слоя от 0,5 до

0,8 м насчитывается свыше 350000 экз. с территории раскопа площадью всего 30 м² [25]. Имеющиеся даты по нагару с керамики позволяют датировать памятник в диапазоне ок. 4700–4400 BP / 3500–3300 cal BC. По находкам асбестовой керамики типа Войнаволок, по А. М. Жульникову [6], стоянку Фофаново VI, расположенную в непосредственной близости от Фофаново XIII, можно датировать в диапазоне ок. 4700–4300 BP / 3500–3100 cal BC. По находкам асбестовой керамики типа Оровнаволок могут быть датированы стоянки Шуя XXI, Низовье I и Деревянное XVIII. Время бытования данной разновидности энеолитической посуды на основании имеющихся в настоящее время данных можно отнести к диапазону 4400–3500 BP / 3300–2500 cal BC. На стоянке Шуя XXV не были найдены достаточно крупные для определения типа фрагменты асбестовой керамики, однако с большой вероятностью можно утверждать, что время существования этого памятника укладывается в диапазон бытования асбестовой керамики типов Войнаволок и Оровнаволок, найденной на других указанных стоянках, то есть ок. 4700–3500 BP / 3500–2500 cal BC. Согласно климатической периодизации, время существования этих памятников укладывается в суббореальный период.

Список образцов из раскопок стоянок-мастерских и экспериментальной серии по изготовлению орудий русско-карельского типа

№	Описание
1	отщеп со стоянки Фофаново XIII (раскопки)
2	отщеп со стоянки Фофаново XIII (раскопки)
3	отщеп со стоянки Фофаново XIII (раскопки)
4	отщеп со стоянки Фофаново XIII (раскопки)
5	отщеп со стоянки Фофаново VI (сборы)
6	отщеп со стоянки Фофаново VI (сборы)
7	отщеп со стоянки Шуя XXV (раскопки)
8	отщеп со стоянки Шуя XXV (сборы)
9	отщеп со стоянки Шуя XXI (раскопки)
10	отщеп со стоянки Шуя XXI (раскопки)
11	отщеп со стоянки Деревянное XVIII (сборы)
12	отщеп со стоянки Деревянное XVIII (сборы)
13	отщеп со стоянки Деревянное XVIII (сборы)
14	отщеп со стоянки Низовье I (раскопки)
15	отщеп со стоянки Низовье I (раскопки)
16	отщеп из экспериментальной серии (валун)
17	отщеп из экспериментальной серии (скальная порода)
18	отщеп из экспериментальной серии (скальная порода)
19	отщеп из экспериментальной серии (скальная порода)
20	отщеп из экспериментальной серии (валун)

Образцы горной породы происходят с полуострова Красков Наволок, разделяющего оз. Укшезеро и оз. Сургубское к северу от низовья р. Шуя

(см. рис. 1). В настоящее время это единственное известное авторам место, где можно собирать крупные куски материала подходящего качества. Найденные здесь отдельности метатупового сырья использовались в программе экспериментов по репликации орудий русско-карельского типа. Эксперименты проводились с целью уточнения технологии, а также получения эталонной коллекции отходов, на основе которой производилась примерная оценка количества готовых орудий, которые могли быть изготовлены в пределах раскопанной площади на стоянке Фофаново XIII [26]. В качестве образцов использованы отщепы, произведенные в ходе экспериментов (см. таблицу).

Месторождение состоит из двух частей. Первая часть представляет собой скальный массив, завершающийся с севера отвесным обрывом, у подножия которого открывается горизонт залегания достаточно однородного и твердого метатупового материала. Этот горизонт подвергся разрушению, имеет множественные трещины, продолжается его осыпание. В результате осыпания в его толще сформировался неглубокий скальный навес. Несомненные признаки участия человека обнаружить не удалось, однако следует отметить, что разрушение затронуло именно горизонт с материалом, подходящим для изготовления каменных рубящих орудий. Вторая часть месторождения – восточное побережье полуострова вблизи волноприбойной линии, где возможен сбор валунов. Для геохимического анализа отобраны 3 образца скального (образцы 17–19) и 2 образца валунного материала (образцы 16, 20).

Ранее образцы породы из данного месторождения, включая два фрагмента скального массива и два фрагмента валунов, были проанализированы Ю. Кирсом с помощью петрографического метода. Образцы скалы определены как андезитовый метатуп с темно-зеленоватой основой, раковистым изломом, вкраплениями роговой обманки длиной до 1 мм (№ 1) и темно-серый крипнокристаллический метатуп с раковистым изломом (№ 2). Образцы валунного материала определены в качестве темно-серого крипнокристаллического метатупа с раковистым изломом, с обломками кавернозной пирокластической брекчии (№ 3) и зеленовато-серого микрокристаллического слабо метаморфизованного диабаз с офитовой структурой (№ 4). При этом был сделан вывод о том, что метатуповая основа образцов № 2 и № 3 идентична основе образцов отщепов со стоянки Фофаново XIII.

Геохимический анализ всех отобранных образцов выполнен на квадрупольном масс-спектрометре X Series 2 (Thermo Fisher Scientific) в аналитической лаборатории ИГ КарНЦ РАН. Методика пробоподготовки детально описана в отдельной статье [8]. В качестве контрольных образцов в лаборатории использовались российские и международные стандартные образцы горных пород СТ1, BHVO2.

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОХИМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО МЕТОДУ ICP-MS

В ходе аналитической сессии получены химические составы археологических образцов по следующим элементам (г/т): 7Li, 9Be, 31P, 45Sc, 47Ti, 51V, 52Cr, 55Mn, 59Co, 60Ni, 65Cu, 66Zn, 69Ga, 85Rb, 88Sr, 89Y, 90Zr, 93Nb, 95Mo, 107Ag, 111Cd, 116Sn, 121Sb, 125Te, 133Cs, 138Ba, 139La, 140Ce, 141Pr, 142Nd, 147Sm, 151Eu, 157Gd, 159Tb, 161Dy, 165Ho, 166Er, 169Tm, 172Yb, 175Lu, 178Hf, 181Ta, 182W, 203Tl, 206Pb, 209Bi, 232Th, 238U.

Для определения материала археологических находок проведено сопоставление имеющихся данных с составами породных комплексов палеопротерозойского возраста в пределах Онежской структуры. В качестве

объектов сопоставления использовались пробы, взятые в близлежащих к району исследований месторождениях (рис. 2). База данных [8] предоставлена С. А. Световым. Сопоставление проводилось на основе выделения общих топологических групп в распределении редких и редкоземельных элементов с использованием спайдерграмм, нормированных по примитивной мантии [23] между эталонными геологическими образцами и археологическими пробами. Общая картина распределения редких элементов в эталонных пробах пикробазальтов Суйсарской свиты приведена на рис. 1. Породы заонежской свиты, включая P1-порфиновые базальты, осадочные литотипы и класты пород из Суйсарского комплекса, приведены на рис. 2.

ПРОБА	СТРАТИГРАФИЯ	МЕСТО ОТБОРА	ПОРОДА
SV-05-15	Суйсарская свита	ст. Шуйская, гора под ретранслятором	матрикс туфобрекчии
SV-06-15	Суйсарская свита	поворот на Гирвас, М18	т/з матрикс из туфобрекчии, зона почти без обломков
SV-02-15	Суйсарская свита	ст. Шуйская, гора под ретранслятором	обломок(?) т/з порифритов
SV-03-15	Суйсарская свита	ст. Шуйская, гора под ретранслятором	бомба размером 10X10, св. серый материал
SV-03a-15	Суйсарская свита	ст. Шуйская, гора под ретранслятором	бомба размером 10X10, красный материал
SV-04-15	Суйсарская свита	ст. Шуйская, гора под ретранслятором	крупная бомба в 3 м ниже по склону от 03-15, т/з массивные слабо порфиновые породы
SV-07-15	Суйсарская свита	поворот на Гирвас, М18	т/з порода из крупного обломка
SV-14-15	Суйсарская свита	г. Сампо	т/з порода из обломка в туфобрекчии
SV-08-15	Заонежская свита	Шуйская Чупа	P1-порфиновые базальты, заонежская свита
SV-10-15	Заонежская свита	берег оз. Кончезера, к С от Шуйской Чупы	массивная часть подушки в урезе воды оз. Кончезеро
SV-09-15	Суйсарская свита	берег оз. Кончезера, к С от Шуйской Чупы	центральная часть дайки, м<1 м, простираение 20°
SV-13-15	Суйсарская свита	д. Царевичи, оз. Укшезеро	массивные порфиновые пикробазальты, относительно крупное тело
SV-12-15	Суйсарская свита	д. Царевичи, оз. Укшезеро	обломок порфировых пикробазальтов в туфобрекчии
SV-15-15	Суйсарская свита	Спасская губа, к 3 от дороги	м/з долерит, 3 краевая часть тела
SV-16-15	Суйсарская свита	Спасская губа, к 3 от дороги	м-ср/з долериты в центральной части тела
SV-17-15	Суйсарская свита	Спасская губа, к 3 от дороги	м/з долерит, В краевая часть тела
SV-11-15	Заонежская свита	берег оз. Кончезера, к С от Шуйской Чупы	тонкополосчатые осадки на контакте с туфобрекчиями

Рис. 2. Эталонные пробы пород палеопротерозойского возраста в пределах Онежской структуры (породы выделены цветом по близким морфологическим свойствам)

В результате сопоставления установлено:

1) Две пробы отщепов (№ 3, 4) и одна проба валунов (16) относительно обеднены редкоземельными элементами (РЗЭ) (рис. 3А), для которых аналоги не столь очевидны среди пород Онежской структуры.

2) Существование крупной группы археологических проб (включающих 14 проб), подобной эталонным образцам района ст. Шуйская. Археологические пробы 1, 2, 6, 15 химически подобны

матриксу (основной массе) туфобрекчии, 10 образцов (5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 20) аналогичны обломкам (крупные класты в туфе) из туфобрекчии (рис. 3Б). Отличия в концентрации Ва, скорее, результат различного уровня вторичной проработки эталонных проб в сравнении с породами, из которых изготавливались археологические объекты.

3) Три археологических образца (17, 18, 19) по геохимии, скорее всего, соответствуют порфировым пикробазальтам района оз. Кончезе-

ро и, за исключением аномалии по Sr, района озера Укшезеро (SV-09-15, SV-10-15, SV-13-15) (рис. 3В).

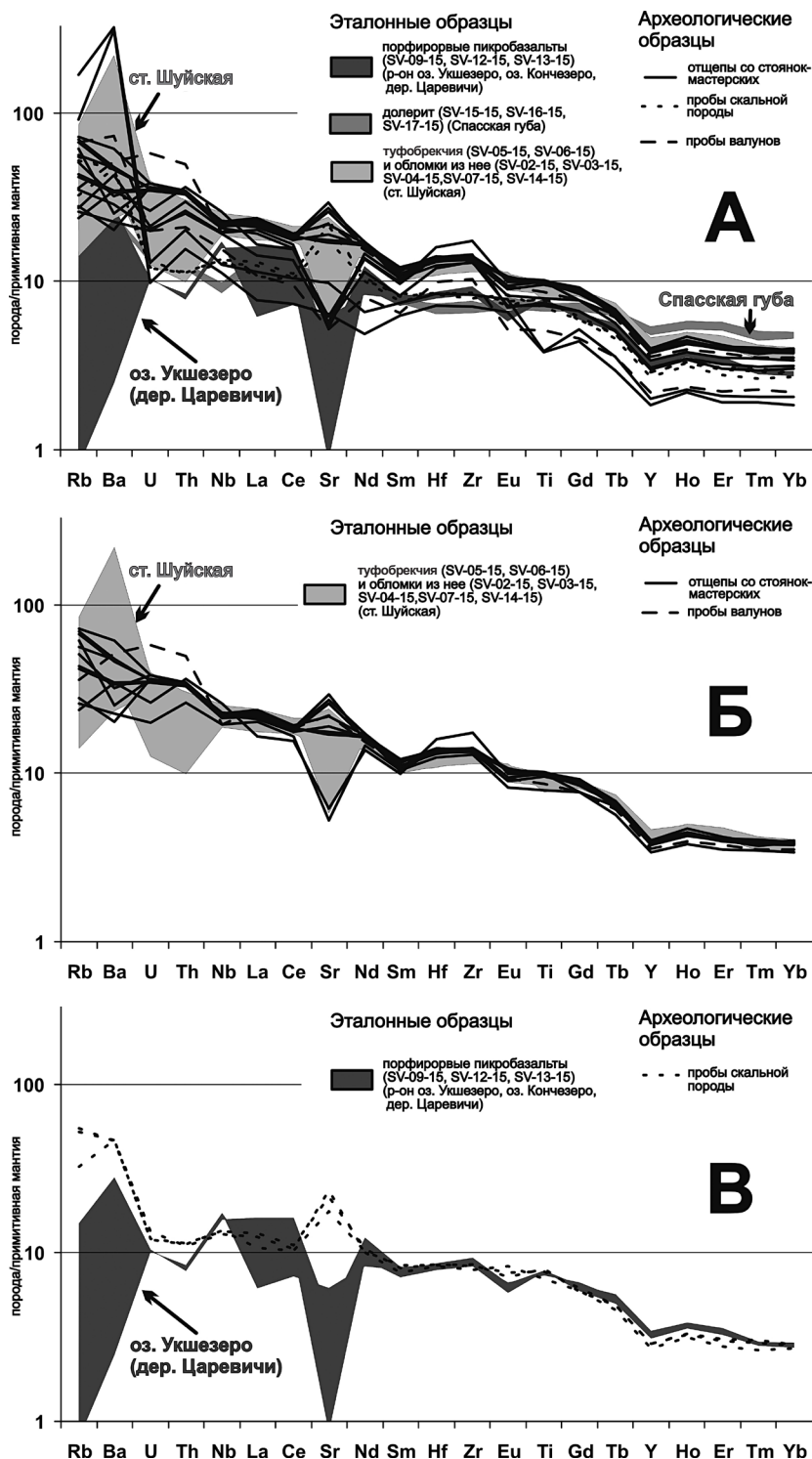

Рис. 3. Распределение редких элементов в эталонных геологических образцах и археологических пробах (включая образцы валунов и скальной породы с полуострова Красков Наволок). Нормировано по примитивной мантии (Sun, McDonough, 1989)

ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты анализа убедительно продемонстрировали, что на мастеровских в низовье р. Шуи

использовалось сырье из туфовых проявлений западного побережья Онежского озера к северу от устья р. Шуи. Абсолютное большинство

образцов из раскопок со всех привлеченных в данной работе памятников обладают чрезвычайно сходными геохимическими характеристиками и совпадают с характеристиками эталонных проб из района ст. Шуйская и д. Шуйская Чупа к северу от г. Петрозаводска. Участки отбора эталонных геологических проб, показавших наибольшую близость материалу из раскопок, находятся на расстоянии ок. 3–3,7 км от ближайших мастерских (см. рис. 1), в относительной близости от береговой линии, существовавшей в течение суббореального периода, то есть транспортировка кусков породы из этой зоны должна была быть вполне возможной. В настоящее время мы не знаем каких-либо древних горных выработок вблизи этих участков. Однако их поиск в этих местах еще не проводился, и в свете результатов проведенных анализов у нас есть все основания ожидать, что такие выработки в конце концов будут найдены.

Анализ показал, что кроме материала из основного массива вблизи ст. Шуйская мог использоваться какой-то иной материал, полные аналоги которому не находятся среди геологических эталонов, использованных для сравнения. Такой материал отмечен у двух образцов со стоянки Фофаново XIII, то есть у половины образцов, взятых с этого памятника, но среди образцов со всех остальных стоянок он не проявился. Порода со сходной геохимической композицией характерна также для одного образца из месторождения на мысе Красков Наволок. Данный образец представляет собой валунный материал, и можно предположить, что на стоянке Фофаново XIII образцы с такими характеристиками также были характерны для сырья, представленного в виде валунов. Таким образом, результаты анализа дополнительно подтверждают использование валунного материала наряду с сырьем из коренных месторождений, что также можно было установить по наличию галечной корки у значительной серии продуктов расщепления из данной стоянки-мастерской.

Необходимо отметить, что образцы скальной породы из месторождения на полуострове Красков Наволок не нашли аналогов среди материалов из раскопок. Проанализированная выборка, безусловно, очень мала, и мы не можем полностью отвергать вероятность того, что какие-то куски сырья из данного конкретного проявления все же использовались. Тем не менее можно констатировать, что это обогащение метатuffовой породы не являлось основным источником сырья для Шуйских мастерских. В то же время оба образца валунного материала из этого полуострова нашли аналоги среди материала изученных артефактов. Учитывая то, что это наиболее близкое известное нам место для сбора валунов, есть все основания считать, что результаты анализа фиксируют использование материала, происходящего в том числе и с полуострова Красков Наволок.

Наконец, очень важным итогом анализа является тот факт, что материал со стоянки Деревянное XVIII оказался полностью идентичным

материалу образцов со стоянок в низовье р. Шуи. Соответственно, нет никаких оснований утверждать, что данная мастерская снабжалась из какого-то альтернативного источника. Ранее на основании технологического анализа продуктов расщепления был сделан вывод о том, что на данном памятнике имело место только завершение обработки частично готовых изделий, доставлявшихся сюда из какого-то другого места, скорее всего, из мастерских в низовье р. Шуи [14]. Результаты геохимического исследования, таким образом, подтверждают, что эти мастерские действительно являлись наиболее вероятным местом, откуда доставлялись «полуфабрикаты» в район с. Деревянное.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам рассмотрения результатов проведенного геохимического исследования можно сделать следующие основные выводы:

1) Скальные массивы к северу от низовья Шуи, особенно вблизи ст. Шуйская и д. Шуйская Чупа, действительно можно рассматривать в качестве источника сырья для изготовления орудий русско-карельского типа в мастерских западного побережья Онежского озера. Также в качестве дополнительного источника сырья можно рассматривать валунные россыпи, которые местами обнажаются на побережье близлежащих озер.

2) Имеющиеся в настоящий момент данные позволяют говорить только об одном значительном месторождении – источнике сырья для мастерских западного побережья, что не исключает существование целой серии близко расположенных горных выработок. Основания предполагать существование какого-то альтернативного центра снабжения пока отсутствуют.

3) Полученный в итоге проведенных анализов геохимический «паспорт» каменного сырья для производства орудий русско-карельского типа может использоваться в качестве эталона при изучении материала орудий данного типа из других регионов.

В ближайшей перспективе необходимо проведение аналогичного анализа находок из других частей онежского побережья. На поселениях в бассейне Онежского озера достаточно часто встречаются находки заготовок орудий русско-карельского типа, относящихся к поздним стадиям технологического процесса [25]. Их анализ необходим для того, чтобы проверить вероятность существования какого-либо дополнительного сырьевого и производственного центра, остающегося пока неизвестным. После установления факта единичности либо множественности таких центров будет возможно полноценное сравнение с материалом артефактов, происходящих из районов, находящихся за пределами бассейна Онежского озера.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают глубокую признательность С. А. Светову, Ю. Кирсу, А. Крийска за содействие в проведении наших исследований.

* Работа проведена в рамках выполнения плана НИР, тема «Интерпретация археологических источников в системном изучении древних и средневековых культур Карелии и прилегающих территорий» (№ 0225-2014-0014) при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект «Онежское озеро и его водосбор: история геологического развития, освоение человеком и современное состояние». Грант РНФ 14-17-00766, 2014-2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брюсов А. Я. Археологические памятники III–I тысячелетий до нашей эры в Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1947. С. 9–34.
2. Брюсов А. Я. История древней Карелии // Труды Государственного исторического музея. Вып. IX. М.: Государственный исторический музей, 1940. 320 с.
3. Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 264 с.
4. Гурина Н. Н. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 138. Торговля и обмен в древности. М.: Институт археологии РАН, 1974. С. 12–23.
5. Желтова М. Н., Гусенцова Т. М., Кулькова М. А. Каменный инвентарь неолита и эпохи раннего металла памятника Охта 1 в Санкт-Петербурге (2008–2009 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. 1. 2015. С. 362–374.
6. Жульников А. М. Энеолит Карелии: Памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 1999. 224 с.
7. Кларк Дж. Г. Д. Доисторическая Европа: Экономический очерк. М.: Наука, 1953. 348 с.
8. Светов С. А., Голубев А. И., Степанова А. В., Куликов В. С. Палеопротерозойские вулканоплутонические комплексы Онежской структуры // Путеводитель геологических экскурсий XII Всероссийского петрографического совещания. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. С. 28–54.
9. Соколов В. А., Куликов В. С., Стенарь М. М. (ред.). Геология Карелии. Л.: Наука, 1987. 231 с.
10. Тарасов А. Ю. Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии // Археологические Вести. Вып. 10. 2003. С. 60–74.
11. Тарасов А. Ю. Энеолитическая индустрия каменных макроорудий Карелии в ряду европейских индустрий позднего каменного века // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. Замятинский сборник. Вып. 1. СПб.: Наука, 2008. С. 190–201.
12. Тарасов А. Ю. Фофаново XIII – пример интенсивной производственной деятельности эпохи раннего металла в лесной зоне // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Замятинский сборник. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 307–317.
13. Тарасов А. Ю., Гусенцова Т. М. Рубящие орудия поселения Охта I в Санкт-Петербурге (из раскопок 2008–2009 гг.) // Мезолит и неолит Восточной Европы: Хронология и культурное взаимодействие. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 207–214.
14. Тарасов А. Ю., Зобков М. Б. Энеолитические мастерские западного побережья Онежского озера: Статистико-планиграфический анализ // Труды Карельского научного центра Российской Академии наук. 2015. № 8. Сер. «Гуманитарные исследования». С. 3–16.
15. Тарасов А. Ю., Костылева Е. Л. Рубящие орудия из волосовских комплексов Сахтышских стоянок. Технико-типологический и планиграфический анализ // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. 1. 2015. С. 375–406.
16. Тарасов А. Ю., Крийска А., Кирс Ю. Свидетельства обмена между населением Карелии и Эстонии в финальном каменном веке: По результатам археологического и петрографического изучения рубящих орудий русско-карельского типа с территории Эстонии // Труды Карельского научного центра Российской Академии наук. 2010. № 4. Сер. «Гуманитарные исследования». Вып. 1. С. 56–65.
17. Филатова В. Ф. Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии // Советская археология. 1971. № 2. С. 32–38.
18. Фосс М. Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. № 29. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 280 с.
19. Heikkurinen T. Itäkarjalaiset tasa- ja kourutaltat. Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste n:o 21. Helsinki: Helsingin yliopiston, 1980. 101 p.
20. Kriiska A., Tarasov A. Wood-Chopping Tools of Russian-Karelian type from Latvia // Arheologija Un Etnografija. Laid 25. Riga, 2011. P. 57–72.
21. Nordquist K., Seitsonen O. Finnish Archaeological Activities in the Present-Day Karelian Republic until 1944 // Fennoscandia Archaeologica. 2008. Vol. XXV. P. 27–60.
22. Piličiauskas G., Luik H., Piličiauskiene G. Reconsidered Late Mesolithic and Early Neolithic of the Lithuanian coast: The Smelte and Palanga sites // Estonian Journal of Archaeology. 2015. № 19 (1). P. 3–28.
23. Sun S. S., McDonough W. F. Chemical and isotopic systematics of oceanic basalts: implications for mantle composition and processes. A. D. Saunders, M. J. Norry (eds.). Magmatism in the ocean basins // Geological Society London Special Publications. 1989. № 42. P. 313–345.
24. Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis, I. Vom anfang der Besiedlung bis etwa 500 n. Chr. // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis), III: 6. Dorpat, Universität Dorpat, 1922. 139 p.
25. Tarasov A. Spatial separation between manufacturing and consumption of stone axes as an evidence of craft specialization in prehistoric Russian Karelia // Estonian Journal of Archaeology. 2015. № 19 (2). P. 83–109.
26. Tarasov A., Stafeev S. Estimating the scale of stone axe production: A case study from Onega Lake, Russian Karelia // Journal of Lithic Studies. 2014. № 1 (1). P. 239–261.
27. Äyräpää A. Itä-Karjala kivikautisen asekaupan keskustan. Tuloksia Kansallismuseon itäkarjalaisten kokoelmien tutkimuksista. // Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa. Tutkielmia Itä-Karjalan esihistoria, kulttuurihistorian ja kansankulttuurin alalta. Korrehtuurivedos. 1944. P. 53–73. (Рукопись в Национальном музейном ведомстве, Хельсинки, Финляндия.)

Tarasov A. Yu., Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
Gogolev M. A., Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

RAW MATERIAL'S BASE OF THE ENEOLITHIC INDUSTRY OF CHOPPING TOOLS FROM LAKE ONEGA (AN ATTEMPT OF GEOCHEMICAL STUDY)

The article is devoted to the results of the first attempt of geochemical investigation of the lithic raw materials (slightly metamorphosed tuffs) that were used to produce chopping tools of the so-called Russian Karelian type on the western shore of Lake Onega during the Eneolithic period. The implements of this type are especially noteworthy because of their role in the long-distance exchange. Conducted petrographical studies confirm that the material for these tools, including those found at the distance of 1000 km. from the present-day Russian Karelia, must have originated on the western shore of Lake Onega. Geochemical study with the aid of ICP-MS method was performed with the aim to define a more precise location of the raw material procurement area and to obtain the geochemical “passport” of the material that was used to make these tools in the workshops on the western shore of Lake Onega, where the full cycle of production took place. The research was also conducted to compare it in the future with geochemical characteristics of the material of finds that were found outside the production center. The study confirmed the principal unity of the

raw material base of all studied workshops and demonstrated that the procurement area was connected to the outcrops of metatuffs in the rock massif to the north from the outfall of the Shuya River on the western shore of Lake Onega between villages Shuiskaya and Shuiskaya Chupa, as well as to the closest boulder agglomerations to the north from the lower reaches of the Shuya River.

Key words: lithic industry, chopping tools, Eneolithic, Neolithic, Lake Onega, geochemistry, ICP-MS, petrography, raw materials

REFERENCES

1. Bryusov A. Ya. Archeological sites III–I millennia BC in the Karelian-Finnish SSR [Arkheologicheskie pamyatniki III–I tysyacheletiya do nashey ery v Karelo-Finskoy SSR]. *Arkheologicheskii sbornik*. Petrozavodsk, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoy SSR Publ., 1947. P. 9–34.
2. Bryusov A. Ya. History of Ancient Karelia [Istoriya drevney Karelii]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo museya*. Issue IX. Moscow, Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey Publ., 1940. 320 p.
3. Bryusov A. Ya. *Ocherki po istorii plemen Evropeyskoy chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu* [Essays on the history of tribes in the European part of the USSR in the Neolithic epoch]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1952. 264 p.
4. Gurina N. N. On the question of exchange in the Neolithic epoch [K voprosu ob obmene v neoliticheskuyu epokhu]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. Vyp. 138. *Torgovlya i obmen v drevnosti*. Moscow, Institut Arkheologii RAN Publ., 1974. P. 12–23.
5. Zheltova M. N., Gusentsova T. M., Kulikova M. A. Lithic inventory of the Neolithic and the Early Metal Period from Okhta 1 site in Saint-Petersburg (2008–2009) [Kamennyy inventar' neolita i epokhi rannego metalla pamyatnika Okhta 1 v Sankt-Peterburge (2008–2009 gg.)]. *Tverskoy arkheologicheskii sbornik*. 2015. Vol. 1. Issue 10 (1). P. 362–374.
6. Zhulnikov A. M. *Eneolit Karelii: Pamyatniki s poristoy i asbestovoy keramikoy* [Eneolithic of Karelia]. Petrozavodsk, IYaLI KarNTs RAN Publ., 1999. 224 p.
7. Clark J. G. D. *Doistoricheskaya Evropa: Ekonomicheskii ocherk* [Prehistoric Europe: The economic basis]. Moscow, Nauka Publ., 1953. 348 p.
8. Svetov S. A., Golubev A. I., Stepanova A. V., Kulikov V. S. Paleoproterozoic volcanic-plutonic complexes of Onega structure [Paleoproterozoyskie vulkano-plutonicheskie komplekсы Onezhskoy struktury]. *Putevoditel' geologicheskikh ekskursiy XII Vserossiyskogo petrograficheskogo soveshchaniya*. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2015. P. 28–54.
9. Sokolov V. A., Kulikov V. S., Stenar M. M. (eds.) *Geologiya Karelii* [Geology of Karelia]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 231 p.
10. Tarasov A. Yu. A centre of manufacture of stone macrotools of Eneolithic period in Karelia [Tsentr izgotovleniya kamennykh makroorudiy na territorii Karelii]. *Arkheologicheskie Vesti*. 2003. Issue 10. P. 60–74.
11. Tarasov A. Yu. Eneolithic macrotool industry in Karelia among European industries in the Late Stone Age [Eneoliticheskaya industriya kamennykh makroorudiy Karelii v ryadu evropeyskikh industriy pozdnego kamennogo veka]. *Khronologiya, periodizatsiya i kross-kul'turnye svyazi v kavennom veke. Zamyatninskiy sbornik*. Issue 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. P. 190–201.
12. Tarasov A. Yu. Fofanovo XIII – an example of intensive productive activity of the Early Metal Period in the forested zone [Fofanovo XIII – primer intensivnoy proizvodstvennoy deyatel'nosti epokhi rannego metalla v lesnoy zone]. *Drevnie kul'tury Vostochnoy Evropy: etalonnnye pamyatniki i opornye komplekсы v kontekste sovremennykh arkheologicheskikh issledovaniy. Zamyatninskiy sbornik*. Issue 4. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2015. P. 307–317.
13. Tarasov A. Yu., Gusentsova T. M. Chopping tools of the Okhta 1 settlement site in Saint-Petersburg (2008–2009 excavations) [Rubyashchie orudiya poseleniya Okhta 1 v Sankt-Peterburge (iz raskopok 2008–2009 gg.)]. *Mezolit i neolit Vostochnoy Evropy: Khronologiya i kul'turnoe vzaimodeystvie*. St. Petersburg, IIMK RAN Publ., 2012. P. 207–214.
14. Tarasov A. Yu., Zobkov M. B. Eneolithic workshop sites of the western shore of Lake Onega: Spatial analysis [Eneoliticheskie masterskie zapadnogo poberezh'ya Onezhskogo ozera: Statistiko-planigraficheskii analiz]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk* [Proceedings of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Series "Humanitarian Studies"]. 2015. Vol. 8. P. 3–16.
15. Tarasov A. Yu., Kostyleva E. L. Chopping tools from the Volosovo complexes of Saktysh sites. Technical-typological and spatial distribution analysis [Rubyashchie orudiya iz volosovskikh kompleksov Saktyshskikh stoyanok. Tekhniko-tipologicheskii i planigraficheskii analiz]. *Tverskoy arkheologicheskii sbornik* [Tver Archaeological Collection]. 2015. Issue 10. Vol. 1. P. 375–406.
16. Tarasov A. Yu., Kriiska A., Kirs Yu. Estonian Evidences of exchange between inhabitants of Karelian and Estonia in the Final Stone Age: basing on results of archaeological and petrological studies of chopping tools of the Russian Karelian type from the territory of Estonia [Svidetel'stva obmena mezhdru naseleniem Karelii i Estonii v final'nom kamennom veke: Po rezul'tatam arkheologicheskogo i petrograficheskogo izucheniya rubyashchikh orudiy russko-karel'skogo tipa s territorii Estonii]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk* [Proceedings of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Series "Humanitarian Studies"]. 2015. № 4. Issue 1. P. 56–65.
17. Filatova V. F. Russian Karelian type of tools in the Neolithic in Karelia [Russko-karel'skiy tip orudiy v neolite Karelii]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1971. № 2. P. 32–38.
18. Foss M. E. Ancient history of the Northern European part of the USSR [Drevneyshaya istoriya Severa evropeyskoy chasti SSSR]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. № 29. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1952. 280 p.
19. Heikkurinen T. Itäkarjalaiset tasa- ja kourutaltat. Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste n:o 21. Helsinki: Helsingin yliopiston, 1980. 101 p.
20. Kriiska A., Tarasov A. Wood-Chopping Tools of Russian-Karelian type from Latvia // *Arheologija Un Etnografija*. Laid 25. Riga, 2011. P. 57–72.
21. Nordquist K., Seitsonen O. Finnish Archaeological Activities in the Present-Day Karelian Republic until 1944 // *Fennoscandia Archaeologica*. 2008. Vol. XXV. P. 27–60.
22. Piličiauskas G., Luik H., Piličiauskienė G. Reconsidered Late Mesolithic and Early Neolithic of the Lithuanian coast: The Šmelte and Palanga sites // *Estonian Journal of Archaeology*. 2015. № 19 (1). P. 3–28.
23. Sun S. S., McDonough W. F. Chemical and isotopic systematics of oceanic basalts: implications for mantle composition and processes. A. D. Saunders, M. J. Norry (eds.). *Magmatism in the ocean basins* // *Geological Society London Special Publications*. 1989. № 42. P. 313–345.
24. Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis. I. Vom anfang der Besiedlung bis etwa 500 n. Chr. // *Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis)*, III: 6. Dorpat, Universität Dorpat, 1922. 139 p.
25. Tarasov A. Spatial separation between manufacturing and consumption of stone axes as an evidence of craft specialization in prehistoric Russian Karelia // *Estonian Journal of Archaeology*. 2015. № 19 (2). P. 83–109.
26. Tarasov A., Stafeev S. Estimating the scale of stone axe production: A case study from Onega Lake, Russian Karelia // *Journal of Lithic Studies*. 2014. № 1 (1). P. 239–261.
27. Äyräpää A. Itä-Karjala kivikautisen asekaupan keskustan. Tuloksia Kansallismuseon itäkarjalaisten kokoelmien tutkimuksista. // *Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa. Tutkielmia Itä-Karjalan esihistoria, kulttuurihistorian ja kansankulttuurin alalta. Korrehtuurivedos*. 1944. P. 53–73. (Рукопись в Национальном музейном ведомстве, Хельсинки, Финляндия.)

Поступила в редакцию 25.11.2016

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ ШЕВЧЕНКО
кандидат исторических наук, преподаватель Омской духовной семинарии, Омская Епархия Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) (Омск, Российская Федерация)
maxsh1978@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ XVI–XVII ВЕКОВ (на примере обряда «шествование на ослиати» в Неделю Ваий)

Исследуется эволюция отношений между Церковью и государством на примере церемонии «шествования на ослиати» в Неделю Ваий. Анализируется представление современников о сущности праздника, рассматриваются точки зрения ученых о смысловом значении торжественного мероприятия. В настоящей работе использовались историко-генетический и сравнительно-исторический методы исследования. На основе анализа источников и исследовательской литературы сделаны выводы, что в XVI и XVII веках среди современников отсутствовал единый взгляд на распределение амплуа между царем и Предстоятелем Церкви в обряде «шествования на ослиати» в Вербное воскресенье. Тем не менее данный праздник был направлен на сакрализацию царской власти. Однако к концу XVII века российские монархи отказались от проведения обряда с участием царя. Отмена торжественных мероприятий связана с двумя процессами: во-первых, обряд эволюционировал в направлении точного воспроизведения евангельского сюжета, что возвышало роль патриарха; во-вторых, усиление самодержавия влекло за собой упразднение взаимодополняющего сотрудничества между государством и Церковью. Выводы настоящего исследования могут служить материалом для дальнейшего изучения эволюции придворного церемониала в России.

Ключевые слова: Вербное воскресенье, семантика придворных церемоний, идеология царской власти, христианская антропология

Изучение семантики, статуса и функций придворных церемоний, ритуалов, обрядов в отечественной науке осуществляется довольно давно и успешно. Данная проблематика разрабатывалась представителями таких наук, как история, религиоведение, культурология, философия¹, также см. [2], [6], [7]. Исследователями предложены представляющие научный интерес подходы к изучению проблемы и методы ее анализа, а также тщательно разработана философская, культурологическая и религиоведческая терминология. В нашей работе представлен пример анализа придворных церемоний российских монархов сквозь призму христианской антропологии. Интерпретация смыслового значения обряда «шествования на ослиати» в Вербное воскресенье осуществляется нами на основе системообразующих категорий христианского учения о человеке. Для достижения данной цели в статье анализируются представления современников о сущности торжественного мероприятия в Неделю Ваий, рассматриваются взгляды ученых на семантику придворной церемонии, на основе Священного Предания раскрывается содержание категории «смирение».

Ко времени венчания на царство Великого князя Иоанна IV Васильевича идеология царской власти стала активно проникать во все сферы общественной жизни. Новые взгляды должны были рассеять даже тень сомнения по вопросу легитимности притязаний монаршей власти на более широкие полномочия и прерогативы. Идеология призвана была закрепить достигнутое к началу 1530-х годов усиление великокняжеской

власти, убедить всех, что укрепление монаршей власти – процесс необратимый, и устранить на пути к самодержавию сохранившиеся от периода феодальной раздробленности различные проявления децентрализации. Ликвидация происходила в первую очередь на идеологическом уровне. По всей видимости, порядки удельного периода должны были быть дезавуированы идеей царя, выполняющего исключительно важную миссию. Идеал общественно-политического устройства, отношений, духовно-нравственного совершенства обозначался богословской категорией «Царство Божие». Общественно-политические аспекты данной категории предполагали ряд элементов, среди которых выделим:

- 1) создание православного царства (учреждение православной монархии);
- 2) церковно-государственный контроль над развитием общественно-политических отношений;
- 3) «смирение» всех слоев населения перед властями.

Царский титул Иоанна Грозного поставил перед властями задачу проекции ключевых положений официального взгляда о сущности царской власти на общественное мнение. Возникла необходимость сформировать в умах современников сакральный образ государственной власти, укоренить представление о неповторимой природе и специфике принадлежащих государю властных полномочий на многие поколения вперед. Одной из форм реализации ожиданий правящей верхушки, направленных на изменение общественно-политической системы, в которой роль, статус царской

власти и принципы взаимодействия власти с общественными слоями были четко определены и закреплены, стал придворный церемониал. Венчание на царство придало придворным церемониям новый импульс развития. Поскольку в средневековой России одним из ключевых принципов легитимности власти являлась степень ее причастности божественному и церковной традиции, то было найдено очевидное решение: церковно-религиозным праздникам, хорошо известным и понятным населению, сообщили статус церковно-государственных мероприятий с участием царя.

Из общего ряда придворных церемоний XVI века своей значимостью и масштабом выделялись несколько торжеств, среди которых особую важность имел обряд «шествия на ослиати» в Вербное воскресенье. Исключительную ценность данной церемонии придает легший в его основу евангельский сюжет «Вход Господень в Иерусалим». Данный эпизод является одним из центральных событий евангельской истории. В нем описывается торжественное прибытие Царя-Христа в город, где Он должен был принять добровольные страдания и Крестную смерть (Мф. 21:1–11; Мк. 11:1–11; Лк. 19:28–40; Ин. 12:12–19). Указанный сюжет прочно связан с тематикой «Спасение» и «Воскресение». Вместе с тем принято полагать, что прибытие Христа в Иерусалим на осле является отголоском помазания Соломона на царство (3 Цар. 1:33–40). В этой связи «Вход Господень» интерпретируется как появление в Иерусалиме подлинного Царя Израиля [1].

И. Е. Забелин, подчеркивая значение церковно-государственного праздника, писал: «Государь являлся в это время народу в полном блеске своего сана, со всем великолепием и пышностью, которые во многом напоминали обычаи Востока. В таком богатом виде верба устраивалась и в последующие годы и являлась еще в большем великолепии по случаю пребывания в Москве знатных иноземцев...»². Создаваемая в обряде неповторимая «эстетика царской власти» являлась одним из используемых механизмов для формирования единственного в своем роде образа государственной власти. Нет ничего удивительного в том, что современники, в том числе и иноземцы, уделяли особое внимание придворным церемониям. Согласно мнению Л. П. Рушинского, для иностранцев «...некоторые частные виды нашего Богослужения были более доступны... таковы, например, совершавшиеся всенародно крестные ходы, различные религиозные обычаи народной жизни, соблюдавшиеся в известные праздники... Внешняя церковно-обрядная сторона религиозной жизни Русских по самому своему свойству оставалась более наглядной и доступной для их наблюдения, и по тому могла представить более обильный материал для самого описания»³. По свидетельству современников, обряд «шествия на ослиати» в Неделю Ваий оставался одним из наиболее значимых торжеств и в XVII веке: «Нам рассказывали, что во всей стране московской особенно торжественно справляют только два праздника в году, именно:

Богоявление и Вербное Воскресенье...»⁴. Согласно устоявшимся в отечественной историографии взглядам, участие монарха в «шествии на ослиати» в Неделю Ваий имело важное значение.

Исследуя источники по данной проблеме, мы пришли к выводу, что в российском обществе XVI века в контексте становления самодержавной власти не существовало единой позиции как в вопросе о значении обряда «шествия на ослиати» в Вербное воскресенье в целом, так и в интерпретации символических образов царя и митрополита в рамках торжественной процессии в частности. Во-первых, проведение обряда с участием царя в XVI веке не имело фиксации в государственных документах. Во-вторых, обряд более ста лет совершался не только в Москве с участием главы Церкви и царя, но и по российским городам с участием архиепископов/митрополитов и царских наместников⁵, также см. [8: 442]. В-третьих, несмотря на постоянно возрастающий объем церковно-государственных функций и полномочий монарха, некоторые очевидцы церемонии полагали, что «...митрополит ближайшее лицо к Богу после Богородицы и Св. Николая. Царь признает митрополита выше себя, потому что говорит: „митрополит духовный наместник Бога, я же Царь только временный“. Вследствие этого его величество преклоняется перед митрополитом, например, водит митрополитом лошадь на Вербное воскресенье, допускает, что в Крещение при освящении реки Москвы митрополит сидит, а он, царь, стоит на льду»⁶.

Двусмысленность в интерпретации вопроса о распределении амплуа между царем и Первосвятителем в обряде «шествия на ослиати» в Неделю Ваий перешла и в XVII век. В этом смысле показателен инцидент, произошедший между царем и покинувшим в 1658 году патриаршую кафедру Никоном, по случаю проведения данного обряда с участием царя и Крутицкого митрополита Питирима в 1659–1661 годах. Первое шествие Никон назвал «незаконным и нечестивым духовным прелюбодеянием», после двух других в 1662 году предал анафеме митрополита Питирима⁷. У данного эпизода есть и другая сторона. По сути, Алексей Михайлович своим решением назначить при живом патриархе (напомним, что Никон, покинув первосвятительский престол, не отрекался от патриаршеского сана) местоблюстителя патриаршего престола и провести с его участием обряд определил значение царя в данном обряде в частности и в стране в целом. К этому времени церемониальные шествия в Неделю Ваий стали на постоянной основе записывать в дворцовые разряды. Как правило, на проведение данного праздника из государственной казны выделялись большие суммы.

Казалось бы, в развитии праздника возобладал вектор на возвеличивание царской власти. Но при новом монархе Федоре Алексеевиче отцы церковного собора 1678 года, по существу, придали торжественным мероприятиям в Вербное воскресенье иное направление развития. Собор

постановил запретить проведение «шествия на ослиати» во всех других городах, кроме Москвы, поскольку «страдала честь» и царя, и патриарха: «...нести бо лепо, едва самому патриарху соизволяемое дело низшими архиереям совершати», «...ибо, еже благочестия ради венценосцев попустися... по иным градом творити то дерзают, идеже, царское лице образующе, и не великия чести начальницы ослиати предводилие сотворяются»⁸. Наложив запрет, отцы собора дали обряду следующую интерпретацию: «...благочестивейшии Самодержци наши благоволят в нем, показания ради народу православному образа смирения своего и благопокорения перед Христом Господом, ибо обычай всемирный прияха, еже возседшу Патриарху на жребя, в память въехания Господня во Иерусалим, смирят и высоту свою царскую и скипетрокрастныя рукама си узде того ослиати прикасатися и тако... сослуживствовати Христу Господу: за сие убо дело есть похвално, ибо мнози толиким смирением Царя земнаго пред Царем Небесным умиляются...»⁹. Иными словами, Церковь стремилась крепко связать светскую и религиозную власть. Но, по всей видимости, российским самодержцам уже было тесно в данном формате отношений. Как следствие, в период с 1697 по 1700 год в дворцовых разрядах была сделана следующая запись: «...в неделю Ваий, из соборные и апостольские церкви Успения пресвятыя Богородицы на Лобное место крестного ходу и действия Ваий, против прежнего обыкновения, не было»¹⁰.

История праздника, наполненная неожиданными сюжетными поворотами, привела к формированию в научной литературе нескольких точек зрения на проблему интерпретации обряда «шествия на ослиати» в Неделю Ваий. Ряд авторов истолковывает шествие в Вербное воскресенье как смирение царя перед духовной властью с целью возвысить ее авторитет¹¹. В рамках этой идеи выдвигается версия о том, что обряд был напоминанием о «Благодатном христовом царствии и иудейской превратности», где образ «иудейской превратности» смиренно принимала на себя светская власть¹². Согласно другой точке зрения, обряд шествия в Неделю Ваий интерпретируется в качестве возвышения царя в глазах его подданных с безусловным подчинением власти монарха¹³, также см. [5: 19]. Вариантом данной позиции является мнение, что «обряд, делая государя сопричастным Христу и теме духовного Воскресения, утверждал сакральность царской власти, тем самым возвышая ее» [8: 445]. Третья точка зрения гласит: «...в зависимости от внутривластной ситуации в обряде “шествия на ослиати” в Вербное воскресенье подчеркивалось значение царской или святительской власти» [4: 17–18].

При наличии в отечественной науке неоднозначных мнений относительно семантики «шествия на ослиати» в Вербное воскресенье с участием царя все же следует согласиться, что обряд был призван придать монаршей власти сакральные черты. Вместе с тем необходимо определить, как данная церемония должна была работать на

сакрализацию власти государя. На наш взгляд, сформировать аутентичное понимание настоящего обряда возможно через призму христианского мировоззрения. Как известно, одной из ключевых категорий христианской антропологии, раскрывающей суть учения о человеке, является категория «смирение». Христианство главной целью ставит стремление приблизиться к идеальному образу человека, к образу Иисуса Христа, запечатленному в Евангелии. Последование за Христом раскрывается богословами как улучшение, преобразование человека. И последование, и преобразование возможны только через обуздание своеволия (гордыни), которое, согласно Святоотеческому Преданию, ведет к социальным, политическим, церковным нестроениям и физической смерти. Иными словами, достижение схожести с идеальным образом, с Христом как онтологическим принципом жизни человека, то есть достижение величия, может быть осуществлено только через смирение. Согласно церковному Преданию, «смирение в сочетании с христианским трудничеством делает человека “богом на земле”». Облекаясь в смирение, человек становится настолько богоподобным, что вызывает всеобщую любовь окружающих, которые относятся к нему, как к Богу. Уподобление Творцу через смирение возвращает человеку его первоначальное безгрешное состояние, а также ту гармонию между ним и вселенной, которая была утрачена в результате грехопадения» [3]. Однако возникает вопрос: что представляет собой смирение? Суть данной категории раскрывается в евангельском образе Иисуса Христа: «возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11:29); «ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет...» (Лк. 14:11; Мф. 23:12); «Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17:10) и т. д. В своих трудах Исаак Сирийский раскрывает значение евангельского смирения: «Смирение Бога... было явлено миру в воплощении Слова. В Ветхом Завете Бог оставался невидимым и неприступным для всякого приближающегося к Нему, когда же Бог облекся в смирение и скрыл Свое величие под человеческой плотью, Он стал видимым и доступным» [3]. Преподобный Иоанн Лествичник, поясняя сущность смирения, пишет о трех его степенях: «Первое... состоит в радостнейшем подъятии уничижений, когда душа распростертыми руками принимает и объедает их, как врачевство, исцеляющее и поправляющее ее недуги и великие грехи. Второе же по оному свойству есть истребление всякого гнева, и в утление оного – смирение. А третья и превосходнейшая степень есть совершенное неверование своим добрым делам, и всегдашнее желание научиться»¹⁴. Иначе говоря, Христос, «нарушив» сложившееся представление человека о мироустройстве и миропорядке, девальвировал ценность человеческого знания и мудрости в свете Божественного

Промысла. Коль скоро для достижения глобальных целей (искупления и спасения) требуется «смирение Бога», в жизни человека тем более должно найтись место для смирения. В соответствии с православным богословием одной из глобальных задач, стоящих перед человечеством, является стремление к идеалу общественного устройства, именуемому «Царство Божие». Для социально-исторической реализации евангельских истин необходимо смирение, в том числе смирение перед властями, которые являются частью промыслительной заботы Бога о мире. Указанная теоретическая конструкция переносится на различные виды общественных отношений, а категория «смирение» противопоставляется гордыне и людской мудрости, а также противникам данных идей, сторонникам децентрализации, широких иммунитетов и привилегий.

По нашему мнению, тема «величие через смирение» является центральной в обряде «шествия на ослиати». Величие царской власти раскрывается в ее смирении перед интеллектуальным наследием Церкви и церковными властями как носителями этой мудрости. Тема «величие через смирение» присутствует и в теории симфонии властей, по сути, обозначая диалектику практической реализации взаимодополняющего сотрудничества между государством и Церковью.

Мы полагаем, что причины отсутствия единой позиции в вопросе о значении церемонии «шествия на ослиати» в Вербное воскресенье можно обнаружить в тексте самой Библии и практике проведения обряда. Напомним, что, согласно Евангелию, Христос входит в Иерусалим как истинный Царь Израиля. Именно Христа олицетворял глава Церкви в обряде шествия в Неделю Ваий. Праздничные мероприятия эволюционировали в действо, в котором в точности стал воспроизводиться новозаветный сюжет: «По позднейшему-же чину... Архїерей произносилъ изъ евангелїа только слова, сказанная самимъ Господомъ. При этомъ, по особому чину, совершалось приведение осла къ архїерею»¹⁵.

Развитие церемонии в данном направлении не оставляло иллюзий в вопросе, кто, царь или патриарх, является прообразом Христа на земле. По всей видимости, слишком очевидное распределение ролей в торжественном шествии окончательно дискредитировало данный ритуал пред лицом крепнущего самодержавия. Несмотря на то что учреждение обряда «шествия на ослиати» в Неделю Ваий в качестве церковно-государственного праздника было связано с венчанием на царство Великого князя Иоанна IV Васильевича, существовавшая с XVI века неопределенность относительно семантики праздника в контексте формирования и эволюции самодержавной идеологии привела к его полной отмене в конце XVII века.

Сказанное позволяет утверждать, что, во-первых, корректное понимание и интерпретация придворного церемониала российских государей XVI–XVII веков возможны на основе ключевых принципов христианского мировоззрения; во-вторых, историческая судьба обряда «шествия на ослиати» в Неделю Ваий в свете становления самодержавия становится понятной сквозь призму диалектики практической реализации христианских идеалов и принципов в конкретной социально-исторической и политической ситуации. По всей видимости, российские государи были готовы к смирению, но при нескольких условиях:

- 1) Великие князья готовы были смиряться, но не перед личностью митрополита/патриарха;
- 2) Предстоятель Церкви не должен был иметь самостоятельной общественной позиции;
- 3) Церковь должна была содействовать установлению самодержавной власти в условиях незрелой системы государственного управления.

Взаимодополняющее сотрудничество государства и Церкви потеряло свою актуальность с того момента, как правящая династия смогла возвыситься и господствовать над феодальной аристократией. С тех пор начинается поиск иных форм выражения легитимности претензий монарха на неограниченную власть.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Зызыкин М. В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. Ч. I–III. Варшава: Синодальная типография, 1931. 1163 с.; Савва В. Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование царской власти московских государей. Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и сыновья, 1901. 400 с.
- ² Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. I. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. I. Изд. 3-е с доп. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1895. 759 с.
- ³ Рушинский Л. П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII вв. М.: Университетская типография, 1871. 335 с.
- ⁴ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Н. Муркоса (по рукописи Московского главного архива Министерства иностранных дел) // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1897. Кн. IV. Отд. III. С. I–VIII, 1–202.
- ⁵ Бердников Я. И. О некоторых рукописях, хранящихся в монастырских и других библиотеках // Журнал министерства народного просвещения. 1853. Ч. LXXVIII. Отд. II. С. 85–112; Красносельцев Н. К истории православного богослужения. По поводу некоторых церковных служб и обрядов ныне употребляющихся. Казань: Типография императорского университета, 1889. 246 с.; Куприянов И. К. Отрывки из Расходных книг Софийского дома за 1548-й год. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1861. 36 с.; Никольский К., прот. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1885. 411 с.; Чинovníк новгородского Софийского собора / Предисл. А. Голубцов // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1899. Кн. II. Отд. I. С. I–XX, 1–272.
- ⁶ Середонин С. М. Известие англичан о России XVI в. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1884. Кн. IV. Отд. III. С. 1–105.
- ⁷ Зызыкин М. В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. Ч. I–III. Варшава: Синодальная типография, 1931. 1163 с.; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. I. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909. 532 с.

- ⁸ Соборное определение о том, чтоб обряд шествия на ослиати совершаем был только Патриархом, в Москве, в присутствии царя // Акты археографической экспедиции. Т. IV. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. С. 308–309.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Дворцовые разряды: В 5 т. Т. IV. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1855. 586 с.
- ¹¹ Зызыкин М. В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. Ч. I–III. Варшава: Синодальная типография, 1931. 1163 с.; Савва В. Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование царской власти московских государей. Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и сыновья, 1901. 400 с.; Никольский К., прот. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1885. 411 с.
- ¹² Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский [Смирнов]. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века, в пользу духовного юношества. Отд-ние 2. Изд. 3-е. СПб.: Типография Медицинского Департамента Министрства внутр. дел, 1823. 852 с.
- ¹³ Духовная беседа: Еженед. изд. при Санкт-петербургской духовной семинарии. 1871. Т. II. № 52. 938 с.; Марковин Н. Богомольные выходы древних русских царей по сравнению с такими же выходами Византийских императоров // Христианские древности и археология. 1872. Т. I. Кн. 1. С. 1–72; Сахаров В. Очерки церковных «действ» в древне-восточной Руси // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1880. Апр. С. 521–542.
- ¹⁴ Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица (в русском переводе). 5-е изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1898. 381 с.
- ¹⁵ Никольский К. прот. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1885. 411 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Епископ Кассиан (Безобразов). Христос и первое христианское поколение [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Kassian_Bezobrazov/hristos-i-pervoe-hristianskoe-pokolenie/1_4_1 (дата обращения 10.07.2016).
2. Лисина Е. А. Homo Ritualis. Миф, история, современность. Ногинск: Аналитика Родис, 2011. 282 с.
3. Митрополит Иларион (Алфеев). Духовный мир преподобного Исаака Сирина [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/duhovnyj-mir-prepodobnogo-isaaka-sirina/5 (дата обращения 15.07.2016).
4. Скрипкина Е. В. Обряд «шествия на ослиати» в контексте церковно-государственных отношений во второй половине XVII в. // Омский научный вестник. 2011. № 6–102. С. 15–18.
5. Стенникова П. А. Церковно-театрализованные действия в России XVI–XVII вв. (на примере «пешного действия» и «шествия на ослиати» в Вербное воскресенье): Автореф. дис. ... кан. ист. наук. Челябинск: Копировальный центр ЧП Мякотин, 2006. 26 с.
6. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
7. Угринович Д. М. Обряды. За и против. М.: Политиздат, 1975. 178 с.
8. Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 680 с.

Shevchenko M. N., Omsk Seminary in Omsk diocese of the Russian Orthodox Church (the Moscow Patriarchate) (Omsk, Russian Federation)

THE EVOLUTION OF CHURCH-STATE RELATIONS IN RUSSIA OF THE XVI – XVII CENTURIES (CASE STUDY OF THE RITUAL “PROCESSION ON A DONKEY” DURING THE WAILLY WEEK)

The paper investigates the evolution of relations between the Church and the State on the example of the “procession on a donkey” ceremony on Palm Sunday. The representation of the holiday’s contemporary nature is analyzed; the scientists’ understanding of the semantic meaning of the solemn event is considered. In this paper we used both historical-genetic and historical-comparative research methods. Based on the analysis of sources and research literature it was concluded that in the XVI and XVII centuries there was no single opinion among contemporaries on the distribution of roles between the king and the Primate of the Church in the ritual “procession on a donkey” on Palm Sunday. However, the celebration was aimed at sacralization of imperial power. By the end of the XVII century Russian monarchs refused to conduct the ceremony with the king’s participation. Cancellation of celebrations was connected with two processes: first, the ritual evolved in the direction of accurate reproduction of the Gospel story that elevated the role of the patriarch; secondly, the strengthening of autocracy entailed abolition of synergistic collaboration between the State and the Church. The findings of this study may serve as a material for further study of the evolution of the court ceremonial in Russia.

Key words: Palm Sunday, semantics of courtly ceremonies, ideology of Imperial power, Christian anthropology

REFERENCES

1. Episkop Kassian (Bezobrazov). *Khristos i pervoe khristianskoe pokolenie* [Christ and the first Christian generation]. Available at: http://azbyka.ru/otechnik/Kassian_Bezobrazov/hristos-i-pervoe-hristianskoe-pokolenie/1_4_1 (accessed 10.07.2016).
2. Lisina E. A. *Homo Ritualis. Mif, istoriya, sovremennost'* [Homo Ritualis. Myth, history, modernity]. Noginsk, 2011. 282 p.
3. Mitropolit Ilarion (Alfeev). *Dukhovnyy mir prepodobnogo Isaaka Sirina* [The spiritual world of St. Isaac the Syrian]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Alfeev/duhovnyj-mir-prepodobnogo-isaaka-sirina/5 (accessed 15.07.2016).
4. Skripkina E. V. The ritual “procession on a donkey” in the context of church state relations in the second half of the XVII century [Obryad “shestviya na oslyati” v kontekste tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy vo vtoroy polovine XVII v.]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. 2011. № 6–102. P. 15–18.
5. Stennikova P. A. *Tserkovno-teatralizovannye deystva v Rossii XVI–XVII vv. (na primere “peshchnogo deystva” i “shestviya na oslyati” v Vербное voskresen'ie): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Church-theater performances in Russia XVI–XVII centuries. (For example, «peshchno action» and «procession on a donkey» on Palm Sunday): Author’s abst. PhD. hist. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2006. 26 p.
6. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth, Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Favorites]. Moscow, 1995. 624 p.
7. Ugrinovich D. M. *Obryady. Za i protiv* [Rites. Pros and cons]. Moscow, 1975. 178 p.
8. Uspenskii B. A. *Tsar' i patriarkh: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiyskaya model' i ee russkoe pereosmyslenie)* [The king and the patriarch: the charisma of power in Russia (the Byzantine model and its Russian reinterpretation)]. Moscow, 1998. 680 p.

Поступила в редакцию 12.01.2017

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ДАНКОВ

научный сотрудник, Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация)
mdankov@inbox.ru

СЕМЕЙНЫЙ КЛАН МАРСЕЛИСОВ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Статья повествует о представителях купеческой семьи Марселисов (Marselis), выходцах из северо-германских земель Генеральных Штатов (Голландской республики). В XVII столетии П. Г. Марселис и его сыновья Леонтий, Петр Петрович (старший) и Петр Петрович (младший) сыграли важную роль в развитии экспортной торговли Московского государства. Марселисы участвовали в политико-дипломатической жизни страны, вели торговлю мачтовым лесом, рыбой и оружием, под Тулой основали металлургические предприятия, а с середины 1660 годов приняли участие в возведении горных мануфактур в Олонецком уезде. «Рудокопный» проект на территории Обонежья, поиск в Фоймогубской волости медной руды, организация частных промышленных предприятий создали предпосылки возникновения на территории Карелии крупной казенной металлургической индустрии. Особый интерес представляют запутанные сюжеты, связанные с деятельностью «на Олонце» трех Питеров Марселисов и малоисследованная история раздела имущества клана Марселисов. Борьба за «родовое» наследство в Обонежье началась в 1672 году, после кончины П. Г. Марселиса и последовавших смертей в 1675 году П. П. Марселиса (ст.), в 1690 году его сына Х. П. Марселиса, а в 1696 году П. П. Марселиса (мл.). Используются документы из фондов РГАДА, РГИА, ВИМАИВ и ВС, СПб ИИ РАН, БАН, ГАОО, а также редкие архивные материалы, опубликованные в сборниках «Крепостная мануфактура в России» и «Дополнения к актам историческим».

Ключевые слова: Петр Гаврилович Марселис, Петр Петрович Марселис (ст.), Петр Петрович Марселис (мл.), частные металлургические предприятия, Фоймогубская волость, Олонецкий уезд

С начала XVII столетия жители Гамбурга стали находить общий язык с голландскими купцами и судовладельцами, ходившими в приполярный Архангельск и развивавшими экспортную торговлю с Москвой [17: 42–43]. К этому времени относится проникновение на восток представителей «гамбургской» фамилии Марселис, которые задержались в России минимум на четыре поколения. Некоторые из них, три Питера Марселиса, Леонтий и Христиан, оказались связаны с запутанной горнозаводской историей Олонецкого уезда [13], [14]. Среди гамбургских купцов, которые, скорее, были не этническими немцами, а осевшими в северной Германии голландскими негоциантами, определенно выделялись фамилии Де Мошерон, Ван Кеерберген и Марселис [10: 99]. Родоначальником российских Марселисов считается Гаврил (Гавриэль) Марселис, который во времена Бориса Годунова в Москве владел торговой конторой. Он участвовал в освобождении из польского плена русского патриарха Филарета¹, а с 1631 года подыскивал иноземных офицеров в «государево служение» и являлся толмачом в дипломатических миссиях [19]. Г. Марселис, скончавшийся в 1643 году в Гамбурге, на протяжении 30 лет успешно вел самостоятельную торговлю с Россией². Его сын Питер (Петр) Гаврилович Марселис (Marselis) – личность героическая и легендарная, родился в 1602 году в Роттердаме. Едва исполнился год, как отец и мать, Анна Л'Ермите, перевезли мальчика в Гамбург. В 1629 году по воле отца

смышленный Петр переехал в Москву, быстро вошел в курс торговых дел и на десятилетия закрепился в российской коммерции [7: 53]. Он выгодно устроил личную жизнь, обручившись с Доротеей Барнсли, дочерью обрусевшего англичанина Джона Барнсли и дворянки из Ливонии фон Дюккер. Через голландского купца Германа Фензела Марселис заключил контракт с торговым домом «Де Вогелари & Г. Э. Кленк» [7: 52], который с 1655 года имел арендные отношения с патриархом Никоном. На протяжении десятилетия компания владела монополией на ворвань, рыбную ловлю в Белом и Баренцевом морях, перевозила зерно, закупаемое саамами на Северной Двине [15: 28–29]. В таможенных выписях с ноября 1657 по февраль 1658 года³ на провоз иноземцами товаров из Архангельска и Холмогор на ярмарки в верховские города России упоминается «Марселис Онтонов» [2: 70]. Возможно, речь идет о П. Марселисе, ведь транслитерация иностранных фамилий в русских источниках характерна для этого времени. Вскоре верткий «каршинник» нарастил дело отца до такой степени, что, по мнению исследователя из Гарвардского университета Я. Т. Котилайне, «голландцы Селио⁴ и Питер Марселисы» в середине столетия стали играть заметную роль в торговой иерархии Бремена [17: 50]. Изящно манипулируя кредитом и финансовыми трудностями голландцев Абрахама и Андриаса Винусов и Юлиуса Виллекена, он решается на безупречный для пополнения капитала проект, связанный со строительством

железодельных заводов под Тулой [6: 207]. С новым партнером Филимоном Филимоновичем Лука-Акемой (Thielman Akkema; Thielemann Lukasz Akeman)⁵ Марселлис в 1639 году выдал А. Д. Виниусу (Andries Dionyszoon Winius)⁶ денежную ссуду и вскоре наполовину захватил производство [8: 90–91]. Царский указ 1648 года, не упоминая А. Виниуса, продлил новым владельцам на 20 лет привилегии в Тульском, Каширском и Ярославском уездах, где были устроены «железные заводы своими деньгами и владели теми заводы вопче»⁷.

В 1655 году Петр Марселлис обручился с Анной, дочерью Ф. Ф. Акемы, которая через мать⁸ принадлежала к старинному шотландскому роду де Кроо⁹. Оружейная империя заводчиков Марселлиса и Акемы¹⁰ расширялась. К 1663 году промышленники достроили металлургический комплекс в 60 км от Тулы, названный Каширскими заводами. Компаньоны на 15 лет взяли в аренду у И. Д. Милославского, тестя царя, чугунолитейный завод на р. Протве, а на р. Угодке в 1659 году возвели новую железодельную мануфактуру [9]. «Фарт», казалось, будет вечным, однако в 1662 году П. Г. Марселлиса «схватили за руку», и он признался в воровстве с Московского монетного двора медных денег стоимостью в 15 тыс. рублей [6: 208]. Несмотря на дружбу с «ближним боярином» Артамоном Матвеевым и благоволение Алексея Михайловича, правительство стремительно провело экспроприацию частной собственности, и железные заводы за уголовные «вины» Петра Марселлиса были «отписаны на государя» [21: 6–7]. Материалы секретной экспедиции Сената в начале XVIII века смогли уточнить это фискальное решение. «И во 170 (1662 год. — М. Д.) по указу же блаженные памяти Великого Государя тех всех железных заводов Петрова половина Марселлиса за ево Петрову вину отписана была на него Великого Государя, а другую половину велено владеть товарищу ево Филимону Акеме попрежнему»¹¹.

Между тем заступничество датского короля Фредерика III, а скорее, нерасторопность московской власти в 1667 году изменили ситуацию [6: 208]. В результате «тульские» заводы царь «за многие ево и отца ево царскому величеству службы» возвратил клану Марселлисов¹². Отметим, что П. Г. Марселлис к этому времени четверть века являлся деятельным агентом голштинского герцога и исправно исполнял обязанности комиссара датских королей. За негоциантскую инициативу и посреднические усилия «гамбургинин» получил дворянский титул и фамильный герб¹³. По просьбе царя Михаила Федоровича он в 1642–1644 годах играл роль посредника несостоявшегося брака царской дочери Ирины и принца Вальдемара, сына короля Дании Христиана IV [4: 36–38].

В то же время укажем, что реабилитация П. Г. Марселлиса совпала с царским указом от

26 июня 1667 года «ехати к Архангельскому городу», чтобы «по челобитью всего Московского государства и всех порубежных городов торговых людей» был создан «о торговле с иноземцы устав»¹⁴. Петр Марселлис с успехом выполнил царское задание. Отредактированный главой Посольского приказа А. Л. Ордином-Нащокиным текст «Торгового устава» в 1667 году был издан в Москве [6: 208]. Тогда же дипломат и негоциант, выбираясь «из опалы», проявил свои градостроительные способности. Тем более что указ сообщал об опустошительном пожаре в «Архангельском городе», где «волею Божию ноне погорело». По указу предписывалось подготовить «градением своим чертеж» «товарному складу и Немецким приезжим дворам», а также «слободам стрелецким... с пристойным строением». Кроме того, требовалось перестроить «городовую крепость», чтобы «бережно и осторожно устроенным быти»¹⁵. Вскоре для «погорелых... деревянных гостиных дворов» П. Марселлис и В. Шарф выбрали более удобную площадку «нового строительства»¹⁶. Однако некоторые исследователи вопреки здравому смыслу считают, что «торговый человек» П. Г. Марселлис даже не выезжал в Архангельск [11: 155]. Между тем воевода И. И. Чадаев в отписке «на Москву» более высоко оценил предложения шотландца, «а Вилимовы чертежи видятца прочнее и лутче»¹⁷, и тем самым подтвердил существование конкурентного проекта. К тому же «Двинский летописец» однозначно поименовал Марселлиса и Шарфа «градодельцами»¹⁸. Как бы там ни было, по малоизвестному «Контракту о мачтах из Московии», П. Г. Марселлис продолжал в Архангельске скупать для Генеральных Штатов добротный русский корабельный лес [23: 128–130]. Разрабатывая идею Фоймогубских мануфактур, престарелый коммерсант в 1670 году продал беломорскую монополию Вернеру Мюллеру¹⁹, сотрудничавшему с Генрихом (Андреем Ивановичем) Бутенантом. Позже Бутенант окончательно выкупил «контракт» и сохранял над ним контроль до начала XVIII столетия [10: 104].

Кроме того, документы Государственного архива Архангельской области позволяют высоко оценить давнюю страсть П. Г. Марселлиса к холодному оружию. Таможенная выпись от 15 января 1658 года сообщает о транспортировке товара из «анбурской земли» на «восмнатцати лошадах» с десятью ящиками «полос пажечных» и десятью бочками «рукоятей пажечных»²⁰. В обозе Марселлиса находилось «16 ящиков шпаг и хортов немецких» по 500 единиц в каждом, да еще «13 бочек кошел нарукавников и наконечников»²¹.

В конце 1660-х годов в биографии «голштинца» наступает новый этап, связанный с развитием металлургии в диком и малонаселенном Олонецком уезде. «Богатый Пьер Марселлис» [3: 422], наслышанный о карельском укладе,

прекрасно понимал нужду московского правительства в регулярных поставках металла. Он предвидел успех, несмотря на отсутствие дорог в метрополию и удаленность горнорудного участка. В 1669 году на имя Алексея Михайловича Марселис подал челобитную с просьбой предоставить ему и его сыну Леонтию²² право на разработку медной руды в Фоймогубской волости. Аргументация очевидна: еще в 1665 году Леонтий Петрович изыскал руду в Заонежских и Лопских погостах²³. П. Г. Марселис убеждал власть в явной выгоде строительства здесь заводов и продажи меди за «рубеш». Искусный переговорщик просил распространить возможные привилегии на весь клан Марселисов и обещал продавать медь за 3 руб. с пуда, учитывая, что ранее закупка обходилась в 4 руб. 50 коп. [12: 39]. Однако правительство сразу не решилось удовлетворить челобитную П. Г. Марселиса. Ставка делалась на казенный «заводик» новгородского «гостя» Семена Гаврилова, который благодаря образцам, ранее обнаруженным Леонтием Марселисом, стал с ноября 1670 года сооружаться у Фоймогубской горы в Толвуйском погосте²⁴.

Работы «для знатия того дела и опыту» возглавили «датцкий» плавильщик Денис Юрыш (Denis Joris), ранее служивший на рудниках в шведской Лапландии [18: 165], «доктор»-пробирер Нильс Андерсен (Nils Andersen) и толмач Лоренц Андерсен (Lorenz Andersen) [16: 17]. На оснащение мануфактуры у Спиридоновского ручья, соединявшего Ковшезеро и Путкозеро, первопроходцы получили 260 руб. и «снастей 247 рублей 9 алтын» с правом «имать» деньги «на Олонце ис приказные избы и с повенечкой таможи и ис кабаков»²⁵.

Исходя из опубликованных олонечких приходо-расходных книг²⁶, ныне хранящихся в архиве С.-Петербургского Института истории РАН²⁷, к промышленному литью меди на западном берегу Онежского озера, видимо, даже не приступали. Лишь в декабре 1674 года из-за бедности руды и удаленности района работ казенный завод С. Гаврилова был закрыт, а «медный рудокопный сыск» по жалованной грамоте в Посольский приказ передан голландцам П. П. Марселису (ст.) и Еремею Ван дер Гатену (фон дер Гартнер)²⁸. Заводчикам повелевалось «медные и другие руды приискивать и сыскав заводы заводить и тое руду плавить и ковать своими деньгами и проторьми и наемными людьми»²⁹. Кроме Заонежья, компаньоны получили право на разработку руд на Пижме и Цильме³⁰. Укажем «проезжую» грамоту от 5 августа 1675 года, позволявшую коммерсантам посещать северные города и уезды «для сыску и опыту серебряные и золотые и иных всяких руд»³¹.

Однако Петр Гаврилович Марселис не дожил до этих событий. Слабое здоровье, политические интриги и старость не позволили иноземцу, сотворившему блестящую карьеру в Московии,

приступить к литью медной руды в Фоймогубской волости. Считается, что он скончался 6 или 10 июля 1672 года в Москве, но до сих пор неизвестен некрополь, где погребен первый концессионер Олонецкого края. Кроме того, в исторической литературе встречается разноречие в указании даты смерти П. Г. Марселиса [4: 55], [6: 206]. Ситуация осложняется путаницей в деяниях «на Олонце» Петра Марселиса отца и его сводных сыновей Петра Петровича (ст.) и Петра Петровича (мл.), которая порой приводит к обидным искажениям [16: 32–34, 47]. Исследователям по-прежнему неизвестен полный текст жалованной грамоты 1674 года [16: 38]. Скорее всего, помимо меди концессионеры намеревались разрабатывать обнаруженные в округе месторождения железной руды. На основании более поздних источников хочется допустить, что грамота 1674 года действительно позволяла заводчикам в Олонецком уезде «медные и иные руды приискивать и сыскав заводы заводить»³². Боярам, воеводам, «всяким приказным людям» старостам, «целовальникам и крестьянам» повелевалось «рудокопному делу всякое вспомогательство чинить» и давать «повольность». Кроме того, «про всякие рудные места извещать «Петру и Еремею», а «на ослушников... того рудного сыску давать стрельцов и пушкарей... по сколько человек пригоже». Концессионерам разрешалось разрабатывать рудное месторождение «безо всяких споров, на чьей земле ни прилучится», а «заводы заводить и строить своими же деньгами». К тому же с иноземных заводчиков и мастеровых запрещалось брать «мостовые» и «перевозные» пошлины, «а для скорых посылок» поручалось давать «ямские подводы» и «суда со всякими судовыми снастями»³³.

Между тем вопросы раздела «экономической империи» Заонежья, после ухода из жизни П. Г. Марселиса и в 1678 году его компаньона Е. ван дер Гатена, представляют особый исследовательский интерес. Вторая супруга Марселиса, Анна Акема, почти сразу вышла замуж за «именитейшего немецкого купца» Томаса Келлермана³⁴ и отказалась от собственности в Олонецком уезде. Прямыми наследниками железнотопильных мануфактур в Фоймогубе, учитывая, что Леонтий скончался в Гамбурге в 1670 году, а Гавриил (Габриэль) в 1674 году, стали сводные братья Петр Петрович (ст.) от брака с Д. Барнсли и Петр Петрович (мл.), мать А. Акема. Престарелый Ф. Ф. Акема ушел из жизни в феврале 1676 года, его сын Елесьи Филимонович оказался далеким от горных интересов, а внук Филимон Елисеевич скончался ранее [18: 457].

Таким образом, обязанности управляющего олонечкими заводами по взаимной договоренности взял на себя более хваткий в негоциантских делах Петр Марселис (ст.). Его судьба, впрочем, как и младшего брата Петра, исследователям не

во всем понятна. Нам неизвестно место и время рождения П. П. Марселиса (ст.). Очевидно, он родился после 1636 года, когда отец женился первый раз и «в благополучии» держал двор в Москве «на Поганом пруду» [6: 207]. Однако косвенные данные свидетельствуют, что Петр Марселис (ст.) перебрался в Россию из Копенгагена. Якобы он вместе с супругой Марией (Маргаритой) Вилимовной, урожденной Беккер фон Дельден, в чине морского капитана датского королевского флота прибыл в Москву лишь в 1669 году. Во время аудиенции с царем иноземец будто бы передал рекомендательное письмо короля Фредерика III³⁵. Представление на «высшем градусе», безусловно, подтолкнуло его дальнейшую карьеру. Однако российский век Петра Петровича (ст.) оказался непозволительно коротким. Бывший флото-капитан не успел обжиться в Заонежье, сюда он мог даже не доехать. «При своей крайней болезни» в июле 1675 года иноземец неожиданно в расцвете сил ушел из жизни. Криминальная версия убийства П. П. Марселиса (ст.) в «пьяной ссоре» в Москве не подтверждается источниками. Что касается судьбы его брата П. П. Марселиса (мл.), скончавшегося в 1696 году, то сведений о его жизни практически не сохранилось [20]. Очевидно одно: по неизвестным причинам он не претендовал на железоделательные заводы в Фоймогубской волости.

Казалось бы, олонекские заводы могли попасть в сферу интересов супруги старшего Петра Марселиса, однако вдова повела себя иначе. Шотландец П. Гордон (Patrick Leopold Gordon of Auchleuchries) 11 февраля 1677 года в дневниковых записях отмечал: «Я был на свадьбе полковника Мензиса³⁶, который женился на вдове Питера Марселиса и взял за нею 5000 рублей деньгами», а также «посуду и драгоценности стоимостью еще 2000»³⁷. Гордон с завистью добавлял, что это «хорошее состояние, если умело им распорядиться». Очевидно, бывшую «заводчицу» Марию Вилимовну и ее нового высокопоставленного супруга на первом этапе не интересовали мануфактуры вдали от метрополии. Однако вскоре через сына Христиана (Крестьяна) она включилась в клановую борьбу за собственность в Фоймогубе. Отметим, что после кончины Петра Петровича (ст.) рудопромышленные дела по жалованной грамоте 1677 года юридически перешли в руки опекунов малолетнего Христиана Марселиса. По «духовному» завещанию отца, составленному духовником Якобом Шамером, ими стали «датский фактор» Генри Бутман³⁸, в русских документах А. И. Бутенант, и Е. ван дер Гатен, дядя Христиана по матери [16: 41], [20]. Жалованная грамота 1677 года обязывала коммерсантов вести дело «своими деньгами и наемными людьми» и выплачивать в Новгородский приказ 1/10 долю выплавленной меди безденежно, а остальную «продавать на ефимки»³⁹. С этого времени Фоймогубский горнозаводской

проект в исторической литературе стал именоваться через дефис: заводы Бутенанта – Марселиса. В этом контексте упомянем любопытную коллизию 1684 года, когда «для науки» А. И. Бутенант отправил малолетнего Христиана со своим сыном Андреем учиться в Данию⁴⁰ и захотел его удержать в Европе, посулив долгое путешествие во Францию. Похоже, что Христиан Марселис был ловко отстранен от горных дел. Ситуация не устроила его мать М. В. Менезиус, которая в январе 1689 года с помощью Богдана Пристава тайно вывезла сына в Москву⁴¹. Пятнадцатилетний Христиан под ее патронажем затеял борьбу за «олонецкую» собственность. В челобитных он обвинил опекуна в присвоении доходов и нежелании представить отчет о деятельности железоделательных заводов⁴². В действительности А. И. Бутенант был озабочен развитием производства. Осознав бесперспективность разработки «скудных» месторождений меди, он воспользовался жалованными грамотами 1674 и 1677 годов и стал изыскивать не только медные, но и другие руды. В 1681 году «в урочище» у Спировского ручья в Фоймогубской волости был запущен первый доменный завод, на котором началась плавка железной руды. Вскоре в Кижском погосте на Усть-реке возникла еще одна мануфактура, а в 1685 году на Усть-матке у Верхозера заработал третий молотовый завод с домнами. Грамота 1685 года подтвердила право Х. Марселиса и А. Бутенанта владеть «всякой землей и угодьями» и дала 20-летний карт-бланш на беспощадное и безбортное владение железоделательными заводами [12: 40–41]. Однако это обстоятельство незадолго до кончины Христиана в 1690 году инспирировало очередной цикл коммерческих претензий юноши. Утверждалось, что «олонецкие железные и укладные заводы» Бутенант «построил своею волею чрез договорное письмо и духовную», хотя в отцовском документе шла речь только о медных мануфактурах. Кроме того, опекун якобы использовал долю Х. Марселиса для вывоза с Тулы и Каширы «мастеров всяких на те олонекские... заводы»⁴³. И все-таки дразги не смогли дискредитировать А. И. Бутенанта фон Розенбуша, который вплоть до начала XVIII века являлся настоящим хозяином заводов.

О представителях следующих поколений рода Марселисов исследователям ничего неизвестно. Возможно, к ним имеет отношение датский архитектор Христофор Марселиус, прибывший осенью 1724 года в Россию и создавший графические листы с «парадными а не будничными» видами имперской столицы [1: 24]. О необычной судьбе Х. Марселиуса свидетельствует рукопись «архитектора» на немецком языке «Приключения в С.-Петербурге»⁴⁴. Однако доказательств, подтверждающих родство рисовальщика Марселиуса с торговцами и дипломатами Марселисами, пока не обнаружено.

В заключение отметим, что история частных заонежских предприятий Марселиса – Бутенанта завершилась в начале XVIII столетия. Осенью 1703 года в устье р. Лососиница на берегу Онежско-

го озера А. Д. Меншиков заложил казенный Шуйский (в будущем Петровский) завод. Строительство металлургического центра открыло новый этап индустриального развития северного края.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Филарет (Романов Федор Никитич) (1554/55 – 1633), отец царя Михаила Федоровича Романова. В 1608–1610 и 1619–1633 годах патриарх РПЦ. В 1610 году возглавлял «посольство» к Сигизмунду III, в Польше подвергся аресту. С 1619 года – фактический правитель России. Его супруга, инокиня Марфа Ивановна Романова (в девичестве Ксения Шестова), с 1601 по 1606 год находилась в ссылке в Заонежье.
- ² Гамель И. Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С. 18. Прим. ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 51, 52, 53; Ф. 191. Оп. 3. Д. 49.
- ³ Марселис Селио Гаврилович (1600, Роттердам – 1663, Копенгаген) – голландский купец, брат П. Г. Марселиса, вместе с семьей в детстве переехал в Гамбург. С 1629 года обосновался в Амстердаме, занимался торговлей зерна, покупая его в Курляндии и продавая в Португалии. Позже переехал в Христианию (Норвегию). В 1633 году вместе с П. Г. Марселисом зафрахтовал восемь судов для вывоза зерна из Архангельска в Европу.
- ⁴ Акема Филимон (Тильман) Филимонович (до 1625 – 1676) – выходец из Генеральных Штатов (Голландская республика), российский рудопромышленник и заводчик. Вместе со своим зятем П. Г. Марселисом владел металлургическими предприятиями в России.
- ⁵ Виниус Андрей (Андрас) Денисович (1605 – 1652(1605)) – российский купец, заводчик голландского происхождения, вблизи Тулы основал чугуноплавильные, вододействующие железоделательные заводы, в 1646 году принял православие и подданство России, отец думного дьяка А. А. Виниуса, сподвижника царя Петра Алексеевича.
- ⁷ РГИА. Ф. 1341. Оп. 303. Д. 1534. Т. 7. Л. 159.
- ⁸ Акема Анна Елизарьевна (урожденная де Кроо) – в первом браке жена Филимона (Тильмана) Филимоновича Акема, мать Анны Филимоновны, жены П. Г. Марселиса. Во втором браке (1677 или 1678) – супруга голландского купца Вахрамея Меллера (Мюллера).
- ⁹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 33. Л. 768–769, 778–779.
- ¹⁰ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Виллимовича Брюса (1669–1735). Т. 3. Письма Я. В. Брюса (1707 год). СПб.; Щелково, 2006. С. 115–116, 164–165, 229.
- ¹¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 303. Д. 1534. Т. 7. Л. 159об.
- ¹² Там же.
- ¹³ Гамель И. Х. Описание Тульского оружейного завода... С. 18.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 243. Стб. 41–42.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Стб. 95, 96.
- ¹⁷ Там же. Стб. 98, 99.
- ¹⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л., 1977. С. 156.
- ¹⁹ Мюллер Вернер (Меллер Вахрамей Петров) (? – 1714 (1605), Москва) – голландский предприниматель, промышленник. Из Архангельска вывозил жемчуг, пушнину, смолу, поташ, а из Европы импортировал ефимки, краски и сукно. В 1670 году совместно с Д. Арманом и Г. Бутенантом получил монопольное право на заготовку и вывоз мачтового леса. Вторым браком был женат на Анне де Кроо (в девичестве), вдове Ф. Ф. Акемы, управлял железными заводами на Протве и Угодке.
- ²⁰ ГААО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 52. Л. 4–4об.
- ²¹ Там же. Д. 53. Л. 6.
- ²² Марселис Леонтий (Лев, Леонгард) Петрович (Гамбург, 1638 – Москва, 1670) – предприниматель, сын П. Г. Марселиса. Братья: Гавриил (Габриэль), Петр (старший), сестра Элизабет, сводный брат Петр (младший), сводная сестра (имя неизвестно). С 1660 года выполнял секретную миссию в Риге, из-под ареста бежал в Данию. В 1665 году участвовал в поисках медной руды в Олонецком уезде и минералов в районе р. Печора. В 1668 году организовал почтовое сообщение между Москвой, Ригой, Вильносом, Кенигсбергом, Берлином и Гамбургом.
- ²³ Акты, относящиеся до устройства медных заводов в России // Дополнения к актам историческим. Т. 9. СПб., 1875. № 15. С. 46.
- ²⁴ Грамоты об оказании пособия новгородскому гостю Семену Гаврилову отправленному в Толвуйскую волость для отыскания медной руды // Там же. Т. 5. СПб., 1853. № 13. С. 74.
- ²⁵ Крепостная мануфактура в России. Ч. 2. Олонецкие медные и железные заводы / Под ред. М. Н. Покровского Л., 1931. С. 141.
- ²⁶ Крепостная мануфактура в России. Ч. 2. Олонецкие медные и железные заводы / Под ред. М. Н. Покровского. Л., 1931.
- ²⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. № 256, 159, 262, 265, 266.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 151. Дела о горных промыслах и заводах. Д. 30. Л. 2. Запись указа от января 1676 года «по челобитью иноземцев Христиана Марселиса и Еремея фон дер Гартнера о выдаче ямских подвод приказчику Еремею Траделу посланному для поиска руд в Вологду, на Белоозеро и в Олонецкий уезд». Также известна транскрипция этого имени Хармен ван дер Гатен.
- ²⁹ Крепостная мануфактура в России... С. 149.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 6. 1685–1693. № 51. Л. 188.
- ³¹ Крепостная мануфактура в России... С. 126–127.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 129–132.
- ³⁴ Келлерман (Келдерман) Томас (Kellermann) – выходец из Восточной Прибалтики. Входил в группу «московских торговых немцев». С середины XVII столетия имел российское подданство и чин «гостя», принадлежал к наиболее привилегированной группе русского купечества.
- ³⁵ Гамель И. Х. Описание Тульского оружейного завода... С. 25.
- ³⁶ Менезиус (Мензис) Павел (Пол) Гаврилович (англ. Paul Menzies) (1637–1694) – выходец из Шотландии, генерал-майор. В России с 1661 года, позже посланник в Берлине, Дрездене, Вене, Венеции и Риме. Первый иностранный наставник царевича Петра Алексеевича.

- ³⁷ Гордон П. «Дневник» 1677–1678 / Под ред. М. Р. Рыженкова. М., 2005. (Л. 3) / С. 7.
³⁸ Сборник Выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. С. 46.
³⁹ Крепостная мануфактура в России... С. 131–132, 145.
⁴⁰ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1984. № 1.
⁴¹ Там же. 1989. № 1. Л. 11–12.
⁴² Там же. Л. 35–56, 70–72, 92–106.
⁴³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1989. № 1. Л. 68–70.
⁴⁴ БАН ОР F. № 63. F. 63–70b // Marsellius Ch. Avanturen in St. Petersburg.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базарова Т. А. Планы Петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. 309 с.
2. Брызгалов В. В. Транспортировка товаров западноевропейских купцов из Архангельска в верховские города в XVII в. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 64–79.
3. Валишевский К. Ф. Первые Романовы. Репринтное издание 1911 года. М., 1989. 476 с.
4. Васильевский А. П. Очерк по истории металлургии Олонецкого края в XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1949. 66 с.
5. Вейнрокс Э. Х. Международная конкуренция в торговле между Россией и Западной Европой: 1560–1640 гг. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 9–41.
6. Велувенкамп Я. В. Марселис Петр Гаврилович (Marselis Pyotr Gavrilovich) // Голландцы на Русском Севере в XVI–XX веках: Биобиблиографический справочник. Архангельск, 2007. С. 206–211.
7. Велувенкамп Я. В. Компания «Де Вогелар и Кленк» в голландско-русских коммерческих отношениях XVII в. // Нидерланды и Северная Россия. СПб., 2003. С. 37–73.
8. Велувенкамп Я. В. Виниус Андрей (Андреас) Денисович (Winius Andrey Denisovich) // Голландцы на Русском Севере в XVI–XX веках: Биобиблиографический справочник. Архангельск, 2007. С. 90–93.
9. Велувенкамп Я. В. Акема Филимон (Тильман) Филимонович (Akema Filimon Felimonovich) // Голландцы на Русском Севере в XVI–XX веках: Биобиблиографический справочник. Архангельск, 2007. С. 19–21.
10. Велувенкамп Я. В. Голландские купцы и их роль в торговле с Архангельском в XVII–XVIII веках // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 99–107.
11. Гемп К. П., Кибирев М. Ф. Архангельский гостиный двор // Архитектурное наследие. М., 1958. Вып. 10. С. 139–156.
12. Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. 246 с.
13. Данков М. Ю. Тайны первого концессионера Олонецкого края // «Петровское время в лицах-2009». Труды Государственного Эрмитажа: Материалы научной конференции. Т. 47. СПб., 2009. С. 94–105.
14. Данков М. Ю. Загадки трех Питеров Марселисов // Двинская земля: Материалы шестых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. Вып. 6. Котлас, 2010. С. 88–100.
15. Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 2. 110 с.
16. Коваленко Г. И. Первые металлургические заводы в Карелии (1670–1703) / Под ред. И. П. Шаскольского. Л., 1979. 102 с.
17. Котилайне Я. Т. Русская торговля с северогерманскими городами через Архангельск в XVII в. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 42–63.
18. Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича // Сборник студенческого историко-этнографического кружка при Императорском университете Св. Владимира, Вып. 6. Киев, 1915. 625 с.
19. Попова Л. Д. Марселис Гаврил (Marselis Gavril) // Голландцы на Русском Севере в XVI–XX веках: Биобиблиографический справочник. Архангельск, 2007. С. 205.
20. Попова Л. Д. Марселисы (Marselises) // Голландцы на Русском Севере в XVI–XX веках: Биобиблиографический справочник. Архангельск, 2007. С. 211.
21. Рожков В. И. Горнозаводской промысел в Олонецком крае // Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 71. 15 сент. С. 6–7.
22. Amburger E. Die Familie Marselis: Studien zur Russischen Wirtschaftsgeschichte. Giessen, 1957. 234 p.
23. Veluvenkamp J. W. «N huis op Archangel»: De Amsterdamse koopmansfamilie Thesingh, 1650–1725 // Jaarboek Amstelodamum. 1977. Bd. 69. P. 123–139.

Dankov M. Yu., National Museum of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE MARSELISES FAMILY CLAN IN THE RUSSIAN NORTH

The article tells about representatives of the Marselises, a merchant family, natives of the North German lands of the General States (the Dutch Republic). In the XXVII century, P. G. Marselis and his sons – Leonty, Peter (senior) and Peter (Jr.) – played a prominent role in the development of the export trade of the Moscow state. The Marselises participated in political and diplomatic life of the country; they traded mast forest, fish, blubber and weapons in the North; near Tula they founded a metallurgical enterprise, and from the middle of 1660s they took part in the construction of mining factories in the lands of Olonets County. It is obvious that the “Mining” project on the territory of Obonezhye region, the search of copper ore in Foimoguba parish and organization of private industry created preconditions for a large state-owned metallurgical industry development later on the territory of Karelia. The analysis of the intricate subjects related to Olonets activities of the three “Peters” Marselises is of particular significance. No less important is the analysis of the little-explored history of the division of the Marselises’ property. The struggle for the tribal inheritance in the Onega lake region began after P. G. Marselis’ death in 1672 and subsequent deaths of P. Marselis (senior) in 1675, his son H. P. Marselis in 1690, and then P. Marselis (jr.) in 1696. The article is richly supplied by documents from a collection of significant Russian archives as well as by rare archival materials published in the anthologies “The Feudal Manufactory in Russia” and “Additions to Historical Acts”.

Key words: Petr Gavrilovich Marselis, Petr Petrovich Marselis (senior), Petr Petrovich Marselis (Jr.), private metallurgical enterprises, Foimoguba parish, of the Obonezhye region, XVII century.

REFERENCES

1. Bazarova T. A. *Plany Petrovskogo Peterburga: Istochnikovedcheskoe issledovanie* [The Plans of Peter the Great's Petersburg: Sources research study]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 309 p.
2. Bryzgalov V. V. The Transportation of goods of West European merchants from Archangelsk to upper cities in the XVII century [Transportirovka tovarov zapadnoevropeyskikh kuptsov iz Arkhangel'ska v verkhovskie goroda v XVII v.]. *Russkiy Sever i Zapadnaya Evropa*. St. Petersburg, 1999. P. 64–79.
3. Valishevskiy K. F. *Pervye Romanovy* [The First Romanovs]. Moscow, 1989. 476 p.
4. Vasil'evskiy A. P. *Ocherk po istorii metallurgii Olonetskogo kraja v XVI–XVII vv.* [The Essay on the history of metallurgy in Olonets region in the XVI–XVII th centuries]. Petrozavodsk, 1949. 66 p.
5. Wijnroks E. H. The International competition in trade between Russia and Western Europe: 1560–1640 [Mezhdunarodnaya konkurentsia v torgovle mezhdu Rossiei i Zapadnoy Evropoy: 1560–1640 gg.]. *Russkiy Sever i Zapadnaya Evropa*. St. Petersburg, 1999. P. 9–41.
6. Veluwenkamp J. W. Marselis Pyotr Gavrilovich [Marselis Petr Gavrilovich (Marselis Pyotr Gavrilovich)]. *Gollandtsy na Russkom Severe v XVI–XX vekakh: Biobibliograficheskiy spravochnik*. Arkhangelsk, 2007. P. 206–211.
7. Veluwenkamp J. W. The Company “De Vogelar and Klenk” in the Dutch-Russian commercial relations in the XVII th century [Kompaniya “De Vogelar i Klenk” v gollandsko-russkikh kommercheskikh otnosheniyakh XVII v.]. *Niderlandy i Severnaya Rossiya*. St. Petersburg, 2003. P. 37–73.
8. Veluwenkamp J. W. Vinus Andrey (Andreas) Denisovich [Vinius Andrey (Andreas) Denisovich (Winus Andrey Denisovich)]. *Gollandtsy na Russkom Severe v XVI–XX vekakh: Biobibliograficheskiy spravochnik*. Arkhangelsk, 2007. P. 90–93.
9. Veluwenkamp J. W. Akema Filimon (Tilman) Filimonovich [Akema Filimon (Til'man) Filimonovich (Akema Filimon Felimonovich)]. *Gollandtsy na Russkom Severe v XVI–XX vekakh: Biobibliograficheskiy spravochnik*. Arkhangelsk, 2007. P. 19–21.
10. Veluwenkamp J. W. The Dutch merchants and their role in the trade with Arkhangelsk in the XVII–XVIII th centuries [Gollandskie kuptsy i ikh rol' v torgovle s Arkhangel'skom v XVII–XVIII vekakh]. *Arkhangel'sk v XVIII veke*. St. Petersburg, 1997. P. 99–107.
11. Guemp K. P., Kibirev M. F. The trade courtyard of Archangelsk [Arkhangel'skiy gostinnyy dvor]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*. Moscow, 1958. Issue 10. P. 139–156.
12. Glagoleva A. P. *Olonetskie zavody v pervoy chetverti XVIII veka* [The Olonets plants in the first quarter of the XVIIIth century]. Moscow, 1957. 246 p.
13. Dankov M. Ju. The Secrets of the first concessioner of Olonets region [Tayny pervogo kontsessionera Olonetskogo kraja]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: Materialy nauchnoy konferentsii “Petrovskoe vremya v litsakh-2009”*. St. Petersburg, 2009. Vol. XLVII. P. 94–105.
14. Dankov M. Ju. The puzzles of three Peters Marselises [Zagadki trekh Piterov Marselisev]. *Dvinskaya zemlya: Materialy shestykh mezhregional'nykh obshchestvenno-nauchnykh istoriko-kraevedcheskikh Stefanovskikh chteniy*. Kotlas, 2010. Vol. 6. P. 88–100.
15. Demkin A. V. *Zapadnoevropeyskoe kupechestvo v Rossii v XVII v.* [Merchants from Western Europe in Russia in the XVIIth century]. Moscow, 1994. Issue 2. 110 p.
16. Kovalenko G. I. *Pervye metallurgicheskie zavody v Karelii (1670–1703)* [The first metallurgical plants in Karelia (1670–1703)]. With editorship of I. P. Shaskolsky. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 102 p.
17. Kotilajne J. T. Russian trade with North German cities via Archangelsk in the XVII th century [Russkaya trgovlya s severogermanskimi gorodami cherez Arkhangel'sk v XVII v.]. *Russkiy Sever i Zapadnaya Evropa*. St. Petersburg, 1999. P. 42–63.
18. Kurts B. G. Kilburger's Composition about Russian trade in the period of Aleksey Mihaylovich's reign [Sochinenie Kil'burgera o russkoy torgovle v tsarstvovanie Alekseya Mikhaylovicha]. *Sbornik studencheskogo istoriko-etnograficheskogo kruzhka pri Imperatorskom universitete Sv. Vladimira*. Kiev, 1915. Issue VI. 625 p.
19. Popova L. D. Marselis Gavril (Marselis Gavril) [Marselis Gavril (Marselis Gavril)]. *Gollandtsy na Russkom Severe v XVI–XX vekakh: Biobibliograficheskiy spravochnik*. Arkhangelsk, 2007. P. 205.
20. Popova L. D. Marselises (Marselises) [Marselisy (Marselises)]. *Gollandtsy na Russkom Severe v XVI–XX vekakh: Biobibliograficheskiy spravochnik*. Arkhangelsk, 2007. P. 211.
21. Rozhkov V. I. Mining industry in Olonets region [Gornozavodskoy promysel v Olonetskom krae]. *Olonetskie gubernskie vedomosti*. 1895. № 71. 15 September. P. 6–7.
22. Amburger E. Die Familie Marselis: Studien zur Russischen Wirtschaftsgeschichte. Giessen, 1957. 234 p.
23. Veluwenkamp J. W. “N huis op Archangel”: De Amsterdamse koopmansfamilie Thesingh, 1650–1725 // *Jaarboek Amstelodamum*. 1977. Bd. 69. P. 123–139.

Поступила в редакцию 30.08.2016

АЛИ АЛИМХАНОВИЧ ЗАЙЦЕВ

аспирант Центра гуманитарных проблем Баренц-региона,
Кольский научный центр РАН (Апатиты, Российская Фе-
дерация)
aleeck1@rambler.ru

ЛИЧНЫЙ АРХИВ Н. Н. ВОЛКОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ВЕРОВАНИЙ СААМОВ

Статья посвящена работам советского этнографа Николая Николаевича Волкова (1904–1953), автора монографии о российских саамах, опубликованной после смерти репрессированного ученого. Исследование предпринято на основе анализа материалов фонда Научного архива Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Акцент сделан на позиции этнографа в отношении религиозных верований саамов. Представлены общая характеристика личного архива Волкова, место в нем работ о религиозных институтах, системе верований саамов и их христианизации. Выявлена динамика позиции советского этнографа в 1930–1940-е годы по ряду вопросов, связанных с оценкой православного миссионерства и внехристианских религиозных практик саамов. При этом сохраняла устойчивость эволюционистская точка зрения на постепенное отмирание части религиозных верований саамов и признание формального исповедания ими православия.

Ключевые слова: Н. Н. Волков, советская этнография, архив, саамы, верования, христианизация

СУДЬБА ЭТНОГРАФА

Достаточно подробная биография и описание научной деятельности Н. Н. Волкова представлены в работе этнографа и историка науки А. М. Решетова, а также в справочном материале, подготовленном в 1985 году заведующей Научным архивом Кунсткамеры И. В. Жуковской к описи фонда № 13. Исследователи использовали документы Архива АН СССР (позже СПб филиала Архива РАН) из фонда № 142, опись 5, дело 249, а также архивные справки подразделения Управления КГБ СССР по г. Ленинграду и Ленинградской области от 12 июля 1991 года и от 8 октября 1991 года и архивную справку Управления по Санкт-Петербургу и области Министерства Безопасности РФ от 23 июня 1993 года¹ [5: 367].

Еще будучи студентом этнографического отделения географического факультета Ленинградского государственного университета, где он обучался экстерном с 1928 по 1930 год, одновременно проходя воинскую службу на Балтийском флоте (1926–1930 годы), Н. Н. Волков начал исследовательскую работу под руководством этнографа и религиоведа профессора Н. М. Маторина. Сразу после окончания университета поступает в аспирантуру. В 1930 и 1931 годах двумя изданиями выходит его работа «Секта скопцов», подготовленная еще в студенческие годы [2: 4–5, 7]. В 1936 году была опубликована еще одна его монография «Скопчество и стерилизация» [3]. Диссертация Н. Н. Волкова «Скопчество как социально-экономическое и религиозное явление» получила высокую оценку Д. К. Зеленина, Е. Г. Кагарова и других видных специалистов [5: 353]. Выполнялась диссертация фактически вне рамок аспирантской подготовки, поскольку

в 1931 году Волков из аспирантуры отчислился, «не будучи удовлетворен руководством аспирантурой»². С 1931 по начало 1935 года он работал по мобилизации на оперативной службе в НКВД, откуда демобилизовался по инвалидности с диагнозом «неврастения»³. С марта 1935 года он вновь возвращается к научной работе в Отделе Европы Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР г. Ленинграда в качестве младшего научного сотрудника, а по совместительству и сотрудника Государственного музея этнографии (ГМЭ).

В 1935–1936 годах Волков совершает серию экспедиций в Мурманский округ Ленинградской области для изучения саамов. В ноябре 1935 года руководит подготовкой новой экспозиции в ГМЭ «Социалистическое строительство на Кольском полуострове», посвященной памяти С. М. Кирова. Тогда же он меняет тему исследований и начинает писать новую диссертацию «Саамы (лопары)». По предположению А. М. Решетова, «уход его от изучения проблемы сектантства, прежде всего скопчества, связан с арестом как “врага народа” руководителя этой темы Н. М. Маторина», который якобы был идейно связан с «контрреволюционной зиновьевской оппозицией» и являлся активным участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство С. М. Кирова». На основании статьи 58-8, 11 УК РСФСР 11 октября 1936 года Маторин был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян [4: 213–216], так что «вполне вероятно, что именно это обстоятельство послужило поводом к наказанию автора по партийной линии: Н. Н. Волков, член партии с 11 февраля 1921 г., в апреле 1937 г. был

исключен из ВКП(б) за утерю большевистской бдительности и связи с участниками правотроцкистской организации». Он оспаривал это решение, но безрезультатно. С апреля 1937 по февраль 1938 года, будучи уволенным из института, Волков несколько месяцев работал стекольщиком. Позже был восстановлен в прежней должности [5: 354].

В 1939–1940 годах Институт этнографии готовил к публикации крупную многотомную работу «Народы мира». Н. Н. Волков написал для нее 10 статей: «Саамы», «Вепсы», «Коми-зыряне и пермяки», «Карелы», «Финны (суоми)», «Ижоры», «Водь», «Еврейцы и савакоты», «Татары крымские», «Цыгане». Кроме того, как секретарь тома он координировал работу по подготовке статей членами авторского коллектива. Согласно биографическому материалу, хранящемуся в фонде 13, для написания своих статей, которые, в конечном счете, не были опубликованы, Н. Н. Волков неоднократно выезжал в экспедиции в различные районы Ленинградской и Мурманской областей, Карельской и Крымской АССР⁴. В частности, с 1 сентября по 1 октября 1940 года он предпринял экспедицию к саамам, во время которой собирал материалы по следующим темам: оленеводство и езда на оленях, охота и жизнь охотников на промысле, саамские жилища, пища и одежда, социалистическое переустройство их жизни. В предвоенный период участвовал в работе по реэкспозиции выставки Карело-финского отдела ГМЭ.

С 5 июля 1941 года Н. Н. Волков ушел добровольцем на фронт, после ранения под Гатчиной попал в плен, освобожден только к концу Великой Отечественной войны, после чего вновь был зачислен в РККА. Демобилизуется он только в конце 1945 года, тогда же восстанавливается на работе в Институте этнографии и антропологии АН СССР в прежней должности младшего научного сотрудника и продолжает научную деятельность [5: 354].

В 1946–1947 годах Н. Н. Волков совершил две экспедиции с целью изучения вепсов: в Шелтозерский район Карело-Финской ССР и Шимозерский район Вологодской области. В этот же период защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Саамы СССР». На Всесоюзной научной конференции по финноугроведению, которая проходила в ЛГУ с 23 января по 4 февраля 1947 года, выступил с докладом «Некоторые итоги этнографического изучения саамов (лопарей) СССР», в котором обосновал новые подходы к изучению саамской истории и этнографии [5: 354].

7 ноября 1947 года Н. Н. Волков был арестован и постановлением Особого Совещания при МГБ СССР 31 июля 1948 года осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Согласно формулировкам обвинения, он, находясь в плену у немцев,

якобы «проводил антисоветскую агитацию, клеветал на руководителей ВКП(б) и советского правительства, призывал советских граждан к прекращению борьбы против немецких оккупантов» и, «возвратившись из плена и проживая в Ленинграде, среди своих знакомых в период 1946–1947 гг. продолжал проводить антисоветскую агитацию». Ученый-этнограф отбывал заключение в ВЯТЛАГе (станция Фосфоритная Пермской железной дороги) и умер в поселке Лесное Кировской области 7 марта 1953 года [5: 354–355].

Судьба Н. Н. Волкова может считаться показательной для ученого-гуманитария его поколения, прежде всего в отношении того, как политико-идеологические факторы влияли на профессиональную научную траекторию, в том числе на предметную область исследований, на возможности интерпретации и публикации результатов. Требования пропагандировать государственную идеологию, применять «единственно правильный» марксистско-эволюционистский подход к характеристике социально-экономических, культурных и духовных институтов общества и отдельно взятых этнических групп, претворять в жизнь государственную антирелигиозную политику на основе «научного атеизма» и т. п. в виде необходимости могли внутренне приниматься или отвергаться самим исследователем, полностью или частично. Обзор архивных материалов в сопоставлении с опубликованными работами позволяет повысить достоверность суждений о реальных интересах исследователя, нереализованных направлениях работы. Материалы личного архива Н. Н. Волкова дают основание считать, что изучение народно-религиозных воззрений и практик, деятельности институтов их воспроизводства относилось к приоритетам Волкова как саамоведа.

АРХИВ Н. Н. ВОЛКОВА

Работы и личные документы Н. Н. Волкова находятся в Научном архиве МАЭ РАН в фонде № 13 и относятся к периоду с 1930 по 1947 год. Согласно аннотации к описи фонда, материалы были переданы в Музей вдовой этнографа в 1958 году, и дальнейших поступлений не было. 14 мая 1985 года были проведены проверка наличия и сохранности единиц хранения в данном фонде, а также «экспертиза ценности документальных материалов, в результате чего выявлены документы, не подлежащие хранению»⁵. И. В. Жуковской составлена единая опись вместо шести, существовавших ранее. Изначально до объединения в фонде было 116 единиц хранения, на данный момент – 102. Как отмечает И. В. Жуковская, «к сожалению, не все его полевые материалы сохранились и в фонде они составляют незначительное число»⁶.

Материалы фонда № 13 можно условно распределить на четыре группы: 1) полевые материалы

(фотографии, рисунки, карты и полевые записи), составляющие от всего числа документов 26,3 %, 2) научные труды (статьи, очерки, доклады и др.) – 47,4 %, 3) служебные документы (докладные записки, отчеты и т. п.) – 11,4 %, 4) отзывы, рецензии, письма и личное дело – 14,9 %. При этом одна единица хранения может состоять как из одного, так и из нескольких документов, вследствие чего количество единиц хранения и количество документов не совпадают.

Собственно работы Волкова составляют 72,8 % из всего массива имеющихся в фонде документов, 3,5 % работ в соавторстве, труды других авторов – 23,7 %. Из них 4 документа принадлежат неустановленным лицам, есть переводы 4 работ иностранных авторов.

К раннему периоду деятельности Н. Н. Волкова относятся его работы по проблемам религии и атеизма, которыми автор активно занимался с 1930 по 1936 год, а впоследствии периодически возвращался к ним. В фонде имеются 4 отзыва на работы Н. Н. Волкова по данной теме – Д. К. Зеленина, Е. Г. Кагарова и И. И. Мещанинова (дела 86–89) и 6 работ Н. Н. Волкова (дела 34, 37, 38, 54, 55, 75), которые датируются с 1936 по май 1941 года и составляют 8,8 % от всего массива документов. Согласно библиографической справке в личном деле, Волковым, помимо упомянутых монографий «Секта скопцов» и «Скопчество и стерилизация», был опубликован ряд работ по «вопросам изучения религиозных пережитков и их преодолению»: «К методологии изучения религиозных организаций в СССР» (Атеист. 1931. № 4), «Религия и борьба с нею на Днепрострое» (Воинствующий Атеист. 1931. № 2), «Федоровцы или еноховцы в ЦЧО», «По очагам церковного мракобесия» (Безбожник. 1931) и другие статьи в журналах и газетах⁷. По мнению Н. Н. Волкова, «для суждения о преодолении религии у того или иного народа, прежде всего необходимо познакомиться с основами религиозных верований у данного народа, проявлением религиозных пережитков в производственной, семейной и общественной жизни», и «лишь в этом случае мы сможем определить успехи антирелигиозного воспитания и наметить задачи конкретной работы, дающие наиболее действенные результаты в преодолении религии»⁸. Такими формулировками советские исследователи обосновывали свои научные изыскания и связывали их с необходимостью преодоления религиозных «пережитков» в народной среде, что соответствовало как научно-эволюционистской традиции, так и идеологии большевиков.

Н. Н. Волков несколько раз принимал участие в организации экспозиционной работы музеев по этнографической и краеведческой тематике. Так, в 1935 году он подготовил докладную записку «о состоянии Мурманского музея краеведения и необходимости его реэкспозиции» (дело 29) и «Путеводитель по отделу Кольского полуострова в Государственном музее этнографии» (дело 31), а в 1940 году – тематико-экспозиционный

план, объяснительную и докладную записки для обновления экспозиции по Карело-Финской ССР (дело 47).

В данном фонде содержатся труды по общим, этнографическим и филологическим проблемам финно-угроведения: 7 работ принадлежат Волкову (дела 39, 42, 63–65, 71, 80), 1 совместная работа с Д. В. Бубрихом и Н. Н. Чебоксаровым (дело 72) и 3 работы других авторов (дела 91, 92, 101). Здесь Н. Н. Волков дает отсылки к отдельным этническим общностям, в том числе к саамам.

На основании архивных материалов можно определить степень внимания исследователя к отдельным народам. Из 75 документов, объединенных в 53 единицы хранения, которые составляют 53,5 % от общего числа дел в фонде, саамам посвящено 22 документа⁹, вепсам – 19¹⁰, эврейсам – 6, савакотам – 5, ижорам и русским – по 4, карелам – 3, води, коми-зырянам и пермякам, крымским татарам – по 2, финнам, эстонцам, венграм и цыганам – по 1 документу. Как видим, в фонде присутствуют дела, которые состоят из одного источника, но содержат информацию о нескольких народах. Например, дело 43 имеет вид статьи, разбитой на 8 очерков, каждый из которых посвящен отдельному финно-угорскому народу, в том числе и саамам. Общности савакоты и эврейсы чаще идут в паре, за исключением случаев, когда савакоты отсутствуют (дело 43) или к ним добавляются ижора (дело 66).

Материалы по этнографии саамам составляют 27 из 102 дел (27,5 % от всего числа дел). Причем 2 дела включают в себя 2 (дело 58) и 3 (дело 85) документа соответственно. Таким образом, в совокупности имеется 30 документов, среди которых в личном архиве Волкова находятся 6 работ других авторов, 2 комплекта рисунков других авторов, 3 отзыва на работу Н. Н. Волкова, авторству которого принадлежат: полевые материалы (9 дел), научные труды (7 дел) и служебные документы (2 дела).

При жизни ученого была издана лишь одна его работа, посвященная саамам, – статья «Изобразительное искусство саамам СССР», опубликованная в сборнике «Народное творчество» за 1940 год¹¹. Только в 1996 году в сокращенном виде увидела свет его диссертация «Российские саамы. Историко-этнографические очерки» под редакцией Ч. М. Таксами (МАЭ РАН) и Л.-Н. Ласку (Саамский институт), которые не включили в издание политическую часть, поскольку она, по их мнению, «не вполне отражает историческую действительность» [1].

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ И ДОХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОВАНИЯ СААМОВ В ОЦЕНКАХ Н. Н. ВОЛКОВА

В ранних работах 1935–1936 годов Н. Н. Волков высказывается достаточно жестко о деятельности православной церкви среди саамского населения. По его утверждениям, монахи Соловецкого монастыря вели разведывательную деятельность «для приобщения Кольского

полуострова к Московскому княжеству», а сам Соловецкий монастырь являлся «форпостом русского самодержавия на Севере и средоточием торгово-ростовщических операций»¹². В XVI веке Трифоном Печенгским и Феодоритом Кольским, «несмотря на сопротивление саамов, они были крещены и вскоре превращены в монастырских крепостных и русских подданных»; «посещая Москву, монахи и различные авантюристы добивались от царей грамот на владение водными угодьями, землями и лопарями»¹³. По мнению этнографа, миссионеры и северорусские монастыри руководствовались в первую очередь экономическими интересами, так как хозяйство Кольского Севера основывалось на рыбном промысле (семга, палтус, треска). «Все саамы были поделены между монастырями, эксплуатировавшими их как путем крепостного труда, так и ростовщической кабалы»¹⁴. Начиная «с XVI столетия, т. е. с периода достоверных известий исторической науки о саамском народе, его культура оставалась почти неизменной, если исключить отмирание прежних религиозных представлений под влиянием насильственной христианизации»¹⁵.

С 1939 года акценты в работах Н. Н. Волкова смещаются. Ученый указывает на более мирную христианизацию населения русскими, нежели западными миссионерами и на прогрессистскую роль православных монастырей Русского Севера XV–XVII веков, которые, будучи «неотделимой частью государства последовательно распространяли свое влияние на нерусское население». Несмотря на то что саамы «не всегда охотно принимали христианство и не без борьбы (если верить жизнеописанию Стефана Пермского, Феодорита и Трифона Печенгского)», «нет никаких оснований предполагать применение инквизиционных средств». Напротив, «положительное их значение заключалось в том, что они содействовали расширению хозяйственной деятельности населения, способствовали культурному развитию и нередко спасали от разбойничьих шаек интервентов, предоставляя приют и пищу и отражая нападения своими гарнизонами»¹⁶.

Н. Н. Волков отмечал формальное исповедание российскими саамами православного христианства при наличии всех внешних атрибутов и строгого соблюдения обрядности. Православное вероисповедание «было воспринято внешне, как одно из средств магического воздействия на природу»¹⁷. Он вновь утверждает единство процессов закрепощения населения и христианизации, поскольку «с помощью кабальных сделок с саамами и жалованных царских грамот монахи захватили саамские земли и рыболовные угодья и превратили их в своих крепостных». Однако уточняет, что «в некоторых случаях саамы в XV и XVI вв. сами изъявляли желание принять православную веру и быть приписанными к монастырям, чтобы избавиться от платежа дани трем государям: датскому, шведскому и московскому»¹⁸. Позже Н. Н. Волков отмечал большое

значение монастырей в XV–XVII веках как «проводников северно-русской культуры к саамам»¹⁹.

Столь же резко, как и православную миссию, Н. Н. Волков характеризовал в ранних работах дохристианские религиозные институты. В первую очередь это касается нойдов-колдунов, институт которых всегда являлся устойчивой характеристикой культуры саамов. По его утверждению, современными ему нойдами являются «кулаки-эксплуататоры», использующие «наличие среди саамов древних верований», и «некогда, лет 250–300 тому назад, каждый колдовал сам себе, имея особый для этого волшебный барабан, затем функции чародеев перешли к особо талантливым, так называемым нойдам»²⁰. Таким образом, автор говорит о нойдах как о позднем явлении. Он отмечает, что «в начале XX века происходит весьма интересное явление: по мере того, как падает авторитет обычного нойды (чаще – бедняка, одержимого наподобие своего турецкого собрата – дервиша), функции нойды берет на себя кулак», который «уже не колдует, как прежний нойда, в интересах всего селения за скромную плату и открыто (лишь тайно от христианских священников), а колдует такой от всех, сам для себя, в ущерб интересам погоста»²¹. Следовательно, нойды прошлого ориентировались на коллектив соотечественников, а нойды нового времени – на свой личный интерес. В отличие от них, у первых Волков отмечает индивидуально-психологическое основание занятий магической деятельностью («одержимость»).

После 1939 года Н. Н. Волков придерживается, скорее, нейтральной позиции, когда описывает дохристианские верования саамов. Объединяя основания систематизации по персонажам, объектам и локусам, он выделяет магию (нойды, колдуны), анимизм (духи леса, рек, озер и т. п.) и фетишизм (сейды, горы, леса и т. п.), отмечает отсутствие элементарных знаний по медицине и распространение знахарства²². По его мнению, «в верованиях саамов характерно сосуществование христианских понятий с первобытнообщинной религиозной идеологией», и «в течение свыше трех столетий исповедуя христианство, саамы до недавнего времени сохраняли веру в демонов-хозяев, анимистические воззрения на природу, культ каменных сейдов-фетишей, жертвенных животных, магию и колдовство»²³, то есть «в быту и сознании саамов большую роль играли первобытные верования»²⁴. Автор отмечает, что до революции «широко были распространены вера в колдовство при помощи рогов диких оленей, поставленных в ряд на особо отвеченных для этого местах (чуэрвьгарты), и заклинания при помощи пения и вращения ножа»²⁵; в эти места «сносили рога убитых диких оленей и бросали монеты с целью получить удачу на охоте или рыбной ловле»²⁶. «В каждом селении имелись один или несколько лиц, которые слыли «нойдами», то есть колдунами, и которые по своим функциям были близки к «сибирским

шаманам»²⁷, но «шаманства как особой профессии, у кольских саамов не было»²⁸. Волков пишет, что «объектами поклонения являлись небесные светила, облака и олицетворенный гром», и «до недавнего прошлого был распространен культ сейдов – почитание камней и гор, якобы приносящих удачу на охоте и в рыбной ловле»²⁹. Кроме того, «многочисленные женские сейды (камни-фетиши), которым еще не так давно поклонялись саамы, можно рассматривать как пережитки эпохи материнского рода»³⁰; «значительное место в религиозном сознании занимали также представления о различных духах-покровителях и враждебных духах»³¹. По мнению Н. Н. Волкова, саамский фольклор «отражает религиозно-обрядовые традиции»³².

Таким образом, виден переход Н. Н. Волкова от критической позиции в отношении православной христианизации к «патриотической», а также смена оценки религиозных воззрений саамов, как христианских, так и дохристианских, с негативной на нейтральную. Можно предположить, что

на позицию советского этнографа, который обращался к вопросам религии, влияли меняющиеся политико-идеологические контексты внутри страны, прежде всего взаимоотношения государства и церкви в предвоенный и военный периоды. Не исключается внешнеполитический фактор: крайне агрессивная внешняя политика гитлеровской Германии в Европе сказалась на поляризации оценок характера христианизации народов западными державами и Российским государством. Нельзя не учитывать непосредственного влияния на научные тексты политической обстановки 1930–1940-х годов, когда любая оплошность или неверно истолкованное слово могли иметь и имели фатальные последствия. При этом материалы личного архива Н. Н. Волкова свидетельствуют, что на протяжении всего времени сохраняли устойчивость научно-эволюционистская точка зрения автора на постепенное отмирание части религиозных воззрений саамов и признание формального исповедания ими православия, которое приживается лишь в обрядовой форме.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Жуковская И. В. Приложение к описи, опись и биографическая справка о Н. Н. Волкове, 1985. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1; Личное дело и биография Н. Н. Волкова. Машинопись. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.
- ² Жуковская И. В. Там же. Л. 24об.
- ³ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.
- ⁴ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84. Л. 2–3.
- ⁵ Жуковская И. В. Там же. Л. 3.
- ⁶ Там же.
- ⁷ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84. Л. 2–3.
- ⁸ Волков Н. Н. Проспект коллективного исследования на тему «Преодоление религии у народов СССР». Машинопись. 1936. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 34. Л. 14.
- ⁹ В фонде имеется 8 единиц хранения на саамскую тематику других авторов (дела 18, 90, 95–100).
- ¹⁰ В фонде имеется 7 единиц хранения от других авторов (дела 3, 5, 93, 94) и неуставленного авторства (дела 1, 2, 102).
- ¹¹ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 84. Л. 2–3.
- ¹² Волков Н. Н. Путеводитель по отелу Кольского полуострова в Государственном музее этнографии. Машинопись. 1935. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 31. Л. 7.
- ¹³ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 31. Л. 7.
- ¹⁴ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.
- ¹⁵ Волков Н. Н. Докладная записка о материальном и общественно-политическом состоянии саамов Кольского полуострова. Секретарю Мурманского окружного комитета ВКП(б) тов. Абрамову. Машинопись. 1936. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–2.
- ¹⁶ Волков Н. Н. Этнографический очерк народов лесной полосы европейской части РСФСР. Автограф. 1939. НА МАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 43. Л. 16.
- ¹⁷ Волков Н. Н. Саамы. Машинопись. 1940. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 51. Л. 24.
- ¹⁸ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 51. Л. 7.
- ¹⁹ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.
- ²⁰ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.
- ²¹ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 33. Л. 4–5.
- ²² НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 51. Л. 24–26.
- ²³ Волков Н. Н. Саамы СССР (лопари): Тезисы дис. ... канд. ист. наук. Машинопись. 1946. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 57. Л. 5–6.
- ²⁴ Волков Н. Н. Некоторые итоги этнографического изучения саамов (лопарей). Машинопись. 1946. НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.
- ²⁵ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.
- ²⁶ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 57. Л. 5.
- ²⁷ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 57. Л. 5–6.
- ²⁸ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 9–10.
- ²⁹ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.
- ³⁰ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 8.
- ³¹ НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.
- ³² НА МАЭ РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 58. Л. 10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки / Под ред. Ч. М. Таксами, Л.-Н. Ласку. СПб., Каутокейно: Dieđut 1, 1996. 109 с.

2. Волков Н. Н. Секта скопцов / Под ред. Н. М. Маторина. Изд. 2-е, доп. Л.: Прибой, 1931. 168 с.
3. Волков Н. Н. Скопчество и стерилизация (исторический очерк) / Отв. ред. И. И. Мещанинов. Л.: АН СССР, 1936. 136 с.
4. Решетов А. М. Репрессированная этнография. Люди и судьбы (Часть 1) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: МАЭ РАН, 1994. Вып. 4. С. 185–221.
5. Решетов А. М. Репрессированная этнография. Люди и судьбы (Часть 2) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: МАЭ РАН, 1994. Вып. 5–6. С. 342–368.

Zaytsev A. A., Kola Science Centre RAS (Apatity, Russian Federation)

THE PERSONAL ARCHIVE OF N. N. VOLKOV AS A SOURCE FOR STUDYING BELIEFS OF THE SAMI

The article is devoted to the works of the Soviet ethnographer Nikolai Nikolaevich Volkov (1904–1953), the author of the monograph on Russian Sami, which was published after the death of the repressed scientist. The study was conducted on the basis of materials of the Scientific Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. The emphasis is on the position of the ethnographer regarding religious beliefs of the Saami. The general characteristics of Volkov's personal archive, the role of his works on religious institutions, the system of Sami beliefs and their Christianization are presented. The dynamics of the Soviet ethnographer's position in 1930s–1940s on a number of issues related to the assessment of the Orthodox missionary work and extra-Christian religious practices of the Saami was revealed. At the same time, the evolutionist point of view on the gradual withering of some religious beliefs of the Saami and the recognition of their formal confession of Orthodoxy remained stable.

Key words: N. N. Volkov, Soviet Ethnography, Archive, Sami, Beliefs, Christianization

REFERENCES

1. Volkov N. N. *Rossiyskie saamy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Russian Sami. Historical and ethnographic essays] / Chief-editors Ch. M. Taksami, L.-N. Lasku. St. Petersburg, Kautokeino, Dieđut 1 Publ., 1996. 109 p.
2. Volkov N. N. *Sekta skoptsov* [The sect of the Skoptsy] / Chief-editor N. M. Matorin. Leningrad, Priboy Publ., 1931. 168 p.
3. Volkov N. N. *Skopchestvo i sterilizatsiya (istoricheskiy ocherk)* [Skopchestvo and sterilization (historical essay)] / Chief-editor I. I. Meshchaninov. Leningrad, AN SSSR Publ., 1936. 136 p.
4. Reshetov A. M. Repressed ethnography. People and Fates (Part 1) [Repressirovannaya etnografiya. Ludi i sud'by (Chast' 1)]. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi*. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 1994. Vol. 4. P. 185–221.
5. Reshetov A. M. Repressed ethnography. People and Fates (Part 2) [Repressirovannaya etnografiya. Lyudi i sud'by (Chast' 2)]. *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi*. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 1994. Issue 5–6. P. 342–368.

Поступила в редакцию 15.03.2017

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ПАТРАШ

аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета, Псковский государственный университет (Псков, Российская Федерация)
npatrash@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ МИРОВОГО СУДА ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 ГОДУ

На примере Псковской губернии рассмотрена практика восстановления мировой юстиции в период существования Временного правительства. В ходе изучения архивных материалов выявлено, что в Псковской губернии в период воссоздания мирового суда был введен институт временных мировых судей. Рассмотрен вопрос соотношения количества временных мировых судей и штатного расписания мировых судей, которые должны были быть избраны по закону от 4 мая 1917 года «О временном устройстве местного суда». Анализируется проблема обеспеченности кадрового состава временных мировых судей. Автор уделяет особое внимание трудностям, с которыми сталкиваются органы Временного правительства при реализации судебных преобразований на территории Псковской земли: нехватка кадров, низкий уровень оплаты труда. Как итог этих процессов в суде начинают принимать участие в качестве ассистентов местные жители. Автор приходит к выводу о сложности и незавершенности процесса организации мирового суда на территории губернии, который был прерван приходом к власти Советов.

Ключевые слова: мировой суд, временный мировой судья, земский участковый начальник, Псковская губерния, Временное правительство, 1917 год

К проблеме изучения института мирового суда исследователи обращаются с момента его образования (вторая половина XIX века) до наших дней. Исследованием данного вопроса занимаются не только историки, но и юристы. Несмотря на то что мировой суд является актуальной и активно изучаемой темой исследований, в истории его существования и деятельности остаются малоизученные аспекты в общей системе функционирования данного института. В настоящее время имеется немного работ, посвященных изучению мирового суда в условиях Первой мировой войны и деятельности Временного правительства [1], [2], [3], [4], [6], [7], [8], [9]. Одним из пробелов в региональной истории мировой юстиции является деятельность в Псковской губернии в период существования Временного правительства. Данная проблема ранее не освещалась в научно-исследовательских работах. Сложность изучения истории мирового суда губернии заключается в плохой сохранности архивных документов. Часть из них находится в плохом физическом состоянии. В исследовании были также задействованы законодательные источники (законы, подзаконные акты), регулировавшие деятельность мирового суда; делопроизводственные документы, которые сосредоточены в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Псковской области (ГАПО), – приказы («Приказы об образовании временных судов в некоторых местностях»¹), циркуляры Министерства юстиции, постановления, справки, деловые переписки («Переписка о временных мировых судьях»², «Переписка о местных судебных учреж-

дениях по вопросу о введении в действие закона 4 мая 1917 года «О временном устройстве местного суда»³, официальные телеграммы, ведомости («Ведомости на выдачу содержания мировым судьям по уездам Псковской губернии»⁴). Архивные источники позволяют представить, в каких сложных условиях функционировала система местных судов в исследуемый период.

Мировой суд в Российской империи юридически был введен в 1864 году в ходе судебной реформы и просуществовал в первоначальном виде до 1889 года, то есть до момента замены его деятельностью института земских участковых начальников. Процесс введения мирового суда был продолжительным и в регионах вводился в разное время. В Псковской губернии, в силу того что Судебные уставы в округе Санкт-Петербургской судебной палаты, куда она и входила, вводились в течение 1866 года, принято считать именно этот год в качестве начала функционирования судебных институтов, в том числе и мирового суда. В результате контрреформ Александра III в Российской империи, в том числе в Псковской губернии, сложилась судебная система, в которой общие судебные установления функционировали на основе Судебных уставов 1864 года (судебные палаты и окружные суды), а местные суды, которые ранее были представлены мировыми судьями и съездом мировых судей, упразднились и были заменены судебно-административным органом – институтом участковых земских начальников, городскими судьями и уездными членами окружного суда. В подсистеме местных судов сохранялись лишь почетные мировые судьи.

Судебные полномочия земских начальников определялись полномочиями ликвидированных мировых судей по гражданским и уголовным делам. В административном отношении они осуществляли функцию контроля над волостным и сельским управлением, а также волостным судом. В годы реализации П. А. Столыпиным системы реформ изменения коснулись и функционирования судебных учреждений. В 1912 году был поднят вопрос о реформировании местного суда, однако возникла проблема восстановления мирового суда согласно закону от 15 июня 1912 года «О преобразовании суда в сельских местностях». В силу он вступил, как отмечает С. В. Лонская, лишь с 1 января 1914 года и только в 10 губерниях [5: 152], в число которых Псковская не входила. Поэтому на ее территории продолжал функционировать судебно-административный орган земских начальников. С началом Первой мировой войны Псковская губернская земская управа инициировала перед губернатором вопрос о восстановлении мирового суда, вследствие чего данная проблема обсуждалась в Министерстве юстиции. В своем представлении земская управа в ноябре 1914 года отмечала, что «вследствие развития хозяйственно-экономической жизни усложняются и гражданские отношения населения, почему наблюдается увеличение в местных судебных учреждениях тяжёлых дел»⁵. Далее указывалось, что в силу интенсивного расселения общинников на хутора число гражданских дел значительно увеличилось, в связи с чем земские начальники оказались перегружены работой и не способны регулировать жизнь населения. Земская управа видела выход в разгрузке функций земских начальников путем восстановления института мировых судей. Однако Министерство юстиции посчитало, что практическая реализация реформы местного суда на всем пространстве Российской империи была весьма затруднительной, поэтому она осуществлялась постепенно. Псковская губерния была отнесена к третьей очереди осуществления данных преобразований наряду с Московской, Смоленской, Санкт-Петербургской, Тверской, Тульской, Калужской, Рязанской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Самарской, Новгородской, Казанской⁶. Однако ввиду обстоятельств военного времени приведение в исполнение данного закона было отложено на один год согласно положению Совета министров от 16 октября 1914 года⁷. Вопрос восстановления суда не был решен и в последующие годы. Лишь с приходом Временного правительства возобновляются попытки воссоздания мирового суда. Так, в марте 1917 года на основании распоряжения правительства в Псковской губернии обсуждался вопрос о ликвидации института земских начальников и восстановлении мирового суда. По постановлению Временного правительства

от 4 мая 1917 года «О временном устройстве местного суда»⁸, для обеспечения правильного правосудия возникла необходимость восстановления данного института по закону от 15 июня 1912 года «О преобразовании суда в сельских местностях». Согласно представлению псковского губернского комиссара Временного правительства А. А. Беллена министру юстиции, на сентябрь 1917 года обстановка по вопросу об избрании и организации работы мировых судей была следующей: на основании постановления от 4 мая 1917 года в Псковском уезде вместе с г. Псковом должно было быть избрано 13 участковых и 2 добавочных мировых судей⁹. Законом «О волостном земском управлении» от 21 мая 1917 года г. Псков был выделен из уезда в самостоятельную земскую единицу. На основании ст. 2 отделения III постановления Временного правительства от 25 мая 1917 года о производстве выборов губернских и уездных земских гласных в городах¹⁰, заведение земскими делами в г. Пскове должно было возлагаться на городское общественное управление, при этом Псковская городская дума пользовалась правами и несла обязанности уездного земского собрания, а городская управа – обязанности уездной земской управы¹¹. В силу выделения г. Пскова в отдельную земскую единицу городское общественное управление заведовало земскими делами города; на основании ст. 14 отдела III закона от 15 июня 1912 года «О преобразовании суда в сельских местностях» Псковская городская дума определяла количество участковых и добавочных мировых судей, а также почетных. Но во время издания постановления от 4 мая 1917 года не было осуществлено выделение города в самостоятельную единицу, отсюда названное постановление содержало лишь общее количество должностей участковых и добавочных мировых судей совокупно с относящимися к ним уездами¹². К тому же в расписании мировых судей по постановлению не была учтена единица председателя мирового съезда¹³, что необходимо было иметь в виду при формировании съезда. Кроме того, в представлении губернского комиссара городская дума имела право образовывать вполне отдельный от уезда самостоятельный мировой съезд в составе, предусмотренном ст. 16 закона от 4 мая 1917 года¹⁴. Однако первый департамент Министерства юстиции в октябре 1917 года внес некоторые разъяснения по данной проблеме. Согласно постановлению от 5 сентября 1917 года об изменении и дополнении постановления «О временном устройстве местного суда», во-первых, число участковых и добавочных мировых судей в городах, выделенных в самостоятельную земскую единицу, в том числе и в Пскове, определялось соглашениями общественных управлений городов с подлежащими уездными земскими собраниями из общего количества указанных

должностей, предусмотренного постановлением от 4 мая 1917 года. Во-вторых, в случае отсутствия таких соглашений распределение должностей участковых и добавочных мировых судей между городами и их уездами производилось Министерством юстиции. В-третьих, Псковская городская дума не обладала правом образования

отдельного для г. Пскова мирового съезда, так как он не был предусмотрен¹⁵. Из постановления, в котором указано расписание должностей участковых мировых судей в губерниях, где по закону 1912 года не был восстановлен мировой суд, видно, что в Псковской губернии должно было быть избрано 79 должностей¹⁶ (таблица).

Соотношение мировых судей и земских начальников, конец XIX века – 1917 год (количество человек)¹⁷

Уезды	Мировые судьи на 1888 год	Земские начальники на 1913 год	Участковые мировые судьи в соответствии с расписанием по положению от 4 мая 1917 года	Временные мировые судьи на октябрь 1917 года по факту
Псковский	5	6	13	5
Порховский	5	7	13	1
Островский	4	5	8	5
Опочецкий	4	5	9	3
Великолукский	3	5	9	5
Новоржевский	3	4	9	2
Холмский	4	5	9	3
Торопецкий	3	5	9	3
Всего	31	42	79	27

Необходимо отметить, что такое количество было довольно внушительным, учитывая сложную и беспокойную обстановку в государстве, которая отражалась на кадровом обеспечении судебных учреждений, особенно если мы говорим о Псковской губернии, территориально близкой к военным и революционным событиям. В то же время такое количество необходимых судей было несоизмеримо даже с тем числом мировых судей, которые действовали еще до их ликвидации, – на момент 1888 года их насчитывался 31 человек¹⁸. Даже после учреждения института земских начальников штатное количество не изменилось кардинально, так как в губернии состояло 42 земских начальника¹⁹. Поэтому политика увеличения штата мировых судей практически в два раза была несопоставима даже с тем количеством мировых судей или земских начальников, которые функционировали до момента их ликвидации. М. В. Черник обращает внимание на то, что по новому постановлению в Астраханской губернии также следовало значительное увеличение количества судей (в три раза), в то время как в пореформенный период в России в силу нехватки кадрового обеспечения мирового суда модель мировой юстиции имела черту «полупрофессионализма» [9: 387]. Отсюда возникала проблема кадровой обеспеченности суда и качества правосудия, которое вершил мировой суд.

После издания постановления от 4 мая 1917 года институт мировых судей в Псковской губернии не был введен ввиду того, что уездные земские собрания не были еще преобразованы на

«широких демократических началах»²⁰, а, как отмечал губернский комиссар в августе 1917 года, «мировых судей еще в губернии нет, так как Земские Собрания не пожелали пока воспользоваться правом, предоставленным п. 4 отдела VI закона 4 мая 1917 года, и не приступили к производству выборов...»²¹. На основании данных обстоятельств судебные функции были возложены на временных мировых судей.

В 1917 году в судебной системе Российского государства существовало несколько понятий, связанных с мировым судом, – это «временный суд» и «временный мировой суд». Так называемый временный суд был образован по приказу Временного правительства от 3 марта 1917 года в составе трех членов: мирового судьи (в качестве председателя) и по одному представителю от армии и рабочих²². М. С. Раввич отмечал, что эти суды были учреждены по данному приказу лишь «в одном крупном городе – Петрограде и десяти мелких»²³. Временные суды упразднялись со дня вступления в должность мировых судей в соответствующих местностях²⁴ по постановлению Временного правительства от 4 мая 1917 года «О временном устройстве местного суда». В Псковской губернии приказ от 3 марта 1917 года реализован не был. Возможно, это было связано с тем, что в марте 1917 года был ликвидирован институт земских начальников и судебные функции практически сразу (с апреля) в уездах губернии начали исполнять временные мировые судьи.

По данным, предоставляемым Псковским губерньским комиссаром в Министерство юстиции, в губернии было не более половины нужного

количества временных мировых судей («есть уезды, где всего 2–3 судьи вместо 5–6»²⁵), население было «фактически лишено суда»²⁶. К августу 1917 года временных мировых судей в Псковской губернии числилось 26, из которых 14 были назначены в апреле, 6 – в мае, 2 – в июне и 4 – в июле²⁷. Данное количество судей было крайне небольшим. Одной из причин такого положения являлось маленькое содержание, которое они получали, – 2800 руб. в год по закону от 15 июня 1912 года. Временный мировой судья Торопецкого уезда И. Н. Соловьев, который заведовал 3-м участком, в августе 1917 года сообщал, что в силу того, что в уезде имелось всего два временных судьи, он не мог принять дела и заведование 5-м участком от бывшего земского начальника, так как он не имел средств для перевода дел, а также по причине «несвоевременного получения содержания»²⁸ находился в крайне затруднительном положении. Временный мировой судья Новоржевского уезда П. П. Орловский в сентябре 1917 года отмечал, что положение судей и их секретарей «ввиду несвоевременного получения содержания при быстро возрастающей дороговизне и необходимости запастись на зиму разного рода продуктами, делается самым безвыходным»²⁹, особенно это касалось секретарей. Таким образом, проблема финансирования временных мировых судей постоянно поднималась губернским комиссаром в Министерстве юстиции. В частности, он ходатайствовал о выделении средств, предусмотренных на содержание мировых судей по закону от 4 мая 1917 года. Однако ответ на подобного рода просьбы был отрицательным, так как эти средства должны «быть полностью сохранены(ы) для будущих мировых судей и переданы(ы) в распоряжение будущих председателей съезда мировых судей»³⁰.

В условиях сложившейся обстановки обеспечения губернии временными мировыми судьями особо критической была ситуация с кадрами в Порховском уезде. По данным местного продовольственного комитета, первоначально в уезде происходили захваты земельной собственности, а в последующее время – покосов, порубка леса. Для устранения такой ситуации, которая влекла за собой полную разруху и разорение сельских хозяйств, в результате чего люди лишались земли, покосов, лесных угодий, инвентаря, единственным выходом уездный комиссар видел учреждение мирового суда, который «мог бы предупредить и вразумить нарушителей и захватчиков чужого достояния»³¹. Как доносил 27 августа 1917 года Исполнительный комитет губернского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Псковскому губернскому комиссару Временного правительства, по причине отсутствия судей дела поступали в комитет, но так как он не являлся судебной инстанцией, то не мог оказывать помощь населению в данной

области. Комитетом отмечалось, что были примеры, когда за неимением судьи гражданское дело решалось по большинству голосов жителей деревни, в ходе которого голосовали и свидетели, и лица заинтересованные, и совершенно посторонние, что способствовало развитию самоуправства и своеволия³². В области уголовного судопроизводства отсутствие суда вызвало практику самосудов среди населения. Губернский комиссар отмечал причину такой ситуации – «невозможность найти соответствующих лиц, желающих занять должность Временного Судьи по Порховскому уезду»³³. Порховский уездный комиссар указывал на необходимость наличия в уезде «шести участков мировых судей, по числу бывших земских начальников»³⁴. 21 июля 1917 года единственным временным мировым судьей в уезде был назначен И. И. Рябов, старший кандидат на судебные должности при Псковском окружном суде³⁵.

Некоторые из лиц, которые могли занять должность временного мирового судьи по определенным требованиям к полу, возрасту, уровню образования или наличию стажа службы в судебных учреждениях, выдвигали дополнительные условия, как, например, А. Ю. Элерц, присяжный поверенный, который изъявил желание быть судьей только при условии его назначения на пригородный участок, чтобы была возможность иметь квартиру в г. Пскове. Помощник присяжного поверенного А. В. Проников также согласился стать судьей Псковского уезда лишь в районе, примыкающем к г. Пскову³⁶.

Псковский губернский комиссар в июле 1917 года также отмечал, что судебная власть на местах встречала затруднения как по недостатку судебного персонала, вследствие чего многие судебные участки были не замещены временными мировыми судьями, так и по тому, что само отправление правосудия при повышенном настроении народных масс в переходное от одного правопорядка к другому время для судьи, живущего в провинции, представляло особые трудности. Поэтому в одном из уездов Псковской губернии, а именно в Великолукском, был установлен порядок избрания в каждой волости двух лиц из местных жителей, которые участвовали при рассмотрении временным мировым судьей дел по определенной волости в качестве ассистента судьи. Далее губернский комиссар указывал, что наличие такого рода ассистентов «значительно облегчает судебную деятельность временных [мировых] судей, внося как большую осведомленность самого судьи с житейскими условиями и взаимоотношениями жителей данной местности, так и более спокойное отношение, большее доверие к судебным решениям, а вместе с тем облегчает подыскание кандидатур, желающих занять должность судьи»³⁷. В то же время Министерство юстиции не создавало препятствий в осуществлении такого

порядка, к тому же размер вознаграждения ассистентам, по мнению министерства, определялся, как и членам мирового суда, по постановлению от 4 мая 1917 года. Включение ассистентов в осуществление правосудия на уровне местного суда в Псковской губернии можно рассматривать как новацию в модернизации мирового суда.

В связи с тем что процесс ликвидации института земских участковых начальников и передача их судебных функций временным мировым судьям (до выборов мировых судей) требовал определенного времени, Временное правительство признавало возможным временно сохранить за земскими начальниками своих функций до преобразования местного суда с целью оказания правосудия, «исключая тех лиц в их составе, которые не отвечают новому строю...»³⁸. В то же время Псковский комитет общественной безопасности находил нежелательным назначать бывших земских начальников временными мировыми судьями³⁹. Однако, несмотря на это, временными мировыми судьями Псковской губернии назначались земские начальники, что являлось довольно распространенной практикой и в других губерниях.

Финансовое обеспечение временных мировых судей Псковской губернии решалось следующим образом: содержание и канцелярские деньги судьям выдавались из кредитов земских участковых начальников, которые должны были пополняться особым ассигнованием по требованию. Для данной категории судей имущественный ценз не требовался, образовательный же был не ниже среднего, при отсутствии такого допускались лица, которые имели определенный опыт предыдущей службы⁴⁰. Каждое лицо, назначенное в первый раз в должность судьи, как и в дореволюционный период, должно было присягнуть Временному правительству в публичном заседании отделений окружного суда⁴¹. В условиях Первой мировой войны остро стоял вопрос мобилизации населения, в том числе и судебных служащих. В силу этого в отношении воинской повинности временным мировым судьям предоставлялась льгота, как и городским судьям.

При производстве судебных дел временные мировые судьи руководствовались правилами, установленными для института земских участковых начальников. Как указывал губернский комиссар, до преобразования местного суда по постановлению от 4 мая 1917 года была установлена следующая структура организации: апелляционной инстанцией для судебных дел, как рассмотренных в первой инстанции бывшими земскими начальниками, но не рассмотренных еще уездным съездом, так и тех, которые были разрешены временными мировыми судьями, был уездный съезд временных судей; кассационной инстанцией являлось Псковское губернское присутствие. Судебное присутствие съезда

временных судей образовывалось из временных участковых судей, городских судей, почетных мировых судей и уездного члена окружного суда, который являлся председательствующим этого учреждения. Обязанности секретаря такого съезда исполнял прежний секретарь, поэтому канцелярия съезда временных судей не выделялась в особую часть канцелярии⁴².

Затрагивая вопрос секретарей временных мировых судей, интересно отметить, что, несмотря на то что уже в положении от 4 мая 1917 года указывалось на возможность вступления в должность не только мужчин, но и женщин, среди временных мировых судей в губернии лиц женского пола не наблюдалось, однако среди секретарей такая тенденция прослеживалась. Так, в Псковском уезде при временных мировых судьях на должности секретарей были назначены А. А. Богушевская, Н. И. Горячковская, Л. В. Сафронова, В. Д. Семенова, А. С. Некрасова, Е. А. Сафонова; Великолукском – П. Я. Фельтман, А. А. Бельская, М. Ф. Тваровская, А. Д. Янисон; Торопецком – А. Н. Соловьева; Порховском – Е. В. Рябова⁴³. Из представленных фамилий видно, что вовлечение женщин в службу при судебных учреждениях являлось уже не единичным случаем, а довольно многочисленным, например, в Великолукском уезде из 5 секретарей временных судей 4 являлись представительницами женского пола. Любопытно отметить и то, что фамилии некоторых судей и секретарей были идентичными, например П. Г. Горячковский и Н. И. Горячковская, Д. А. Богушевский и А. А. Богушевская, И. Н. Соловьев и А. Н. Соловьева, Е. В. Семенов и В. Д. Семенова, Л. Я. Сафонов и Е. А. Сафонова, И. И. Рябов и Е. В. Рябова. Отсюда выявляется одна из особенностей временного мирового суда – семейственность, заключавшаяся в замещении должностей родственниками.

По причине того, что временных мировых судей в Псковской губернии было недостаточно, вставал вопрос о возможности одними и теми же лицами занимать государственные должности или находиться на общественной службе. Губернский комиссар в июле 1917 года напомнил председателям уездных съездов Псковской губернии, что должностные лица судебных ведомств были не вправе занимать другие должности как по судебному, так и по другим ведомствам или на общественной службе. В силу этого все назначенные на должность временных мировых судей лица должны были оставить занимаемые ими должности в других ведомствах или организациях, в противном же случае они от должности мировых судей освобождались⁴⁴. Но уже в августе того же года, «в виду недостатка Временных Судей», Временное правительство разрешало одновременно занимать разные должности при условии, если судья при службе по другим ведомствам будет иметь право на получение

содержания от казны лишь по одной из должностей. Однако временный мировой судья, занимающий платную должность на какой-либо общественной службе, имел право на получение содержания и по общественной службе, и по должности судьи⁴⁵.

Неоднозначная ситуация в отношении временных мировых судей сложилась в Холмском уезде. Из выписки журнала Чрезвычайного Холмского уездного земского съезда от 6 июня 1917 года следовало, что собрание, «будучи демократизировано только частично и потому являясь недостаточно правомочным, не может взять на себя нравственной ответственности за выборы на трехлетие»⁴⁶. В связи с этим в Холмском уезде были произведены выборы временных мировых судей. Необходимо отметить, что земское собрание стремилось избрать количество судей согласно расписанию по закону от 4 мая 1917 года, то есть 9 участков мировых судей, но содержания на тот момент было лишь на 6 временных мировых судей и 2 кандидатов⁴⁷. Однако из архивных источников следует, что указанное количество временных мировых судей избрано не было. К ноябрю 1917 года осуществляли правосудие лишь 4 судьи. В силу неполноты имеющихся архивных данных остается не совсем ясной ситуация с одним из указанных кандидатов на должность временного мирового судьи – Клавдием Ивановичем Соловским. Из материалов его личного дела известно, что в декабре 1917 года, будучи городским судьей г. Холм, он сообщал в Великолукский окружной суд о том, что Холмским земским собранием был избран на должность мирового судьи Холмского мирового округа, а Собранием мировых судей – председателем Холмского мирового съезда⁴⁸. Данные факты могут свидетельствовать о том, что в Холмском уезде в декабре 1917 года были проведены выборы мировых судей по закону от 4 мая 1917 года. Подобного рода сведения по другим уездам Псковской губернии в архивных материалах отсутствуют.

Деятельность временных мировых судей Псковской губернии, судя по данным ведомостей на выдачу содержания мировым судьям, продолжалась вплоть до декабря 1917 года. Таким образом, они продолжали еще функционировать некоторое время после принятия Декрета о суде № 1 от 22 ноября 1917 года, по которому деятельность мировых судов была приостановлена. Однако все их судебные дела были закончены местным народным судом в 1918 году. Отсюда установить даже условную дату прекращения их функционирования довольно сложно.

Характеризуя в целом ситуацию с функционированием местных судов в Псковской губернии в 1917 году, стоит обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, реформа местной

судебной системы проводилась Временным правительством в крайне нестабильных условиях переходного периода, что отражалось на всех уровнях жизни государства. Во-вторых, принимаемые Временным правительством положения и законы отличались поспешностью, что вызывало массу телеграмм с мест, направляемых в Министерство юстиции, в которых просили разъяснить или уточнить те или иные вопросы⁴⁹. Необходимо учитывать, что ответные комментарии требовали определенного времени, что тормозило судопроизводство и сказывалось на жизни Псковской губернии. В-третьих, нестабильная ситуация на местах часто оборачивалась анархией. Отсюда в переписке местных судебных учреждений или местной власти с высшими судебными органами можно встретить подобного рода замечания: «Псковский городской комитет общественной безопасности ввиду увеличения количества судебных дел и наличия в городе одного лишь городского судьи... просит срочно разрешить введение в Пскове временных [мировых] судов»⁵⁰. На страницах периодической печати 1917 года все чаще появлялись факты увеличения практики самосудов в Псковской губернии: «...под влиянием анархии, усугубленной действиями самочинных организаций и комитетов, население перестает верить в силу государственного суда... И вот народ, лишенный суда и изверившись в его силе, начинает сам творить расправу, и самосуд приобретает характер явления народной воли над преступником»⁵¹. В-четвертых, дефицит квалифицированных кадров, необходимых для обеспечения состава временных мировых судей в Псковской губернии, вынуждал назначать в их число бывших земских начальников, несмотря на официальную ликвидацию института и рекомендации Псковского комитета общественной безопасности.

Таким образом, мировой суд в Псковской губернии в 1917 году в том виде, в котором предписывал закон от 15 июня 1912 года, восстановлен не был. Причины данного обстоятельства, на наш взгляд, заключались в тяжелой политической ситуации в губернии, осложненной почти сразу же противостоянием на местах органов Временного правительства и Советов, нехватке опытных кадров в связи с военными событиями. Постановление Временного правительства от 4 мая 1917 года, предусматривающее восстановление мирового суда по закону от 15 июня 1912 года, в Псковской губернии реализовывалось лишь через назначение временных мировых судей. Поскольку они фигурируют в архивных источниках с апреля 1917 года, то есть до издания постановления от 4 мая 1917 года, можно говорить о том, что это были лишь временные судебные должностные лица, исполняющие обязанности бывших земских начальников.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 1367.
- ² РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 17290, 17291.
- ³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1022.
- ⁴ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 10.
- ⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 986. Л. 28.
- ⁶ Там же. Л. 1, 1об.
- ⁷ Там же. Л. 34.
- ⁸ Постановление Временного правительства от 4 мая 1917 г. «О временном устройстве местного суда» // Вестник Временного правительства. 1917. № 51 (97). С. 1–2.
- ⁹ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 10. Л. 66.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1025. Л. 15.
- ¹¹ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 10. Л. 66.
- ¹² РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1025. Л. 15об.
- ¹³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1022. Л. 37об.
- ¹⁴ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 10. Л. 66.
- ¹⁵ Там же. Л. 67.
- ¹⁶ Там же. С. 2.
- ¹⁷ Таблица составлена автором на основе: Памятная книжка Псковской губернии на 1888 г. С. 62, 80, 95–96, 105, 117, 133, 147, 158; Памятная книжка Псковской губернии на 1913 г. С. 18–19, 171–172, 208–209, 243–244, 272–273, 313–314, 347–348, 380–381; Положение от 4 мая 1917 г. «О временном устройстве местного суда» // Вестник Временного правительства. 1917. 9 (22) мая. № 51 (97). С. 1–2; ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 1. Л. 204.
- ¹⁸ Памятная книжка Псковской губернии на 1888 г. Псков: Типография губернского правления, 1888. С. 62, 80, 95–96, 105, 117, 133, 147, 158.
- ¹⁹ Памятная книжка Псковской губернии на 1891 г. Псков: Типография губернского правления, 1891. С. 189.
- ²⁰ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 1. Л. 132.
- ²¹ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 10. Л. 63.
- ²² Об образовании временных судов в Петрограде. Приказ Министра юстиции // Право. 1917. № 8. Стб. 446.
- ²³ Раввич М. С. Временные суды // Право. 1917. № 17. Стб. 971.
- ²⁴ Там же. Л. 390.
- ²⁵ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 1. Л. 6.
- ²⁶ Там же. Л. 132об.
- ²⁷ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 10. Л. 63.
- ²⁸ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 1. Л. 170об.
- ²⁹ ГАПО. Ф. Р-745. Оп. 1. Д. 48.
- ³⁰ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 1. Л. 177об.
- ³¹ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 10. Л. 449.
- ³² Там же. Л. 64.
- ³³ Там же. Л. 65.
- ³⁴ Там же. Л. 449.
- ³⁵ Там же. Л. 65.
- ³⁶ Там же. Л. 71, 78.
- ³⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1022. Л. 115, 115об.
- ³⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1020. Л. 156.
- ³⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 17291. Л. 26.
- ⁴⁰ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 10. Л. 7.
- ⁴¹ Там же. Л. 16.
- ⁴² Там же. Л. 53, 190.
- ⁴³ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 1. Л. 35об., 102об., 110об., 123, 317.
- ⁴⁴ Там же. Л. 54.
- ⁴⁵ Там же. Л. 55.
- ⁴⁶ ГАПО. Ф. 78. Оп. 11. Д. 10. Л. 416.
- ⁴⁷ Там же. Л. 416об.
- ⁴⁸ ГАПО. Ф. 624. Оп. 2. Д. 105. Л. 155.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1020; Оп. 545. Д. 17290, 17291, 17293.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1020. Л. 78.
- ⁵¹ Самосуд // Псковская речь. 1917. 18 октября. № 24. С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулин Р. С. Судебное управление в период Временного правительства (февраль – октябрь 1917 года) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 4. С. 69–76.
2. Демичев А. А. Судебная политика Временного правительства // Энциклопедия права. 2013. № 1. С. 30–39.
3. Жильцов С. В. К вопросу об изменении статуса мирового суда в период русских революций (1905–1917 гг.) // Вестник Волжского университета. 2009. № 71. С. 182–196.
4. Калякин О. А. Мировая юстиция между двух революций (февраль 1917 г. – ноябрь 1918 г.) // Мировой судья. 2016. № 5. С. 8–12.
5. Лонская С. В. Мировая юстиция в России. Калининград: Калининградский гос. ун-т, 2000. 215 с.
6. Лонская С. В. Мировые и волостные суды Российской империи на пути к единству // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 9. С. 7–14.
7. Лонская С. В. Очерки истории мировой юстиции Российской империи (1864–1917 гг.). М.: Юрлитинформ, 2013. 164 с.
8. Тетухин И. Н. Институт мировых судей и особенности его введения в Тамбовской губернии // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. Т. 46. № 3–2. С. 19–21.
9. Черник М. В. Мировая юстиция при Временном правительстве в 1917 году: попытка трансформации (на материалах Астраханской губернии) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4. С. 384–389.

Patrash N. V., Pskov State University (Pskov, Russian Federation)

TO THE QUESTION OF MAGISTRATE'S COURT REGAINING IN PSKOV PROVINCE IN 1917

On the case of Pskov province, the practice of Magistrate's court regaining in the period of Provisional Government ruling is researched. During the study of archival materials it was revealed that in Pskov province, in the period of regaining the Magistrate's court, the institute of temporary magistrate judges was introduced. A question of numerical proportion of temporary magistrate judges and the staff schedule of magistrate judges, who had to be elected under the law from the 4th of May, 1917 "On the temporary structure of local courts", is considered. The problem of security of personnel staff of temporary magistrate judges is analyzed. The author pays special attention to the difficulties that the bodies of Provisional Government were facing while implementing judicial transformations on the territory of Pskov land: the lack of staff and low paid wages. As a result, the locals began to take part in the procedures as assistants. The author comes to a conclusion of complexity and incompleteness of the Magistrate's court organization on the territory of the province, which was interrupted by the coming of the Soviets.

Key words: the Magistrate's court, the temporary magistrate judges, the clerk of the head of districts, Pskov province, the Provisional Government, the year 1917

REFERENCES

1. Abdulin R. S. Judicial Department in the period of Provisional government (February – October 1917) [Sudebnoe upravlenie v period Vremennogo pravitel'stva (fevral' – oktyabr' 1917 goda)]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2014. № 4. P. 69–76.
2. Demichev A. A. Judicial policies of Provisional government [Sudebnaya politika Vremennogo pravitel'stva]. *Entsiklopediya prava*. 2013. № 1. P. 30–39.
3. Zhil'tsov S. V. To the question of status changing of magistrate's courts during the Russian revolution (1905–1917) [K voprosu ob izmenenii statusa mirovogo suda v period russkoy revolyutsii (1905–1917 gg.)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*. 2009. № 71. P. 182–196.
4. Kalyakin O. A. The Global justice between two Revolutions (February 1917 – November 1918) [Mirovaya yustitsiya mezhdu dvukh revolyutsiy (fevral' 1917 g. – noyabr' 1918 g.)]. *Mirovoy sud'ya*. 2016. № 5. P. 8–12.
5. Lonskaya S. V. *Mirovaya yustitsiya v Rossii* [World justice in Russia]. Kaliningrad, Kaliningradskiy gos. universitet Publ., 2000. 215 p.
6. Lonskaya S. V. The world and township courts of the Russian Empire on the path to unity [Mirovye i volostnye sudy Rossiyskoy imperii na puti k edinstvu]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 2013. № 9. P. 7–14.
7. Lonskaya S. V. *Ocherki istorii mirovoy yustitsii Rossiyskoy imperii (1864–1917 gg.)* [Essays on the history of global justice of the Russian Empire (1864–1917 gg.)]. Moscow, YurLitinform Publ., 2013. 164 p.
8. Tetyukhin I. N. The institute of magistrate judges and features of its introduction in Tambov province [Institut mirovykh sudey i osobennosti ego vvedeniya v Tambovskoy gubernii]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2006. T. 46. № 3–2. P. 19–21.
9. Chernik M. V. The world justice in case of Interim government in 1917: transformation attempt (based on materials of Astrakhan province) [Mirovaya yustitsiya pri Vremennom pravitel'stve v 1917 godu: popytka transformatsii (na materialakh Astrakhanskoy gubernii)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2012. № 4. P. 384–389.

Поступила в редакцию 12.10.2016

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ШТЫКОВА

соискатель кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
iantipenko@gmail.com

ПО СЛЕДАМ НЕОСТЫВШЕЙ ПАМЯТИ: ПРОЕКТЫ ВОЕННЫХ МЕМОРИАЛОВ В КАРЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х ГОДОВ

Завершение Великой Отечественной войны и освобождение территорий СССР позволило скульпторам и художникам не только обсуждать проекты военных мемориалов в рамках архитектурных конкурсов, как это было в 1941–1945 годах, но появилась возможность воплотить их в жизнь. Во второй половине 1940-х годов в Карелии было запланировано возведение трех крупных мемориальных сооружений. Среди них – проект восстановления и архитектурного оформления части такого значимого водного пути, как Беломорско-Балтийский канал. Однако не все запланированные объекты увидели свет. На основе материалов фондов Национального архива и Национального музея Республики Карелия рассматриваются реализованные и нереализованные проекты монументальных сооружений, посвященных Великой Отечественной войне, возведение которых которых предполагалось на территории республики в первые послевоенные годы. Анализируются причины, по которым строительство оказалось невозможным, а также развитие мемориального пространства Карелии в последующие годы.

Ключевые слова: военные мемориалы, Великая Отечественная война, Карело-Финская ССР, Беломорско-Балтийский канал

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о создании памятников, посвященных военным событиям, решался в СССР в то время, когда боевые действия Великой Отечественной войны были еще в самом разгаре. В 1942–1945 годах в Москве и Ленинграде проводились архитектурные конкурсы, на которых представлялись проекты будущих памятников. В это время была сформулирована основная тематика проектов, разработаны формы увековечения памяти. Художники и скульпторы представляли множество вариаций надгробий для индивидуальных и братских захоронений, временных триумфальных сооружений и монументов. Они были призваны увековечить память о солдатах, офицерах, партизанах, героях и значимых событиях войны. В силу особенности времени проекты существовали только в рамках конкурсов, выставок и совещаний, которые проводились творческими и научными организациями [4: 6–24]. Лишь немногие из них оказались опубликованными на страницах специализированных газет и журналов.

Победа определила триумфальный тон будущих монументов. Несмотря на накопленный творческий багаж, архитекторы не могли дать четкого ответа, каким быть памятнику, увековечивающему это событие. Советский архитектор С. Д. Меркулов считал, что в монументальном образе победы необходимо отразить героизм, мощь и силу советского народа, «в граните и бронзе должен звучать в веках пафос нашей эпохи, одаренный гением величайшего из великих И. В. Сталина»¹. Мастерам представлялся не просто памятник, а величественное сооружение или целый архи-

тектурный комплекс, увенчанный грандиозными скульптурами и барельефами. И хотя на тот момент конкретные черты самого образа виделись нечетко, становилось ясно, что событие осмыслялось мощными, грандиозными категориями.

Мемориальные сооружения проектировались повсеместно. Не стала исключением и Республика Карелия, тогда Карело-Финская ССР (КФ ССР). В конце сентября 1944 года прошли последние бои за освобождение региона, а уже в начале декабря этого же года было издано постановление о создании памятников на территории Карелии.

Проекты сооружений обсуждались на заседаниях Управления по делам архитектуры КФ ССР и Республиканской комиссии по созданию и охране памятников Великой Отечественной войны и увековечению памяти героев, павших в боях за родину, при СНК КФ ССР. В них участвовали местные и столичные специалисты. В связи с этим сведения о монументах содержатся в материалах фондов Национального архива Республики Карелия, документах архива Национального музея, местной и центральной периодической печати.

Предполагалось установить три монумента на рубежах, особенно значимых для Карельского фронта, а именно в городе Петрозаводске, а также недалеко от города Медвежьегорска и деревни Кестеньги Лоухского района. Они претендовали стать тем, что французский историк П. Нора назвал «местами памяти» [6: 43] – местами, символически значимыми для мемориального наследия того или иного общества, составляющими основу его «культурной памяти» [5: 17].

Военные события не ушли в прошлое, оставаясь живой частью воспоминаний, поэтому судьба памятников вызвала горячие дискуссии. Перед художниками и архитекторами стояла задача посредством мемориальных сооружений превратить эту живую память поколения в культурную память советского общества. Поиск средств и способов художественного выражения монументального облика победы как нельзя лучше отразился в проектах памятников середины 1940-х годов.

Какой смысл вкладывали авторы в свои произведения? Каким должен был стать мемориальный ландшафт республики в первые послевоенные годы? Почему не все сооружения были воплощены в жизнь? Эти вопросы будут рассмотрены в статье.

СТОЛИЧНЫЙ ПАМЯТНИК ПОБЕДЫ

После войны Петрозаводск, как и большинство захваченных оккупантами городов, нуждался в восстановлении. В связи с этим разрабатывался новый генеральный план столицы республики, который был призван архитектурно связать центральные части города с Онежским озером. Особое внимание было уделено исторически сложившемуся центру Петрозаводска – соединенным проспектом К. Маркса площадям имени Кирова и 25 Октября.

В ноябре 1945 года Управление по делам архитектуры республики объявило закрытый конкурс по проектированию центра столицы республики. В нем приняли участие виднейшие архитекторы Москвы и Ленинграда, а также бригада петрозаводских архитекторов под руководством Д. С. Масленникова, назначенного в марте 1945 года начальником управления. Всего было предложено шесть проектов, среди которых была и работа А. П. Пажитнова, предусматривавшая установку памятника Победы на проспекте К. Маркса².

В рамках конкурса по договору с управлением был представлен проект монумента Великой Отечественной войны народного художника РСФСР скульптора М. Г. Манизера³, по проектам которого в Петрозаводске в 1933 году был создан гранитный монумент В. И. Ленину, а в 1936 году установлена бронзовая скульптура С. М. Кирова. Новый памятник должен был выражать идею мужественной защиты территории республики и «победы героической Красной армии и мощного партизанского движения». По задумке автора на внушительный пьедестал помещался обелиск – две скульптурные группы, символизирующие эти две освободительные силы. Имитировавший скальный рельеф постамент памятника перекликался с местными природными ландшафтами, отсылая зрителя к военной истории края. Кроме того, его планировалось украсить мемориальными досками с текстом приказа И. В. Сталина об освобождении Петрозаводска.

Таким образом подчеркивалось, кто заложил основу состоявшейся победы [2]. Проект грандиозного монумента выражал идею героической и триумфальной победы. Пятнадцатиметровое сооружение должно было получиться впечатляющим, а светлый камень, который планировалось использовать в строительстве, добавлял бы ноту радости к восприятию композиции. Такая задумка полностью вытесняла память о погибших, не оставляя места скорби. Подчеркивалось это и игнорированием расположенных рядом, на площади 25 Октября, реальных захоронений погибших солдат.

Проект М. Г. Манизера вызвал критику местных архитекторов. Огромный монумент предполагалось разместить в центре города, но сложившийся архитектурный ландшафт не давал той обозреваемости, на которую рассчитывал автор. Более того, сооружение не организовывало пространства вокруг себя. В эпоху ансамблевого градостроительства такое расположение представляло сложности для будущего проектирования. Несмотря на высказанные замечания, идея монумента была одобрена. Весной 1946 года проект утвердили Совет народных комиссаров Карело-Финской ССР и Управление по делам архитектуры при Совете народных комиссаров СССР. Летом этого же года начались подготовительные работы по строительству памятника, которые так и не были завершены⁴.

В состоявшемся конкурсе по архитектурному оформлению центра Петрозаводска победил проект Д. С. Масленникова, который не предполагал установку монумента. В соответствии с ним на проспекте К. Маркса в течение нескольких лет появились жилые дома и здания государственных учреждений. Но и этот проект не был реализован полностью: на площади Кирова так и не был построен Дом правительства, а реконструкция самой площади окончательно завершилась только в 1958 году⁵.

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКОГО КАНАЛА

В апреле 1946 года на заседании архитектурного совета при начальнике Управления по делам архитектуры и строительства Карело-Финской ССР в присутствии представителей местной власти рассматривался проект восстановления южного склона Беломорско-Балтийского канала. Его разработкой занимались сотрудники Гидропроекта Министерства внутренних дел СССР.

Восстановление разрушенной части Беломорско-Балтийского канала началось сразу же после освобождения оккупированной части республики летом 1944 года. Прием технических сооружений объекта состоялся в два этапа: условно – в 1946 году и окончательно – в 1947 году [3: 93].

На заседании, которое проходило в Петрозаводске весной 1946 года, обсуждался проект

преобразования архитектурного облика этого водного пути. Авторы представили чертежи оформления семи шлюзов «повенчанской лестницы». Элементами архитектурной композиции становились не только монументальные сооружения, но и технически необходимые объекты: маяк на молу в Онежском озере, здания механизмов на головах шлюзов. Основной идеей архитектурной реконструкции являлась идея «героической борьбы Красной армии и ее всемирно

исторической победы над фашистской Германией»⁶. Центром композиции должен был стать восемнадцатиметровый памятник И. В. Сталину, который предполагалось установить на первом шлюзе при входе в канал из Онежского озера. Пространственную перспективу для его восприятия должна была создать аллея с цветниками и клумбами, ведущая от поселка к монументу. Так создавалась видимость доступности прототипа скульптуры для обычных граждан (фото 1).

Фото 1. Перспектива первого шлюза Беломорско-Балтийского канала. Гидропроект ГУЛПС. Автор проекта – А. Я. Яковлев. Архитектура и строительство. 1946. № 21–22. С. 17

Военная тематика была представлена двумя монументами, расположенными выше по «повенчанской лестнице». На третьем шлюзе авторы задумали одиннадцатиметровый памятник Победы. На высокий ступенчатый постамент планировалось установить скульптурную группу, изображающую троих красноармейцев с гвардейским знаменем в руках⁷. Под ноги им брошено знамя поверженного врага. Один из воинов держал в руках оружие, другой – оповещал о победе. Памятник героям-защитникам канала на пятом шлюзе был решен в виде лаконичной стелы на постаменте (фото 2).

В центре седьмого шлюза, на водоразделе канала, предполагалось разместить бронзовый памятник куратору строительства Беломорско-Балтийского канала С. М. Кирову. Кроме того, территорию шестого и седьмого шлюзов планировалось озеленить и оформить архитектурно.

При обсуждении проекта члены архитектурного совета высказали ряд замечаний, среди них и те, в которых критиковались архитектурные сооружения. Например, некоторые члены совета не поддерживали неординарное решение авторов установить памятник Победы асимметрично, что нарушало бы строгую геометрию остального сооружения и делало монумент «случайным». Стела также вызвала ряд замечаний: верхушка и основание ее были «неуравновешенны», поэтому эти части проекта необходимо было доработать. Зато предлагалось установить мемориальную доску при входе в канал, чтобы еще раз подчеркнуть значимость и без того огромного монумента И. В. Сталина и завершить таким образом облик сооружения.

Фото 2. Проект памятника Победы, изображающий бойцов Советской армии, попирающих фашистское знамя, запланированный на Третьем шлюзе Беломорско-Балтийского канала. Скульптор – Н. В. Томский, архитектор – А. Я. Ковалев. Архитектура и строительство. 1946. № 21–22. С. 17

Идея архитектурного оформления Беломорско-Балтийского канала была выполнена в духе существовавших идеологических установок. Помещенная в центр композиции скульптура И. В. Сталина указывала на главного организатора Победы 1945 года. Воинские мемориалы выражали идею героической и триумфальной победы Красной армии, вытесняя личные воспоминания и переживания трагических событий войны. Предложенное решение монументов перекликалось с конкурсными проектами военного времени, а главная идея всего проекта была решена в соответствии со складывающимися представлениями об основных чертах памятников Победы. В связи с этим история строительства канала, к которой отсылала скульптура С. М. Кирова, представлялась торжественной и героической. Помпезный вид всего комплекса напоминал о великих свершениях социалистического строительства, вытесняя в область забвения их неприглядные стороны.

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА КАРЕЛИИ

Из всех предложенных к установке монументов появился только один. Памятник установили на 44-м километре дороги Лоухи – Кестеньга. Он должен был символизировать стойкость и мужество бойцов Красной армии, особенно ярко проявившиеся в начальный и завершающий периоды боевых действий на территории республики. Именно здесь в ноябре 1941 года после продолжительных боев враг был остановлен и не смог прорваться к Кировской железной дороге. Разработка и установка памятника производились в рекордно короткие сроки силами воинской части п/п 25280. Он был завершён уже в середине декабря 1944 года. При строительстве использовались простые и доступные материалы, в основном камень и бетон. У монумента было два

названия, которые встречались как в документах, так и в прессе: «Отечественная война» и «Памятник обороны». Учитывая архитектурный замысел и исполнение памятника, оба наименования можно признать правомерными.

Монумент имел суровый, внушительный, устрашающий вид: его высота составляла 11,5 метра, а ширина в плане – 28,5 метра. Конструкция памятника представляла собой перекрывающую шоссе железобетонную арку, опирающуюся на две колонны. Верх арки был увенчан бетонированным шпилем, который завершался пятиконечной звездой, обработанной под золото. Крылья памятника имели вид двух ДОТов. В качестве элементов оформления военные использовали орудия и боеприпасы: пятидесятимиллиметровые пушки, пулеметы МГ-34, артиллерийские снаряды. Все стволы пушек и пулеметов обращались на запад, в сторону противника. Западный фасад арки украшала крупная надпись «Отечественная война», выполненная из железобетонных букв высотой 50 сантиметров. На колонны были нанесены даты – 1941 и 1944, а также были прикреплены мемориальные доски, выкрашенные в красный цвет. Примечательно, что текст всех надписей на них был выполнен по указанию командира воинской части, которая занималась возведением монумента. На восточном фасаде арки в центре был помещен барельеф ордена «Отечественная война». Несмотря на то что работы по строительству памятника проводились силами военного подразделения из подручных средств в зимних условиях, качество работы было признано хорошим. Комиссия, принимавшая объект, признала памятник обороны Кестеньгского направления монументом, имеющим государственное значение. Более того, было вынесено решение о необходимости содержания его под охраной в соответствии с законодательством СССР⁸ (фото 3).

Фото 3. Дорога Лоухи – Тунгозеро – Ухта, 45-й км. 1954 год. Автор съемки: П. В. Беззубенко

Открытие памятника состоялось 20 декабря 1944 года. В честь этого события был проведен митинг, в котором участвовали представители

воинских частей, герои боев за освобождение Кестеньгского района, представители военного командования, а также представители райсовета,

райкома ВКП(б) и других организаций. Военнослужащие в своих выступлениях пообещали и в дальнейшем самоотверженно выполнять приказы Верховного главнокомандующего. В связи с тем что Великая Отечественная война еще не была закончена, открытие данного монумента имело глубокий мобилизационный подтекст, а именно – продемонстрировать готовность не только защищать свою родину, но и изгнать врага с ее территории.

Судьба этого памятника оказалась незавидной. При строительстве использовались недолговечные материалы, в результате уже в начале 1950-х годов ему понадобилась реставрация⁹. Предпринятых мер по приведению монумента в порядок оказалось недостаточно, поэтому вскоре монумент пришлось демонтировать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, первые послевоенные годы стали временем творческого и идеологического поиска средств и способов монументального увековечения победы в Великой Отечественной войне. Масштабность события нашла выражение в огромных размерах проектируемых сооружений. Основной тема-

тикой стали героизм и триумфальное завершение войны. Они вытесняли из восприятия зрителей личные воспоминания, горечь утраты и память о погибших. Особенностью времени стало обязательное упоминание, непосредственное или косвенное, «главного организатора Победы» И. В. Сталина.

Как видно на примере Карелии, воплотить в жизнь удалось не все задуманное. Некоторые проекты так и остались на бумаге. Строительство же монумента из подручного сырья путем мобилизации в военное время солдат стало более выполнимой задачей. Куда сложнее оказалось претворить в жизнь послевоенные проекты громадных мемориалов из долговечных материалов. Что стало главной причиной ослабления интереса к военным сооружениям: трудоемкость и высокая стоимость работ или охлаждение власти к победе и победителям в конце 1940-х годов? В 1948 году День Победы – 9 мая – перестал быть выходным днем. В центре праздничных торжеств были торжественные заседания на предприятиях и довольно скромные городские мероприятия, среди которых ритуалы поминовения в рассматриваемый период были на периферии или носили частный, приватный характер.

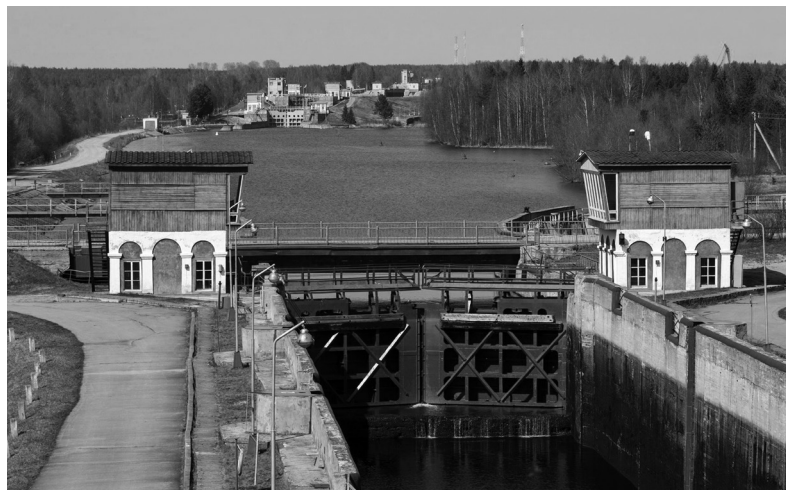

Фото 4. Панорама шлюзов «повенчанской лестницы» Беломорско-Балтийского канала. 2014 год.
Автор съемки: В. В. Голубев

Фото 5. Памятник на рубеже обороны, где было остановлено наступление захватчиков в 1941 году, 44-й километр трассы Лоухи – Кестеньга. 1970-е годы

Тем не менее периферийный характер указанные места памяти сохраняли лишь до поры до времени. В 1950-е годы повсеместно начали проводиться перезахоронения останков воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. Из заболоченных и отдаленных лесистых мест республики они переносились в братские могилы, располагавшиеся в самих населенных пунктах или недалеко от них. Так появились захоронения на 9-м шлюзе Беломорско-Балтийского канала и на 9-м километре шоссе Повенец – Пудож. В конце 1950-х годов на братских могилах появились хорошо узнаваемые скульптуры женщин и воинов, возлагающих венки на могилы павших героев.

После двадцатилетнего юбилея победы повсеместно стали появляться мемориалы, посвященные Великой Отечественной войне. В 1969 году

в дни празднования двадцатипятилетия освобождения республики в Петрозаводске на площади Ленина (так стала называться площадь 25 Октября) был открыт мемориальный комплекс Вечный огонь на Могиле Неизвестного Солдата, сооруженный рядом с братской могилой Героев Революции, Гражданской и Великой Отечественной войны, а в Лоухском районе, на месте арки Победы на рубеже обороны, в том же году было установлено 76-миллиметровое орудие, символизирующее героизм советских воинов, остановивших наступление армии противника (фото 4, 5). Эти мемориальные сооружения стали основой реконструкции памяти о Великой Отечественной войне в ходе ежегодных торжеств в День Победы, вновь ставший не просто выходным, а праздничным днем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Меркулов С. Памятник // Советское искусство. 1945. 10 мая. С. 3.
- ² Мищенко Г. Е. Конкурсные проекты центра Петрозаводска // Архитектура и строительство. 1946. № 19–20. С. 3–6.
- ³ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 1.
- ⁴ НА РК. Ф. 1394. Оп. 6. Д. 50/305. Л. 172.
- ⁵ Чиненов Р. Площадь Кирова // Благоустроим наш город. 1958. 4 апреля. С. 3.
- ⁶ НА РК. Ф. 2916. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 79–82.
- ⁷ Архитектура Беломорско-Балтийского канала имени И. В. Сталина // Архитектура и строительство. 1946. № 21–22. С. 17.
- ⁸ НА РК. Ф. Р–650. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–32.
- ⁹ Научный архив Национального музея Республики Карелия. Д. 4170. Л. 6–8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А. В. Изменение конфигурации пространства «мест памяти» о Великой Отечественной войне (на примере Петрозаводска) // История и культура страны-победительницы: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Самара, 2010. С. 191–201.
2. Волохова В. В. Память о войне в монументах Петрозаводска // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М.; СПб.: ИВИ РАН, 2007. С. 28–31.
3. Гнетнев К. В. Канал. Беломорско-Балтийский канал. 1993–2003. Петрозаводск: ПетроПресс, 2003. 225 с.
4. Малинина Т. Г. Тема памяти в архитектуре военных лет: по материалам конкурсов и выставок. М.: НИИ теории и истории изобразительных искусств, 1991. 215 с.
5. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Нора П. Франция – память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.

Shtykova I. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE FIRST STEPS IN MEMORIAL LANDSCAPE DEVELOPMENT: PROJECTS OF WAR MEMORIALS IN KARELIA IN THE SECOND HALF OF THE 1940s

Liberation of the USSR territories allowed sculptors and artists not only to discuss the projects of war memorials, like it was 1941–1945, but also to erect monuments. Back then, the Karelian government planned to establish three big memorials dedicated to the Great Patriotic War, including the reconstruction and redesign of the White Sea-Baltic Canal, a significant waterway for the north of the USSR. Not all of the proposed monuments were erected. The research is based on the documents found in the National archive and the National museum of the Republic of Karelia. The article describes both the implemented and unimplemented projects of war memorials in the republic of Karelia in the early postwar years. It analyses the reasons that made such construction impossible. Development of the war memorial landscape of Karelia in the following years is also considered.

Key words: war memorials, the Great Patriotic War, Karelian-Finnish SSR, the White Sea-Baltic Canal

REFERENCES

1. Antoschenko A. V. Reconfiguration of the landscape of “places of memory” of the Great Patriotic War in Petrozavodsk [Изменение конфигурации пространства “мест памяти” о Великой Отечественной войне (на примере Петрозаводска)]. *Istoriya i kul'tura strany-pobeditel'nytsy: k 65-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne*. Samara, 2010. P. 191–201.
2. Volokhova V. V. Perpetuating the memory of the war in Petrozavodsk [Pamyat' o voyne v monumentakh Petrozavodsk]. *Khronotopy voyny: prostranstvo i vremya v kul'turnykh reprezentatsiyakh sotsiyal'nogo konflikta*. Moscow, St. Petersburg, IVI RAN Publ., 2007. P. 28–31.
3. Gnetnev K. V. *Kanal. Belomorsko-baltiyskiy kanal. 1993–2003* [Channel. White Sea-Baltic Canal. 1993–2003]. Petrozavodsk, PetroPress Publ., 2003. 225 p.
4. Malinina T. G. *Tema pamyati v arkhitekture voennykh let: po materialam konkursov i vystavok 1942–45 gg.* [The theme of memory in wartime architecture: competitions and exhibitions of 1942–45]. Moscow, 1991. 215 p.
5. Assman J. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen]. Moscow, 2004. 368 p.
6. Nora P. *Frantsiya – pamyat'* [Leslieux de mémoire]. St. Petersburg, 1999. 328 p.

Поступила в редакцию 19.12.2016

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА КОШЕЛЕВА

аспирант кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
koshelevamasha@bk.ru

ИРМА ИВАНОВНА МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук, профессор кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
mullonen@sampo.ru

ФОРМА 1. ИНФИНИТИВА ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ «СТЯЖЕННЫХ» ГЛАГОЛОВ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ*

Предпринят исторический анализ формы 1. инфинитива вепсских глаголов с формантом *-ta*, который присоединяется к современной краткой гласной основе (*taba-ta*, *ope-ta*, *kai-ta*). Анализ ее, проведенный на общем прибалтийско-финском фоне, показывает, что краткая гласная основа в инфинитиве есть прежде всего результат фонетических изменений, происходивших в основе в результате присоединения показателя инфинитива: гласная основа преобразовывалась в согласную, а образовавшиеся в результате этого сочетания согласных на стыке согласной основы и инфинитивного показателя подвергались дальнейшему стяжению и фактически полной утрате конечного согласного (в ряде случаев согласных) согласной основы. Память о нем хранит глухой вариант инфинитивного показателя *-ta*, поглотившего финальный согласный основы: *avaita* 'открыть' < **avaita* + *ta* + *k* > **avait* + *ta* + *k* > **avait* *tak*. Выделены также типы исторических гласных основ, сформировавшиеся в результате присоединения к словообразовательной основе разных глагольных суффиксов. Прослежены морфонологические изменения на стыке основы и инфинитивного показателя, приведшие к образованию краткой гласной основы. Выявлены случаи развития по аналогии.

Ключевые слова: вепсский язык, инфинитивы, история языка, гласная и согласная основа

Прибалтийско-финский грамматический показатель первого инфинитива бытует в вепсских диалектах в двух фонетических вариантах: *-ta* и *-da*. Дистрибуция этих вариантов сложилась исторически и связана напрямую с типом исторической основы глагола.

В настоящее время разработана синхронная классификация типов основ вепсских глаголов, которая позволяет разделить инфинитивы на три группы в зависимости от характера основы [2: 23–41]. В соответствии с данной классификацией к первой группе относятся инфинитивы с показателем *-da*, который присоединяется к гласной основе одноосновного глагола: *pala-da* 'гореть', *luge-da* 'читать', *sanu-da* 'говорить', *uju-da* 'плавать', *elä-da* 'жить' и др.

В инфинитивах второй группы присутствуют оба показателя — *-ta* и *-da*, присоединяющиеся к согласной основе двухосновных глаголов: *kuc-ta* 'звать', *lič-ta* 'запихивать', *jauh-ta* 'молоть', *teh-ta* 'делать', *rehk-ta* 'трясти', *vouk-ta* 'просыпать', *käsk-ta* 'приказать', *lask-ta* 'опустить'; *nol-da* 'лизнуть', *kül'm-da* 'замерзнуть', *nagr-da* 'смеяться', *pain-da* 'нажимать', *ol-da* 'быть', *vihm-da* 'дождить' и т. д. Их дистрибуция вызвана качеством финального согласного основы: после глухого согласного выступает *-ta*, после звонкого — *-da* [3: 112].

Наконец, третью группу составляют инфинитивы с показателем *-ta*, функционирующим

в связке с краткой гласной основой глаголов, которые с позиций синхронного языкознания рассматриваются как двухосновные глаголы с двумя гласными основами — долгой и краткой. Инфинитив рассматривается как форма с краткой гласной основой [2: 25]: *kabaloita* 'пеленать', *kaita* 'беречь', *ozaita* 'отгадать', *kirgouta* 'окликнуть', *löuta* 'находить', *torata* 'драться', *tabata* 'поймать', *kogota* 'собирать', *erigata* 'отстать', *kozita* 'сватать', *semeta* 'сеять', *opeta* 'учить', *el'geta* 'понимать', *rubeta* 'приступать', *pideta* 'удлиняться', *lūkäita* 'ударить', *paimeta* 'пасти', *väta* 'играть', *leta* 'летать', *teta* 'знать' и т. д.

Такая синхронная классификация важна для формулирования правил употребления инфинитивных форм, она не ставит целью выявление причин и механизмов их формирования. Решение последней задачи предполагает диахронный подход, который и предложен в данной статье для реконструкции исторических процессов, происходивших в ходе образования 1. инфинитива третьей группы. Каков генезис краткой гласной основы и почему из двух инфинитивных показателей избран глухой вариант *-ta*?

-ta КАК НАСЛЕДИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОГЛАСНОЙ ОСНОВЫ

Обращение к общему прибалтийско-финскому контексту свидетельствует о том, что,

характеризуясь как одноосновные в синхронном описании вепского языка, исторически глаголы выделенной группы так называемых стяженных глаголов были двухосновными, при этом инфинитивный показатель *-ta* присоединялся в них к согласной основе.

Их двухосновность представлена, к примеру, в финском языке, где наряду с гласной основой личного спряжения сохранились глагольные формы с согласной основой. Это такие формы, как императив множественного числа, напр. *tavat-koon* 'пусть он встретит', *tavat-kaa* 'встретьте', II активное причастие, напр. *tavannut* 'встретивший' < **tafat-nut*, в котором произошла ассимиляция конечного основы *-t*. В вепском же языке в силу свойственных ему фонетических процессов, происходивших на границе морфем, согласный из основы был утрачен.

В этой ситуации глухой вариант показателя *-ta* хранит в себе историческое наследие согласной основы, другими словами, исторически глаголы, о которых идет речь, были двухосновными – с согласной и гласной основами. Рассмотрим данную ситуацию на примере глагола *tabata* 'ловить' (фин. *tavata* 'встречать'): < **tapata + ta + k* > **tafat + ta + k* > **tafat-tak*. В результате выпадения последней гласной из основы¹ еще на праязыковом этапе на стыке основы и показателя инфинитива образовалась гемината *t't*, закономерно ослабевавшая в ситуации закрытого слога. Эта праязыковая форма (**tafat-tak*) приобрела в вепском языке вид *tabata*, в финском – *tavata*. В формах же лично-числового спряжения историческая гласная основа оформлялась лично-числовым показателем, который в силу своей структуры не вызывал выпадения конечного гласного из основы. В результате в этих формах сохранилась историческая гласная основа: **tapata + m* > **tapa-δa-n* > вепс. *tabada-n* 'я ловлю' (фин. *tapa-a-n* – здесь произошло стяжение основы в результате выпадения слабого **δ*).

Ниже предлагается историческая реконструкция еще нескольких глаголов:

rubeta 'торопливо делать' < **rupeta + ta + k* > **ruβet + ta + k* > **ruβet-tak*;

kerata 'собирать' < **kerätä + tä + k* > **kerät + tä + k* > **kerät-täk*;

avaita 'открыть' < **avaita + ta + k* > **avait + ta + k* > **avait-tak*;

tugeta 'подпирать' < **tuketa + ta + k* > **tuyet + ta + k* > **tuge t'tak*;

kumaita 'опрокидывать' < **kumaita + ta + k* > **kumait + ta + k* > **kumait-tak*.

С точки зрения исторического подхода современный элемент *-ta* в 1. инфинитиве включает в себя, таким образом, помимо собственно инфинитивного показателя, еще и конечный согласный основы *-t*. Ослабленная гемината *t't*, образовавшаяся на стыке морфем, закономерно преобразовалась в одиночный согласный *t*.

Иначе говоря, вепсская краткая гласная основа – это, собственно, усеченная согласная основа. Неслучайно краткая гласная основа выступает в современных вепских говорах в тех же самых формах глаголов, в которых в двухосновных глаголах употребляется согласная основа, напр. *pes-ta* 'мыть' и *kogo-ta* 'собирать' в императиве 2 л. мн. ч. *pes-kat* 'помойте' и *kogo-kat* 'соберите', во втором пассивном причастии *pes-tut* 'помытый' и *kogo-tut* 'собранный'. На эту закономерность обратила в свое время внимание Н. Г. Зайцева [2: 32].

В вепском языке инфинитивы с показателем *-ta*, который присоединяется к краткой гласной основе (то есть исторической согласной основе), выступают в ряде случаев и там, где в финском и некоторых других прибалтийско-финских языках представлен одноосновный глагол с гласной основой. Для сравнения обратимся к финскому языку, в котором в зависимости от конечного гласного звука основы слова делятся на одноосновные (с гласной основой) и двухосновные (с гласной и согласной основами). Лаури Хакулинен отмечает, что в финском языке исторически было гораздо больше согласных основ, которые в современном языке преобразовались в гласные. Они сохранились, в частности, в некоторых диалектных формах, в старописьменном языке или в разговорной речи, например: *tuta*, при совр. фин. *tuntea* 'чувствовать', согласная основа выступала также в форме 2. инфинитива: *tute-n* при нормированном *tunti-en* 'чувствуя' и пассива презенса *tutaan* при нормированном *tunnetaan*. Такую же закономерность отражают следующие примеры старописьменных / диалектных и современных форм: *löytä* – совр. *löytä-ä*, *löyt-tiin* – совр. *löyde-ttiin* (ср. вепс. *löuta* 'найти'); *pyytä* – совр. *pyytää* 'просить', *pyyten* – совр. *pyytä-en*; *souta* – совр. *souta-a* 'гребсти', *souten* – совр. *souta-en*, *souttu* – совр. *soudettu* (ср. вепс. *souta*), *letä* – совр. *lentä-ä*, *leten* – совр. *lentä-en*, вепс. *leta* 'лететь' и т. д. [4: 70]. Другими словами, глаголы, которые в вепском языке относятся к группе исторических двухосновных глаголов, в финском языке стали одноосновными. В этом случае вепский язык нередко сохранил историческую двухосновность, утраченную другими языками, где произошло развитие по аналогии, уподобившее двухосновные глаголы одноосновным.

ГРУППЫ «СТЯЖЕННЫХ» ГЛАГолов

В силу того что глаголов данной группы достаточно много и все они отличаются разнообразием типов основ, их можно разделить на несколько групп по типу долгой гласной основы, которая, в свою очередь, формировалась разными аффиксами с присущей им семантикой.

В первую группу можно объединить глаголы, в которых основа инфинитива (= краткая гласная основа) заканчивается на *-i* – либо одиночный,

либо в составе дифтонга *-oi-*, *-ai-*. Их гласная основа имеет завершение *-iče-*:

-i(ta): -iče-: *kerita* ‘стричь’ – *keriče-b* ‘стрижёт’, *kabita* ‘скрести’ – *kabaiče-b*, *kukita* ‘цвести’ – *kukiče-b*, *kozita* ‘свататься’ – *koziče-b*;

-oi(ta): -oiče-: *kirjoita* ‘пестреть’ – *kirjoiče-b* ‘пестреет’, *varjoita* ‘сторожить’ – *varjoiče-b*, *ahavoita* ‘веять’ – *ahavoiče-b*, *adivoita* ‘угощать’ – *adivoiče-b*.

-iče- – исторический финно-угорский формант с континуативной семантикой **-ŋtš-* [4: 217–218], первый элемент которого *ŋ* преобразовался в соответствии с историческими фонологическими закономерностями в *-i-*, а второй перешел в фин. *ts*, вепс. *č*. Поэтому соответствующие финские глаголы завершаются на *-itse-*: *keritse-e* ‘стрижет’, *iloitse-e* ‘радуется’, *valitse-e* ‘выбирает’.

Особого внимания заслуживают глаголы с типом изменений **-ai(ta): -aida-**: *čiraita* ‘шипеть’ – *čiraida-b* ‘шипит’, *fuzaita* ‘шуметь’ – *fuzaida-b*, *ozaita* ‘отгадывать’ – *ozaida-b*, *kārauta* ‘повернуть’ – *kārauda-b*, *lehkaita* ‘бросить’ – *lehkaida-b*, *kumaita* ‘опрокинуть’ – *kumaida-b*, *argaita* ‘совершать обряд новотёла’ – *argaida-b*, *avaita* ‘открыть’ – *avaida-b*. В них исторически выступала гласная основа *-iče-*, о чем свидетельствуют финский и эстонский языки. Однако в вепском и других восточных прибалтийско-финских языках произошел переход их в другой тип основ.

В эту группу входят дескриптивные по семантике глаголы, описывающие особенности звучания и движения: они могут быть охарактеризованы как континуативные инактивные курсивные интранзитивные глаголы. Наряду с ними выделяется группа моментативных глаголов: *lūkaita* ‘ударить’, *pühkääta* ‘проколоть’, *tembaita* ‘выдернуть’. Кроме того, есть образования с обычным каузативным (= активным мутативным) значением: *avaita* ‘открывать’, *kargaita* ‘танцевать’, *katkaita* ‘прерывать’, *lebaita* ‘отдыхать’, *lohkaita* ‘раскалывать’, *lūkaita* ‘ударять’, *puhkaita* ‘прокалывать’, *tembaita* ‘выдергивать’, *varaita* ‘бояться’ и пр.

Большое количество экспрессивных глаголов свидетельствует о продуктивности модели вплоть до самого последнего времени. При этом финские и эстонские соответствия целого ряда вепских глаголов на *-aida-* представлены типом *-aise-*: вепс. *haugaita*: *haugaida* – фин. *halkaista*: *halkaise-*, *hengäitää* (вепс.) – *hengäistä* (фин.): *hengäise-*, *katkaita* (вепс.) – *katkaista*: *katkaise-* (фин.), *lohkaita* (вепс.) – *lohkaista*: *lohkaise-* (фин.), *potkaita* (вепс.) – *potkaista*: *potkaise-* (фин.), *sogaita* (вепс.) – *sokaista*: *sokaise-* (фин.) и др. На эту ситуацию обращали в разное время внимание Д. В. Бубрих [3] и Лаури Пости [7], предложившие вторичность прибалтийско-финских глаголов на *-aida-* по отношению к глаголам на *-aise-*. Позднее Тапани Лехтинен доказал, что во всех восточных прибалтийско-

финских языках произошел переход глаголов на *-aise-* на другой тип основы (*-aida-*) на основе общих форм имперфекта: **avaisin*: **avaidan* = **potkaisin* : *x*; *x* = **potkaidan* [5: 281–292].

Таким образом, исторически все глаголы, в 1. инфинитиве которых показателю инфинитива предшествует *-i-*, имели в гласной основе *-iče-*, и только в ходе развития по аналогии из-под действия этого правила вышли глаголы с современной гласной основой *-aida-*.

Далее можно выделить подгруппу глаголов, гласная основа которых завершается на *-da-*, который выполняет функцию каузативного (отглагольные основы) и транслативного (отыменные глаголы) форманта. Здесь выявляется по крайней мере два случая в зависимости от звука, предшествовавшего *-da-*: **-a(ta): -ada-**: *tabata* – *tabada-n* ‘поймать’, *sijata* – *sijada-n* ‘помещать’, *kogota* – *kogoda-n* ‘собирать’, *torata* – *torada-n* ‘бороться’; **-eta-: -eda-**: *rubeta* – *rubeda-n* ‘торопливо что-то делать’, *tugeta* – *tugeda-n* ‘поддерживать’. В образовании формы инфинитива этой группы глаголов вновь реконструируется явление исторического стяжения на границе основы и инфинитивного показателя: закономерная утрата конечной гласной из основы приводила к стыку двух *t* – основы и показателя – и последующему их наложению. В результате такого «стяжения» один слог практически утрачивался: *kogota* ‘собирать’ < **kokota-ta-k* > **koyot’tak* > вепс. *kogota* (фин. *koota*), *rubeta* ‘торопливо что-то делать’ < *rubeta-ta-k* > *rubeta-đa-k* > *rubet’tak* (фин. *ruveta*).

По ряду причин еще на праязыковом уровне транслативный суффикс *-ta-* / *-da-* преобразовывался в некоторых случаях в *-te-* / **-de-* [8: 167]: *langeta* ‘падать’ (*lankte-b*)² < **lanyet’tak* < **lankete-ta-k*, *haugeta* ‘трескаться, раскалываться’ – *haukteb*, *katketa* ‘переломиться’ – *katkteb*, *langeta* ‘падать’ – *lankteb*, *ratketa* ‘рваться, оторваться’ – *ratkteb*. Взаимоотношения долгой гласной основы и основы инфинитива здесь складывались аналогично тем, которые выше реконструированы на примере суффикса *-ta-* / *-da-*.

Следующую подгруппу образуют глаголы, в долгой гласной основе которых перед *-da-* выступает согласный *-n* в историческом суффиксе **-nta-* / **-nte-*, последовательно исчезающий в форме инфинитива:

-a(ta): -ande-: *elegata* ‘начать жить’ – *elegande-b* ‘заживёт’, *erigata* ‘отделяться’ – *erigande-b*, *lāžegata* ‘заболеть’ – *lāžegande-b*;

-e(ta): -enda-: *tosketa* ‘носить’ – *toskenda-b* ‘несёт’, *paimeta* ‘пасти’ – *paimenda-b*, *okseta* ‘тошнить’ – *oksenda-b*, *harveta* ‘прореживать’ – *harvenda-b*, *koheta* ‘чинить’ – *kohenda-b*, *kükseta* ‘гонять’ – *küksenda-b*, *oigeta* ‘посылать’ – *oigenda-b*, *opeta* ‘учить’ – *openda-b*, *kebneta* ‘облегчать’ – *kebnenda-b*, *reheta* ‘бодрить’ – *rehenda-b*, *ületa* ‘возвышать’ – *ülenda-b*;

-a(ta): -anda-: *ohjata* ‘руководить’ – *ohjanda-b* ‘руководит’.

Утрата *-n-* фонетически обусловлена позицией перед геминированным *tt* [5: 205–206] и вписывается в закономерность, просматривающуюся и в других случаях: **paimenta-ta-k* > **paiment tak* > вепс. *paimeta*.

Аналогичным образом ведет себя в инфинитиве и *-n*, который является элементом сложных по структуре суффиксов *-skende-* (*-sk-* + *-nt-*) [4: 227] с семантикой моментативного действия, а также *-gande-* (*-ka-?* + *-nt-*) со значением ‘начать делать что-либо’:

-ske(ta): -skende-: *tosketa* ‘носить’ – *toskende-b* ‘носит’: **tooskente-ta-k* > **tooskent tak* > *tosketa*, *mösketa* ‘торговать’ – *möskende-b*, *vesketa* ‘уносить’ – *veskende-b*;

-ga(ta): -gande-: *erigata* ‘отделяться’ – *erigande-b*, *läžegata* ‘заболеть’ – *läžegande-b*, *joudugata* ‘освободиться’ – *joudugande-b*, *helegata* ‘завзвонить’ – *helegande-b*, *heregata* ‘проснуться’ – *heregande-b*, *hüdegata* ‘заиндеветь’ – *hüdegande-b*, *kobegata* ‘зашевелиться’ – *kobegande-b*, *käregata* ‘рассердиться’ – *käregande-b*, *levigata* ‘расширяться’ – *levigande-b*.

Глаголы, в исходе гласной основы которых выступает исторический формант *-ne-* с транслативной семантикой, в форме 1. инфинитива *-n-*новый элемент тоже утрачивают:

-e(ta): -ene-: *pideta* ‘удлиняться’ – *pidene-b* ‘удлинняется’, *harveta* ‘редеть’ < *harvene-b*. Однако это утрата обусловлена, видимо, не фонетической ситуацией, поскольку в сочетаниях с негеминированным дентальным звуком позиция *n* в целом устойчива. В данном случае предполагается влияние другой модели – образований с суффиксом *-nta-* / *-nda-* [4: 234–235] с закономерным исчезновением *n*: *pideta* ‘удлинять’ – *pidenda-b* vs. *pideta* ‘удлинняться’ – *pidene-b*. Такая аналогия основана на том, что форманты функционируют с одной

и той же словообразовательной основой, образуя либо полностью синонимичные производные (ср., напр., фин. *aukeaa* ‘открывается’ и *aukenee*, *oikeaa* ‘выпрямляется’ и *oikenee*), либо (чаще) различающиеся возвратностью – невозвратностью действия.

Подведем итог. Анализ образования формы первого инфинитива глаголов, которые принято рассматривать в современном вепском языке как глаголы, имеющие две гласные основы, показывает, что так называемая краткая гласная основа в инфинитиве есть прежде всего результат фонетических изменений, происходивших в основе в результате присоединения показателя инфинитива. Выделенные типы гласных основ, сформировавшиеся в результате присоединения к словообразовательной основе разных суффиксов, преобразовывались в согласные, а образовавшиеся в результате этого сочетания согласных на стыке согласной основы и инфинитивного показателя подвергались дальнейшему стяжению и фактически полной утрате конечного согласного (в ряде случаев согласных) согласной основы.

В этой ситуации показатель 1. инфинитива *-ta* несет в себе наследие исторической согласной основы. Важно отметить, что в ходе создания письменности ее авторы стремились к определенной унификации, что могло в некоторых случаях вступать в противоречие с живыми диалектными вариантами, тем более что и в диалектах, как в любом разговорном языке, нет единства.

И последнее: выявленные выше закономерности в облике показателя 1. инфинитива и присоединения форманта к глагольным основам распространяются и на форму второго инфинитива, ср. *lugeda* (1. инф.) и *lugedes* (2. инф.), *paimeta* и *paimetes*, *mända* и *mändes*. Это вызвано идентичной фонетической структурой инфинитивных показателей.

* Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ «Формирование диалектных ареалов вепского языка» № 15-04-00063.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Процесс выпадения финальной гласной из основы был вызван фонетической структурой грамматического показателя, следовавшего за основой: если он начинался с одного согласного и образовывал слог, то создавались условия для образования согласной основы [5: 119–120].

² Выпадение гласной из второго слога основы в лично-числовых формах вызвано общевепским законом утраты гласной второго слога при первом долгом или закрытом [9: 63]. Ему подчиняются и соответствующие глаголы с транслативным суффиксом *-ta*: *jaikata* – *jaiktab* ‘продолжать’, *kaimata* – *kaimdab* ‘провождать’, *leikata* – *leiktab* ‘резать’, *paikata* – *paiktab* ‘латать, залатать’, *saubata* – *sauptab* ‘закрывать’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бубрих Д. В. Историческая фонетика финского языка // Советское финноугроведение. Вып. VIII. Петрозаводск, 1948. С. 119–157.
- Зайцева Н. Г. Вепский глагол: Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002. 288 с.
- Кошелева М. В. Дистрибуция показателей *-ta/-da* в I инфинитиве вепских двухосновных глаголов // Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур: Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. Г. Зайцева. Петрозаводск, 2016. С. 111–115 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://petrsu.ru/files/user/a022f966948e4d17d94348bf89007dc4/верстка_сборник.pdf (дата обращения 12.01.2017).
- Наkulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljas korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1979. 631 s.
- Lehtinen T. Kielen vuosituhannet. Suomen kielen kehitys kantaauralista varhaisuuteen. Tietolipas 215. Helsinki, 2007. 305 s.

6. Lehtinen T. Itämerensuomen verbien historiallista johto-oppia. Helsinki, 1979. 366 s.
7. Posti L. Kantasuomen äännehistorian kysymyksiä. Vir., 1947. 248 s.
8. Rapola M. Suomen kielen äännehistorian luennot. SKST 283. Helsinki, 1966. 283 s.
9. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946. 228 s.

Kosheleva M. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Mullonen I. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE I. INFINITIVE FORM OF THE BALTIC-FINNISH CONTRACT VERBS IN THE VEPS LANGUAGE

The paper provides a historical analysis of the I. Infinitive's form of the Vepsian verbs with the *-ta*-affix, which is attached to the word's short vowel stem in the modern Veps (*taba-ta*, *ope-ta*, *kai-ta*). The analysis has shown that the short vowel stem of the infinitive is a result of phonetic changes that have occurred with the attachment of the infinitive's indicator: the vowel stem has converted to the consonant stem. Further vowel combinations, which were formed because of it, had been contracted and the final consonant of the consonant stem had been lost. It can be seen on the infinitive's indicator *-ta*, which has merged with the final stem's vowel: *avaita* 'to open' < **avaita* + *ta* + *k* > **avait* + *ta* + *k* > **avait*'*tak*. The paper also speaks of different types of historical vowel stems, which have been formed as a result of different verb suffixes' attachment to the derivation stem. It touches upon the morphological changes at the junction of the stem and the infinitive's indicator, which had led to the short vowel stem's formation. Other cases of similar formations were revealed by analogy.

Key words: the Veps language, infinitives, language history, vowel and consonant stem

REFERENCES

1. Bubrih D. V. The historical phonetics of the Finnish language [Istoricheskaya fonetika finskogo yazyka]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. Issue VIII. Petrozavodsk, 1948. P. 119–157.
2. Zaitseva N. G. *Vepsskiy glagol: Sravnitel'no-sopostavitel'noe issledovanie* [The Vepsian verb: The comparative research]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2002. 288 p.
3. Kosheleva M. V. Distribution of *-ta/-da* indicators in the I infinitives of Vepsian verbs [Distributsiya pokazateley *-ta/-da* v I infinitive vepsskikh dvukhosnovnykh glagolov]. *Bubrikhovskie chteniya: karel'skaya nauchnaya shkola issledovaniya pribaltiysko-finskikh yazykov i kul'tur: Materialy nauchnoy konfrentsii*. Ot. red. N. G. Zaitseva. Petrozavodsk, 2016. P. 111–115. Available at: https://petrsu.ru/files/user/a022f966948e4d17d94348bf89007dc4/верстка_сборник.pdf (accessed 12.01.2017).
4. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljas korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1979. 631 s.
5. Lehtinen T. Kielen vuosituhannet. Suomen kielen kehitys kantaauralista varhaisuuteen. Tietolipas 215. Helsinki, 2007. 305 s.
6. Lehtinen T. Itämerensuomen verbien historiallista johto-oppia. Helsinki, 1979. 366 s.
7. Posti L. Kantasuomen äännehistorian kysymyksiä. Vir., 1947. 248 s.
8. Rapola M. Suomen kielen äännehistorian luennot. SKST 283. Helsinki, 1966. 283 s.
9. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946. 228 s.

Поступила в редакцию 01.07.2016

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ШУБИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

nfomina81@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКЦИЙ КОНКРЕТИЗИРОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (поэзия vs. проза)*

Рассмотрены конструкции конкретизирования (в традиционном описании это обособленные члены предложения уточняющего характера, осложняющие структуру простого предложения), или конструкции правого контекста, которые используются, чтобы разъяснить, пояснить, уточнить смысл сказанного. Они используются как в поэтических, так и прозаических художественных жанрах, что позволяет автору сопоставить их активность и функциональный спектр в стихотворной речи (на материале поэзии первой половины XIX века) и в прозе классического периода (на материале сказовых произведений Н. С. Лескова). Конструкции конкретизирования полифункциональны: в поэзии, где они в среднем более частотны, чем в сказе, могут выполнять функции создания перифразов, уточнения лирического хронотопа, ритмообразующую; в прозе их главной функцией становится характеристика и оценка персонажа другим героем или повествователем, часто ироническая и сатирическая. Полифункциональность конструкций конкретизирования позволяет говорить об особой, стилеобразующей, роли этих оборотов как «сигналов» сказа.

Ключевые слова: конструкции конкретизирования, поэтический и прозаический синтаксис, уточняющие члены предложения, пояснительные конструкции, Н. С. Лесков

Термин *синтаксические конкретизаторы* объединяет пояснительные конструкции, уточняющие члены предложения, субстантивные обороты, однородные члены предложения с препозитивным обобщающим словом и другие смежные семантико-синтаксические явления, которые в современной лингвистической литературе до сих пор «остаются недостаточно четко очерченными» [8: 17]. Впервые попытка объединения под одним термином синтаксических явлений, осложняющих структуру простого предложения, состоящих из элементов правого контекста, способных уточнять, пояснять, дополнять элементы левого контекста, представлена в диссертации автора статьи [13: 8–11].

В лингвистической литературе в последнее время внимание исследователей к этим оборотам активизируется [7]. Например, в монографии Н. В. Патроевой представлен структурный, семантический и функциональный анализ различных типов обособленных конструкций с уточняющим значением на материале поэзии классического периода [8: 92–106, 142–167]. Так, поэты XIX века используют обороты с пояснительно-уточняющим значением в качестве метафорических перифраз, средств создания лирического хронотопа и авторизации, а также адресации высказывания, скрытой диалогизации поэтического дискурса (реализуется прагматическая установка автора на пояснение ситуации читателю). В связи с этим уже имеющимся в научном обиходе заделом интересным представляется сопоставить активность и функционирование

конструкций конкретизации в поэзии и прозе золотого века русской литературы. В качестве рабочей гипотезы мы выдвигаем предположение, что подобные структуры должны быть особенно частотны в произведениях, написанных в сказовой манере и содержащих языковые сигналы устной разговорной речи.

Так, в специально анализировавшихся нами произведениях Н. С. Лескова конкретизирующие конструкции (в традиционном описании это уточняющие и поясняющие члены, субстантивные обороты и другие построения, имеющие структурное и функциональное сходство) встречаются довольно часто. В общей сложности проанализировано 3109 страниц художественного текста, из которого методом сплошной выборки была извлечена 2201 конструкция. В среднем на 100 строк художественного текста Лесков использует 2 конструкции конкретизирования, что, конечно, не так много, как в поэзии XIX века: на 100 строк поэтических произведений разных авторов конкретизирующим оборотам (субстантивным, предложно-падежным, пояснительным конструкциям) отводится от 2 до 5 (например: М. Ю. Лермонтов – 2,77; А. С. Пушкин – 3,76; К. Н. Батюшков – 5,27; П. А. Вяземский – 5,92) [8: таблицы]. Однако необходимо заметить, что «сгущение» подобного рода осложнителей элементарной модели предложения внутри художественных произведений Н. С. Лескова может достигать 5–6 конструкций на страницу текста, что говорит об особой значимости этих оборотов для стиля прозаика.

Николай Семенович Лесков значительно углубил содержание сказа, переосмыслив роли автора, рассказчика, персонажей-слушателей и читателя, он открыл в этой особой форме повествования новые художественные возможности. В его творчестве литературная традиция сказового повествования получила свое дальнейшее развитие, так как возникает новая жанровая разновидность – сказовая повесть, находящаяся «на стыке повести и романа в силу поставленного в центр характера» [5: 229]. Однако если проблема сказового генезиса и его типологии в творчестве Н. С. Лескова и получили более или менее однозначное толкование, то языковые «сигналы» (термин В. В. Виноградова) сказа до сих пор мало изучены.

Сказ – это «двухголосое повествование, которое соотносит автора и рассказчика, стилизуется под устно произносимый, театрально импровизированный монолог человека» [9: 34], вследствие чего рождается «иллюзия устной разговорной, нелитературной речи» [10: 73], «речи импровизационной, заранее не обдуманной, творимой тут же, сейчас, в нашем присутствии» [9: 25]. Эту особенность – наличие глубоких связей с разговорной речью – выделяют как основную большинство исследователей, как бы ни различались их суждения о сказе (см., напр., работы М. М. Бахтина, Б. В. Томашевского, Н. М. Федя, Б. М. Эйхенбаума и др.). Вместе с тем не следует преувеличивать роль устной живой, народной речи в структуре сказа, который не может определяться исключительно нормами разговорной речи. Еще академик В. В. Виноградов, для которого характерен более глубокий подход к этой проблеме, отметил: «...определение сказа, как установки на устную речь – недостаточно» [4: 44]. И если этот термин приравнять к устной речи, то возникает своего рода избыточность, ненужность введения нового понятия. Виноградов так определяет сказовую форму повествования: «...это своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа, это художественная имитация монологической речи, которая воплощает в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения» [4: 49]. Впоследствии он подчеркивал, что сказ – контаминация приемов устно-разговорного и письменного книжного монологического «речеведения».

Так называемые сигналы, по которым узнается сказ, «могут <...> содержаться не в авторских “ремарках”, а непосредственно в его языковой структуре» [3: 123–124], преимущественно на том или ином языковом уровне. В сказе Лескова это не только лексический, но и синтаксический уровень. Однако если первый в лингвистической литературе более или менее описан (почти каждый исследователь считает своим долгом указать образцы «народной этимологии» или окказиональных образований в произведениях

Н. С. Лескова), то проблема влияния синтаксиса устно-разговорной речи на письменно-литературный язык, как отмечает Н. С. Валгина [2: 58], еще недостаточно изучена.

Несмотря на то что замечания о «загадочных» словах Лескова – то ли подслушанных, то ли придуманных – действительно интересны для изучения, так как вариантов интерпретации может быть бесчисленное множество, тем не менее они не касаются главной стороны его сказа – синтаксиса. З. К. Тарланов, оценивая творчество Н. С. Лескова, говорит о том, что «здание художественной речи писателя настолько совершенно и так окрашено в национально русские тона, что отдельные, чем-то выделяющиеся слова-кирпичики скрадываются, нейтрализуются на фоне общего великолепия здания, тем более, что и сами слова, искажаясь в речи рассказчиков, приобретают, как это ни парадоксально, больше народности и большую слитность со строем всего художественного произведения» [12: 71]. Таким образом, проблема «сигналов» сказа, поставленная еще В. В. Виноградовым, сохраняет свою актуальность и нуждается в специальном исследовании. В большей степени это касается «сигналов» синтаксического уровня.

Синтаксис Лескова полон непринужденных форм, грамматических неправильностей, пропусков, повторов, усечений, эллипсисов, интонационных выделений. На эти и другие синтаксические особенности лесковского сказа обращает внимание З. К. Тарланов: «Главным, определяющим элементом в организации сказа выступает живой, разговорный вариант русского синтаксиса с богатой палитрой служебных и модально-оценочных слов, эллиптическими построениями и субъективным расположением слов во фразе, призванным мобилизовать семантико-синтаксические возможности русских народно-разговорных интонаций» [12: 67]. З. К. Тарланов отмечает, что Лесков не любит сложноподчиненных предложений: «...господствующие типы синтаксических связей для него – сочинение и бессоюзие» [12: 68]; им «...широко привлекаются безличные конструкции, в роли главного члена которых выступают безличные формы самых разных глаголов, по-народному выразительных и ясных; конструкции с прямой речью, где слова автора обычно вставляются в середину прямой речи; сравнительные обороты с двумя сравнительными, частыми в народном синтаксисе; инфинитивные предложения в составе сложного с подчеркнутой дебитивностью вместо ожидаемого в таких случаях в литературном языке значения констатирования в настоящем; конструкции с паратаксистически организованными членами, что составляет также яркую черту народного синтаксиса, особенно – в народно-поэтических произведениях» [12: 81].

В. И. Забурдяева и О. А. Кукатова [6] значительно расширяют список синтаксических

явлений, придающих сказовому повествованию Лескова особое звучание. Они отмечают и особый словопорядок, свойственный нормам устной разговорной речи, и парцелированные и сегментированные конструкции; говорят об обилии вводных, неполных, эллиптических и усеченных структур, а также нечленимых высказываниях; выделяют повторы-подхваты, особую частотность вопросительных и восклицательных предложений, обращений.

Помимо указанных языковых особенностей, в которых, несомненно, проявляется влияние синтаксиса разговорной речи, следовало бы обратить внимание и на такие черты, как «расчлененность речевой цепи, активизация свободных синтаксических конструкций, ослабление спаянности компонентов синтаксических конструкций, их облегчение и контаминированность, актуализация и сегментированность построений и т. д.» [2: 58], то есть на те конструкции, которые «не просто копируют разговорные формы, а своеобразно приспособливают их к типу письменного общения, усваивая и имитируя «разговорную ситуацию» – неофициальные условия общения, персональность коммуникации, которые обуславливают имплицитность и неполноту высказывания, ослабление заботы о форме выражения и т. д.» [2: 58]. Именно поэтому следует дополнить перечисленные синтаксические явления конкретизирующими конструкциями.

Конкретизирующие обороты становятся одним из наиболее выразительных художественных приемов в лесковских сказах благодаря своей полифункциональности. Наряду с обычной для пояснительных оборотов функцией (разъяснять, пояснять, уточнять смысл сказанного) конструкции конкретизирования в произведениях Лескова могут выполнять характеризующую и оценочную функцию. Исследуемые обороты получают эффект особой выразительности в тех случаях, когда они дополняются лексико-экспрессивными элементами, а именно – эмоционально-оценочной лексикой, метафорическими выражениями, а также просторечными словами, авторскими неологизмами, «народной этимологией», с помощью которых автор имитирует устную народную речь.

Проиллюстрируем, как Лесков использует эмоционально-оценочную лексику, содержащую либо положительный, либо (чаще) отрицательный заряд. В случаях, когда автор отдает слово малограмотному, необразованному рассказчику, каковыми являются, например, Домна Платоновна из очерка «Воительница» или Иван Флягин из повести «Очарованный странник», в текст проникают конструкции с экспрессивно окрашенными конкретизирующими компонентами. Такие слова, как «шельма», «подлец», «поганка», несут в себе, как правило, негативную оценку: *а Холуян хоть бы, подлец, глазом моргнул* (7, 102)¹; *Сонька его совсем заполонила, разбойница* (4, 87); *он,*

шельма, лучше делал (7, 304); *что ж, ты думаешь, она, поганка, сделала* (5, 205); *она, шельмовка такая, и в двери не пустила* (5, 205); *это я, злодейка, так уж очень её обидела* (5, 206); *я, дура, этого тогда сразу-то и не поняла хорошенько* (5, 215); *а он, подлец, опять свое говори* (5, 225); *как он, изверг, встряхнул-то меня* (5, 225); *а я, червяк, без всех решительно сравнений* (6, 171); *так он, подлец, у тебя в глазах и мечется* (2, 283); *а они, анафемы, как плюнут* (2, 324); *на другую ночь он, мерзавец, опять приходит* (2, 332); *и что он, собака, за неё возьмет* (2, 250). Автор не пытается замаскировать невежество того мира, в котором живут его герои, он не отказывается от грубой лексики, наоборот, сохраняет все речевые особенности персонажей.

Усиление экспрессивности конструкций конкретизирования достигается и собственно синтаксическими средствами. В некоторых случаях конкретизируемый и конкретизирующий компоненты расположены дистантно, то есть оторваны друг от друга. Экспрессивность таких оборотов возрастает по сравнению с теми высказываниями, в которых конкретизирующий член находится непосредственно рядом с конкретизируемым компонентом. Чем больше дистанция, тем сильнее эмоциональное напряжение.

В анализируемом материале были выявлены случаи, в которых расстояние между первым и вторым компонентами может увеличиваться настолько, что их связь можно установить только при тщательном анализе всего высказывания в целом. Так, например, в предложении: *Как они заплакали бы, заплакали бы разлучась, эти милые дети* (3, 282) конкретизируемый «они» и конкретизирующий «эти милые дети» разделены не второстепенными членами, а двумя предикативными центрами. То же самое, а именно наличие однородных сказуемых, обнаруживаем в следующих предложениях: *Она сейчас встает, будто содрогаясь, и идёт, милушка, ко мне с лукою* (1, 426); *Ведь он такой олух царя небесного; даже прекрасного, шельма, не понимает* (3, 139); *когда барин излил кипящую смоляную струю на лик ангела и еще, жестокий человек, поднял икону, чтобы похвастать* (1, 418). Таким образом, а именно отдалением конкретизирующего компонента от конкретизируемого, достигается относительная самостоятельность первого.

Еще большую самостоятельность конкретизирующий компонент приобретает тогда, когда подлежащее вообще отсутствует. Например, в предложении: *Тебя же еще будет благодарить и носа с прежними штукаами в отцовский дом, срамница такая, не покажет* (4, 92) конкретизируемый член, то есть формально выраженное подлежащее, отсутствует, однако легко может быть восстановлен из контекста: *<Зиночка> Тебя же еще будет благодарить и носа с прежними штукаами в отцовский дом, срамница*

этакая, не покажет. Можно «восстановить» подлежащее и в других конструкциях, однако этого не требуется. Лесков создает иллюзию живого, непринужденного общения, собеседники понимают, о ком идет речь, и без напоминания, а «скрытый», повторно не названный субъект действия получает яркую характеристику из уст ничем не стесненного рассказчика.

Особую яркость приобретают конструкции конкретизирования, содержащие в себе лексический повтор. Как правило, дублируются неодушевленные существительные: *для опытного человека это обстоятельство очень важно – обстоятельство в девяносто девяти случаях из ста ручающееся нахалу за непременный успех* (3, 361); *и вдруг его посетила мысль, – простая, ясная, спасительная и блестящая мысль, какие редко ниспосылаются и редко обыкновенно приходят вдруг, – именно как бы откуда-то свыше, а не из нас самих* (1, 288); *явился план действовать на князя Иллариона Илларионовича – план, в котором я не видел никакой пользы и старался его отвергнуть, как совершенно неудобополный и бесполезный* (12, 293); *и внятно слышался глубокий болезненный вздох – вздох очень похожий на то, как бы кто сел на надутую воздухом резиновую подушку с неплотно завёрнутым клапаном* (7, 53). В произведениях Лескова лексический повтор с последующим распространением разворачивает синтаксическую структуру, делает предложение более полным, многоплановым. Часто (особенно в конструкциях, конкретизирующих дополнения) такие повторы вводят уточняющие элементы, имеющие традиционный оттенок.

Обзор синтаксических конструкций конкретизирования в прозе Лескова, анализ их структуры и количественного соотношения способов выражения конкретизируемого и конкретизирующего компонентов позволяет сделать вывод о преобладании именных форм как для первого, так и для второго члена синтагмы. Несмотря на то что диапазон форм выражения компонентов конкретизирующего оборота на первый взгляд кажется широким, фактически продуктивными являются одушевленные имена существительные, сочетания с ними, заменяющие их субстантивированные прилагательные, а также местоимения-существительные, которые обозначают конкретное лицо.

Интерес писателя к человеку, к его «нравственно-психологическим и социальным потенциям» [9: 98] обусловил то, что для каждого, будь то главный герой произведения или второстепенное, случайно появившееся или тут же исчезнувшее лицо, сам рассказчик или его слушатели, автор находит слова, характеризующие и оценивающие личность каждого. Конструкции конкретизирования позволяют увеличить информативную емкость простого предложения,

не расширяя его границ, именно поэтому речь автора или героя-рассказчика изобилует уточняющими и поясняющими оборотами, субстантивированными оборотами и другими сходными синтаксическими явлениями.

Особое внимание, чуткое отношение к человеку, свойственное Н. С. Лескову, передается и сказителю. Рассказчик, конечно, следуя воле автора, каждое новое лицо, появившееся в повести, сопровождает небольшим комментарием с помощью конкретизирующих оборотов, органично вплетая их в ткань повествования. Так мы узнаем о самых ярких, запоминающихся, значимых чертах или внешности, или характера всех, с кем пришлось столкнуться на своем долгом пути в поиске цели своего существования Ивану Северьяновичу, герою повести «Очарованный странник». И «*святой Сергей, постник и доброго, строгого житья блюститель*» (2, 222), и «*татарин Савакирей, этакой коротыш*» (2, 256), и «*отец Илья, наш священник, добрый-предобрый старичок*» (2, 265), и «*гусар-ремонтёр, ротмистр богатый и собой молодец, плясун захватский*» (2, 300) – никто не остался без попутной характеристики «бывалого человека». Благодаря этим замечаниям герои остаются в памяти, запоминаются по незначительным, казалось бы, деталям, становятся реалистичнее, предстают пред читателем как живые. Рассказчик стремится не упустить ни одной мелочи, делает на интересных местах оговорки и остановки, хочет добиться всестороннего определения того предмета, о котором повествует: *к нему является его новый товарищ, молодой ординар Лобачевский, необыкновенно трудолюбивый, симпатичный, светлый человек и хороший медик* (4, 306); *ещё в доме Гловацких ходила соборная дьяконница, Елена Семеновна, очень молоденькая, довольно хорошенькая и превесёлая бабочка* (4, 124); *была у неё мать-старушка, аристократка коренная, женщина отличнейшая* (4, 163). Видим, что конкретизирующие члены называют одно и то же лицо, однако каждое повторное обозначение добавляет новое знание о нем. Компоненты конструкции обладают смысловыми различиями и одного и того же человека представляют несколько по-разному, при этом «части фразы как бы нанизываются друг на друга и воспринимаются читателем как цепь спонтанно возникающих побочных или дополнительных замечаний» [12: 68].

При внимательном прочтении эти «дополнительные», на первый взгляд, незначимые и случайные детали вдруг становятся «образами-перевертышами»: взрывают повествование, разрушают уже сложившиеся стереотипные представления, формируя новые, порой противоположные первым. Так, в «Жидовской кувир-коллегии» и других повестях автор раскрывает истинный смысл образных высказываний повествователя с помощью конкретизирующего

оборота, вводимого в речь союзами «или», «то есть» и вводными конструкциями: *он, будто бы, как рассказчик, не очень строго держался сухой правды, а немного «расцветал» свои повествования, или, как по-охотничьи говорится, немножко привирал* (7, 125); *снаружи всё чистился, а изнутри, по собственному его выражению, «сохранял себя в спирту», то есть был всегда пьян* (7, 131); *придет в сумерки к тестю – «пойдем, – говорит, часослов в пятьдесят два листа читать», то есть, значит, в карты играть...* (7, 177). Конструкции конкретизирования используются Лесковым в сказовом повествовании как особый способ выражения авторской точки зрения, часто отличающейся от позиции рассказчика. Именно через конкретизирующие обороты в сказ проникают «чужие» для рассказчика слова, интонации. Возникает двухголосие, речь повествователя «как бы двоится, троится смыслами, играет знаками» [1: 125]. Писатель ведет своеобразную игру с читателем, заставляет задуматься над проблемами, которые не лежат на поверхности и остаются скрытыми для невнимательного читателя: «авторская точка зрения, которая и несет в себе сатирическую тенденцию сказа, постоянно активно корректирует “показания” повествователя, по-своему воспитывает сознание читате-

ля, изнутри взрывая ряд издавна сложившихся в нем стереотипных представлений» [11: 156]. Сказ становится многомерным: в одной плоскости – наивно простодушный рассказчик и слушатели, в другом измерении – ироничный автор и читатель.

Таким образом, конкретизирующие обороты становятся одним из наиболее выразительных художественных приемов в прозе Лескова благодаря своей полифункциональности: позволяют увеличить информативную емкость простого предложения, могут выполнять характеризующую и оценочную функцию, могут быть использованы как особый способ выражения авторской точки зрения, усиливают сатирическую заостренность авторских комментариев, помогают создавать «образы-перевертыши», которые являются одной из характерных особенностей поэтики Лескова, и др.

Выявление структурно-семантического и функционального своеобразия данных синтагм в произведениях Н. С. Лескова позволяет говорить об их особой, стилеобразующей, роли в художественном тексте и сделать вывод о том, что конструкции конкретизирования, отражая влияние устно-разговорной речи на художественную ткань повествования, служат «сигналом» сказа.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее цитаты из произведений Н. С. Лескова приводятся по изданию: Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 12 т. / Под ред. В. Ю. Троицкого. М.: Правда, 1989. Первая цифра в круглых скобках обозначает том, вторая страницу через запятую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский Л. Лесковское ожерелье. М.: Книга, 1982. 189 с.
2. Валгина Н. С. О предикативной осложненности предложения (на материале конструкций разговорного синтаксиса) // Филологические науки. 1978. № 5. С. 58–64.
3. Виноградов В. В. Проблема образа автора в художественной литературе // О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. С. 105–211.
4. Виноградов В. В. Проблема сказа в стилистике // О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 42–54.
5. Дмитренко С. Художественное сознание Лескова: постигнутое и постигаемое // Вопросы литературы. 1985. № 11. С. 217–239.
6. Забурдяева В. И., Кукатова О. А. Синтаксические сигналы устности в сказе Н. С. Лескова // Лесковиана. Т. 1. Творчество Н. С. Лескова: прошлое, настоящее, будущее. М.: НИП «ВФК», 2008. С. 103–122.
7. Киселёва К., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М.: Азбуковник, 2003. 207 с.
8. Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск, 2002. 334 с.
9. Поэтика сказа / Е. Г. Мущенко, В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик и др. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1978. 286 с.
10. Старыгина Н. Н. Методика анализа сказа (На материале повести Н. С. Лескова «Очарованный странник») // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1983. С. 70–84.
11. Столярова И. В. В поисках идеала (Творчество Н. С. Лескова). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 231 с.
12. Тарланов З. К. От отдельного слова – к художественному обобщению // Поэтика слова: Сб. статей. Петрозаводск: Карелия, 1983. С. 61–82.
13. Фомина Н. С. Синтаксические конкретизаторы как стилеобразующее средство в прозе Н. С. Лескова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 21 с.

Shubina N. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

FUNCTIONAL POTENTIAL OF SPECIFICATION CONSTRUCTIONS IN THE LITERARY TEXT (POETRY VS. PROSE)

This article is concerned with constructions of specification (in traditional description they are detached parts of a sentence with a specifying character used to complicate the structure of a simple sentence), or constructions of the right context, which are used to explain, elaborate, and specify the meaning of what was said before. They are employed both in poetic and prosaic artistic genres.

Their use allows the author to compare their activity and functional variety in poetic diction (on the material of poetry of the first half of the 19th century) and in prose of the Classic period (on the material of N. S. Leskov first-person narrative writings). Specification constructions are multi-functional: in poetry where, on average, they are more frequent than in the first-person narration, they can perform such functions as creation of periphrases, specification of a lyrical chronotope, rhythm making; in prose their main function is characteristics and characterization of a character given by another character or a storyteller, often ironical and satirical. Multifunctionality of specification constructions allows us to speak of the special, style forming role of these constructions as first-person narration "signals".

Key words: constructions of specification, poetic and prosaic syntax, detached parts of a sentence, illustrative constructions, N. S. Leskov

REFERENCES

1. Anninsky L. *Leskovskoe ozherel'e* [Leskov's necklace]. Moscow, Kniga Publ., 1982. 189 p.
2. Valgina N. S. On the predicative complication of a sentence (based on the constructs of spoken syntax) [O predikativnoy oslozhnennosti predlozheniya (na materiale konstruktov razgovornogo sintaksisa)]. *Filologicheskie nauki*. 1978. № 5. P. 58–64.
3. Vinogradov V. V. The problem of the author's image in fiction [Problema obraza avtora v khudozhestvennoy literature]. *O teorii khudozhestvennoy rechi*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971. P. 105–211.
4. Vinogradov V. V. Problem of a first-person narration in stylistics [Problema skaza v stilistike]. *O yazyke khudozhestvennoy prozy*. Moscow, Nauka Publ., 1980. P. 42–54.
5. Dmitrenko S. Artistic consciousness of Leskov: apprehended and being apprehended [Khudozhestvennoe soznanie Leskova: postignutoe i postigaemoe]. *Voprosy literatury*. 1985. № 11. P. 217–239.
6. Zaburdaeva V. I., Kukatova O. A. Syntactic signals of colloquial in Leskov's first-person narration [Sintaksicheskie signaly ustnosti v skaze N. S. Leskova]. *Leskoviana. T. 1. Tvorchestvo N. S. Leskova: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. Moscow, NIP "VFK" Publ., 2008. P. 103–122.
7. Kiselyova K., Payar D. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Diskursivny words of Russian language: contextual variation and semantic unity]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 207 p.
8. Patroyeva N. V. *Poeticheskiy sintaksis: kategoriya oslozhneniya* [Poetic syntax: category of complication]. Petrozavodsk, 2002. 334 p.
9. *Poetika skaza* [Poetics of first-person narration] / E. G. Mushchenko, V. P. Skobelev, L. E. Kroychik i dr. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1978. 286 p.
10. Starigina N. N. The analysis method of the first-person narration (based on the story of N. S. Leskov "The Enchanted Wanderer") [Metodika analiza skaza (Na materiale povesti N. S. Leskova "Ocharovannyi strannik")]. *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya*. Petrozavodsk, 1983. P. 70–84.
11. Stolyarova I. V. *V poiskakh ideala (Tvorchestvo N. S. Leskova)* [Searching ideal (Creativity N. S. Leskov)]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1978. 231 p.
12. Tarlanov Z. K. From a separate word to artistic generalization [Ot otdel'nogo slova – k khudozhestvennomu obobshcheniyu]. *Poetika slova: Sbornik statey*. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1983. P. 61–82.
13. Fomina N. S. *Sintaksicheskie konkretizatory kak stileobrazuyushchee sredstvo v proze N. S. Leskova: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Syntactic specification as style forming means in N. S. Leskov's prose]. St. Petersburg, 2009. 21 p.

Поступила в редакцию 09.02.2017

КАРИНА НАЗИРОВА ГАЛАЙ

кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)
Galay_karina@mail.ru

Ф. ЖАММ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ И. ЭРЕНБУРГА

Рассмотрено влияние французского писателя Франсиса Жамма на Илью Эренбурга, первоначально пробовавшего себя на стихотворческом поприще. Молодой автор находит в творчестве Ф. Жамма вдохновение. Его религиозность была необычной, она сочетала каноны католицизма с язычеством, ощущением гармонии и причастности к жизни вселенной. Тональность творчества французского писателя нашла отзыв в душе И. Эренбурга. Эстетические взгляды И. Эренбурга, сформированные под влиянием Ф. Жамма, видны и в статьях русского писателя. Однако И. Эренбург уходит от влияния Ф. Жамма, «спокойная» набожность и вера в идеалистическое строение мира были слишком просты для русского писателя. Тяготение к поэзии и философии Ф. Жамма нельзя назвать простым увлечением переводчика и молодого поэта. И. Эренбург пытался усвоить чужое мировоззрение, и это закономерно обернулось для него же разочарованием. По прошествии некоторого времени И. Эренбург называл это «ребячеством» и открыто говорил о подражательности.

Ключевые слова: Эренбург, Жамм, символизм, католичество, пантеизм, дионисийство

В становлении И. Эренбурга как поэта немалую роль сыграл французский писатель-символист конца XIX – начала XX века Франсис Жамм (1868–1938). Поэт, драматург, публицист и романист, он был достаточно известным культурным деятелем своего времени. Его творчество ценилось во Франции, в частности такими поэтами и писателями, как Рильке, А. Жид, А. де Ренье, позднее – Кафкой. Ф. Жамм играл не последнюю роль в развитии символизма и был критиком многих его значений. Вместе с такими писателями, как П. Валери, А. де Ренье, Г. Каном и др., он создавал французский вариант эстетизма, чем снискал признание французской молодежи рубежа веков. В это же время в русской культуре также возникает интерес к творчеству Ф. Жамма как поэта. В России его переводили И. Анненский, В. Брюсов, не обошлось и без участия самого И. Эренбурга, а также Б. Лившица, С. Шервинского и др.

Первый сборник стихотворений Ф. Жамма вышел в Москве в 1913 году. Предисловие написал И. Эренбург, который обосновал причину такого внимания к Ф. Жамму и выразил трудности, с которыми он сам столкнулся в процессе перевода: «Я полагаю, что для совершенного перевода стихотворений необходимо, чтобы переводчик перестал быть самим собой, перевоплотился, стал автором. Этого сделать мне не удалось. Простота, детская наивность, уклад жизни, наконец вера в Бога и в церковь Жамма почти всегда являлись для меня лишь недостижимым идеалом»¹. В этих словах переводчика отражена и существенная особенность Ф. Жамма.

В своем творчестве французский символист обращается к описанию провинции, стремится к простоте фразы, к повседневности жизни,

пытается найти то, что скрыто. В творчестве Ф. Жамма сказывалось его большое внимание к религии и во многих произведениях отразился его приход к вере, к католицизму². Стоит подчеркнуть умение Ф. Жамма связать теологический аспект с повседневностью. Как пример можно привести стихотворение «Альманах» из сборника «Проголины в небе» (1906):

Корзинку с яйцами оставив, в альманах
глядит ребёнок... Там предсказана погода,
святые названы, и знаки небосвода
исчислены: Овен, Телец, Лев, Рыбы, Рак...
Простушка бедная, перелистав картинки,
мечтает, что вверху, где звёзды так блестят,
как на земле, внизу, есть праздничные рынки.
Где продают овец, рыб, раков и ягнят...
И рынка Божьего встаёт пред ней виденье...
И думает она, увидев знак Весов,
что есть на небесах, как здесь у мясников,
весы, чтоб взвешивать соль, сыр и прегрешенья...

Стихотворение интересно еще и тем, что Ф. Жамм соединяет религиозные основы (Бог) и языческий культ астрологической символики (знаки зодиака, которые не принимала официальная религия). Как писал А. Ф. Лосев, камнем преткновения между язычеством и христианством была символика: «В язычестве существенно реальное, конечное, и символика его разыгрывается в сфере реального конечного. В христианстве существенно идеальное, бесконечное, и символика его – в идеальном и бесконечном». Символика Ф. Жамма остается в сфере конечного, которое в то же время является символом бесконечности. В частности, знаки зодиака имеют вполне реальные изображения, при этом символизируют судьбу. Более того, через лирического персонажа – ребенка (который считается

непорочным по канонам религии) поэт описывает бытовой, можно даже сказать человеческий, характер божественной сущности: через Весы взвешивать соль, сыр и прегрешенья...

Это увлечение религией было в русле времени как среди соотечественников французского писателя, так и в России. В это время в Европе происходили колебания от веры к неверию, было время религиозных исканий, стремлений к духовности. В России начала XX века религиозные искания привели к «богоискательским» (А. Блок, Д. Мережковский, Н. Бердяев и др.) и «богостроительным» (М. Горький, А. Луначарский) тенденциям. Стоит отметить, что даже в ранней лирике футуриста В. Маяковского выделяют темы, так или иначе связанные с тематикой Ф. Жамма. Это увлечение наряду с другими характеризовало и молодого И. Эренбурга. Оно во многом соединило его с Ф. Жаммом, однако не глубоко: русскому писателю «было чуждо последовательное смирение» [4].

Вероятно, к религиозным воззрениям и писаниям И. Эренбурга подтолкнуло и то критическое положение, в котором он оказался в 1910–1914 годах. Позднее он вспоминал: «Годы и годы я ходил по улицам Парижа, оборванный, голодный, с южной окраины на северную; шел и шевелил губами: сочинял стихи»³. Можно сказать, что поэзия И. Эренбурга была в то время малодушной, в ней он мог забыться от трудностей, которые претерпевал. В одном из исследований жизни И. Эренбурга Е. Берар писала, что «после всех этих бесприютных лет, проведенных в скитаниях, сомнениях, поэзия Жамма дарит ему чувство мира, покоя и надежды» [1]. И. Эренбург роднил с Ф. Жаммом и синкретизм: религиозность французского писателя была нерасчленима с понятием о божественной сущности окружающей действительности, человека, это отвечало мыслям И. Эренбурга. Например, его стихотворение в прозе «Звезд у Бога много...»:

Звезд у Бога много – целый светлый рай, а ты у меня одна на свете, обожди, не умирай! А когда умрешь всё же и станешь звездой в раю, ты так скажи господу:

«Боже, исполни просьбу мою!»

Он исполнит, и ты вернешься ко мне назад в своей ночной рубашке, длинной, длинной до пят.

Я буду в твоей комнате тогда и, глядя на небо, скажу: «Упала звезда!» (ноябрь, 1913)

Русскому писателю показалось спасением мировидение Ф. Жамма, у которого есть мысли об опрощении, и молодого писателя прельстила мысль «войти в рай вместе с ослами»⁴. В автобиографии от 1922 года И. Эренбург написал следующее: «Часто голодал: пятый, шестой день... Увлекался средневековьем. Много читал. Потом – Жамм, католицизм. Предполагал принять католичество и отправиться в бенедиктинский монастырь. Говорить об этом трудно. Не свершилось»⁵. Модный в то время кубизм И. Эренбург

еще не оценил, его волновало нечто совершенно противоположное, и он в поисках ответов на насущные вопросы начинает интересоваться католицизмом. Молодой автор находит вдохновение в творчестве Ф. Жамма, чья религиозность была необычной, она сочетала все каноны католицизма, и к этому примешивалось, кроме язычества, ощущение гармонии и причастности к жизни вселенной. Французский поэт писал о природе, о животных и птицах, о деревенской жизни, видя в этом божественное проявление. Одно из известных его стихотворений, которое, кстати сказать, перевел И. Эренбург и очень ценил его, это «Молитва, чтобы войти в рай с ослами»:

Когда ты, Господи, прикажешь мне идти,
Позволь мне выбрать самому пути;
Я выйду вечером в воскресный день
Дорогой пыльной, мимо деревень,
И, встретивши ослов, скажу: «Я Жамм,
И в рай иду. – И я скажу ослам: –
Пойдемте вместе, нежные друзья,
Что, длинными ушами шевеля,
Отмахивались от ударов мух,
Назойливо кружившихся вокруг».
Позволь к Тебе прийти среди ослов –
Средь тех, что возят фуры паяцев,
Средь тех, что тащат на спине тюки
Иль в маленьких повозочках горшки.
Среди ослиц, что ноги ставят так,
Что трогает вас их разбитый шаг,
Что, пчелами ужалены, должны
На ножках раненых носить штаны.
Позволь прийти мне с ними в райский сад,
Где над ручьями яблони дрожат,
И сделай, Господи, чтоб я в него вошел,
Как много поработавший осел,
Который бедность кроткую несет
К прозрачной чистоте небесных вод.

Надо сказать, такая евангельская простота, наивность, искренность стихотворений Ф. Жамма привлекала не только И. Эренбурга – потребность гармонии с миром была чертой, присущей поколению того времени. К тому же, как писал Б. Слуцкий: «В ряду поэтов своего времени он выделялся прочной приверженностью к лирике природы и крестьянского быта и чрезвычайно редкостной для того времени ясностью и демократичностью формы»⁶.

В своих воспоминаниях И. Эренбург также писал о большом впечатлении, которое произвели на него книги Ф. Жамма: «Его католицизм был свободен и от аскетизма, и от ханжества... я перевел его стихи и начал ему подражать: пантеизм мне казался выходом».

Тональность творчества французского писателя нашла отзыв в душе И. Эренбурга, который томился в чужом краю и чувствовал себя свободным и приобщенным к утраченной России только наедине с природой. Он вспоминал: «На короткий срок меня прельстила философия Жамма – он оправдывал и голубя, и коршуна.

Меня давно мучила мысль: откуда приходит зло? Дуализм представлялся мне отвратительным; я по-прежнему ненавидел буржуазию, но я уже знал, что не все вопросы будут разрешены обобщением средств производства. Я ухватился за бога деревьев и ослов».

В это время он пишет стихи под влиянием религии, которые позже войдут в сборник «Детское»: «Боже, милый, ласковый, как ты мне близок минутами, как ты тешишь сердце сказками, сказками, прибаутками. Разве не дети мы, разве ты не балуешь нас грозами, дождями летними, сухими морозами? Когда я большую собаку глажу и чую на руке ее язык горячий и влажный, за собакой, что меня робко лижет, я тебя, Господи, вижу» (Без названия, 1913).

Привлекала И. Эренбурга не только философия его французского коллеги, но и поэтика. Жаммовский символизм отличался от символизма русского, который в то время становился популярным течением. Французский поэт еще при жизни прославился как певец провинции, которую он описывал в духе символизма-неоромантизма как место, где простой человек находит счастье в единении с прекрасной природой. Например, его стихотворение «Я читал романы, сборники стихов...» 1901 года:

Я читал романы, сборники стихов,
Писанные умными людьми в Париже.
Ах, они не жили у моих ручьев,
Где бекас купаясь шелестит и брызжет.
Пусть они приедут поглядеть дроздов,
На пруду опавшие сухие листья,
Маленькие двери брошенных домов,
Ласковых крестьян и уток серебристых,
И тогда, с улыбкой трубку закулив,
От тоски своей излечатся, наверно,
Слушая глухой пронзительный призыв
Ястреба, повисшего над ближней фермой.

Будучи в эмиграции, И. Эренбург скучал по Родине, но вернуться в Россию он не мог — он числился под следствием по обвинению в подпольной революционной деятельности, и его могли арестовать. Наверное, именно из-за невозможности снова увидеть родину она кажется ему раем, где его жизнь могла бы протекать по совершенно другому, спокойному, пути. Эта тональность напоминает тональность Ф. Жамма:

Я бы мог прожить совсем иначе,
И душа когда-то создана была
Для какой-нибудь московской дачи,
Где со стенок капает смола,
Где идешь, зарею пробужденный,
К берегу отлогому реки,
Чтоб увидеть, как по влаге сонной
Бегают смешные паучки.
Милая, далекая, поведай,
Отчего ты стала мне чужда,
Отчего к тебе я не приеду,
Не смогу приехать никогда?..

(По первой строчке, 1913)

В 1914 году выходит сборник «Детское. Стихи в прозе»⁶, который он полностью посвятил Ф. Жамму: «Часто, блуждая вечером по Парижу, я ваш скромный домик снова вижу... Если моя душа в Париже не погибла, спасибо вам за это, Жамм! Спасибо! Еще кружат надо мной метели темными стаями, еще душа не смеет назвать Того, к Кому обращается. Но вы, нашедший для своей молитвы восторг непересохшего ручья, молясь за всех, немного помолитесь за то, чтоб мог молиться я!» (Франсису Жамму).

В этом сборнике достаточно много младенческих стихотворений. Написаны они отчасти стихом, отчасти прозой, с ослабленной рифмой. Таким образом автор выражает детскость и наивность стихов этого сборника. Например: «Спи, мой Заинька, нежный пушок, серенький, маленький, робкий зверек. Заиньке не спится; заинька боится увидеть во сне Лисицу. Не бойся, Заинька, не бойся, маленький, Баинька, Заинька, Баинька, маленький!» (Колыбельная, 1913).

Ф. Жамм был близок И. Эренбургу не только как поэт, ему было понятно мышление писателя. Возможно также, что И. Эренбург был одинок в то время, ощущал потребность в духовном руководстве, он решился на встречу с Ф. Жаммом и поехал к нему в далекую деревню где-то в Пиренеях. Однако эта встреча не оправдала ожиданий молодого русского писателя, он уехал с пустым сердцем: «Он мне понравился, но я понял, что он не Франциск Ассизский и не отец Зосима, а только поэт и добрый человек...»⁸.

Эстетические взгляды И. Эренбурга, сформированные под влиянием Ф. Жамма, нашли отражение и в его статьях. Например, в статье «Заметки о русской поэзии» эпиграфом служат цитаты из Ф. Жамма: «Мы осознавали, что великое движение было неизбежным, оно протекало выше нас, в небесной сфере, среди богов». «Поэтому мы опустили голову и взглянули вниз». Так И. Эренбург характеризует акмеистов как новое поколение писателей и поэтов, «склонных к искренности и к простоте, к наблюдению над окружающей их жизнью... Это не "реализм" старых поэтов... это нечто новое, чему еще не найдено истинного и глубокого определения». Он противопоставляет их символистам и футуристам. Поэзию символистов он называет «внежизненной», утверждая, что «"Солнце" и "Звезды" Бальмонта, "Змии" Сологуба, "ложе пытки" и "смертные колеса" Брюсова при всей их значительности — вчерашний день русской поэзии». Футуристов же он вообще исключает из категории искусства, говоря, что это муть искусства и собрание молодых людей, «совершенно лишенных каких бы то ни было человеческих чувств, мыслей и переживаний»⁹.

Таким образом, он критиковал символистов и принимал акмеистические тенденции. Однако надо сказать, то, что в России было акмеизмом, было присуще Ф. Жамму, влияние которого испытывал И. Эренбург на протяжении трех лет,

с 1911-го по 1914-й. Но «спокойная» набожность и вера в идеалистическое строение мира были слишком просты для русского писателя, они не давали ответов на мучившие его вопросы. С одной стороны, тяготение к поэзии и философии Ф. Жамма нельзя оценивать как простое увлечение переводчика и молодого поэта, потому что поиски гармонии с миром, поиски нравственных

ценностей было поколенческой чертой. С другой – для И. Эренбурга попытка усвоить чужое мировоззрение закономерно обернулась разочарованием. По прошествии некоторого времени И. Эренбург называл это «ребячеством» и открыто говорил о подражательности. Он перерос это увлечение, но последствия сказались на его творчестве. Это был период его исканий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Жамм Ф. Стихи и проза / Пер. И. Эренбурга и Е. Шмидт. М.: Тов-во скоропечатни А. А. Левинсон, 1913. 138 с.
- ² Например, такие его книги, как «От утреннего благовеста до вечернего» (1898), «Траур весен» (1901), «Проголины в небе» (1906), «Богоматерь и сонеты» (1919).
- ³ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1. Т. 8. М.: Художественная литература, 1966. С. 84.
- ⁴ У Ф. Жамма есть стихотворение, где он просит у Бога позволить ему самому выбрать ему путь в рай и войти туда вместе с ослами. Б. Фрезенский Об Илье Эренбурге: Избранные статьи и публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 904 с.
- ⁵ Литературная Россия. М., 1924. С. 377.
- ⁶ Слуцкий Б. Предисловие к книге Тень деревьев. Стихи зарубежных поэтов в переводе Ильи Эренбурга. М.: Прогресс, 1969. С. 9.
- ⁷ Эренбург И. Детское. Стихи в прозе. Париж: Тип. Рираховского, 1914. 24 с. Туда вошли такие стихотворения, как Франсису Жамму («Часто блуждая вечером по Парижу...»), Подруте («Утром на поляне гладкой...»), Колыбельная («Спи, мой зайнышка, нежный пушок...»), На даче («Воробы прыгают по березам...»), Сыновья («Полдевятого пора в школу...») и др.
- ⁸ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1. Т. 8. М.: Художественная литература, 1966. С. 85.
- ⁹ Эренбург И. Заметки о русской поэзии // Гелиос. Париж. 1913. № 1. Ноябрь. С. 14–17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б е р а р Е. Бурная жизнь Ильи Эренбурга / Предисловие Е. Эткинды; Пер. с фр. О. Пановой. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 276 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fanread.ru/book/10772575/?page=1> (дата обращения 07.08.2016).
2. Б о л ь ш у х и н Л. Ю. «Другое» сознание в ранней лирике Маяковского: диалог с Франсисом Жаммом // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 71–74.
3. Л о с е в А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 962 с.
4. П е р ц о в В. Маяковский. Жизнь и творчество (1893–1917). М.: Наука, 1969. 368 с.
5. Р у б а ш к и н А. Илья Эренбург: путь писателя. Л.: Сов. писатель, 1990. 527 с.
6. Тень деревьев. Стихи зарубежных поэтов в переводе Ильи Эренбурга. М.: Прогресс, 1969.
7. Ф р е з е н с к и й Б. Об Илье Эренбурге: Избранные статьи и публикации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1032316> (дата обращения 07.08.2016).
8. Х а р д ж и е в Н. И. Статьи об авангарде. Т. 2. М.: РА, 1997. 198 с.

Galay K. N., Peoples Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)

F. JAMMES IN EARLY WORKS OF I. EHRENBURG

The article describes the influence of the French writer Francis Jammes on Ilya Ehrenburg, who initially tried his hand as a poet. The young author finds his inspiration in the works of F. Jammes. His religiosity was extraordinary as it combined the Canons of Catholicism, Paganism, religion, feeling of harmony and belonging to the life of the Universe. Creative tonality of the French writer has found a deep response in the soul of Ehrenburg. The aesthetic views of I. Ehrenburg shaped under the influence of F. Jammes can be seen in the articles of the Russian writer. However, I. Ehrenburg freed himself from the influence of F. Jammes; the “calm” piety and faith in the idealistic structure of the world was too easy for the Russian writer. The passion for the poetry and philosophy can’t be called a simple hobby of an interpreter and a young poet. The attempt to grasp the vision of another person turned into a reasonable disappointment for I. Ehrenburg. Over time I. Ehrenburg called it childishness and spoke openly about imitateness.

Key words: Erhenburg, Jammes, symbolism, Catholicism, pantheism, Dionysian

REFERENCES

1. B e r a r E. *Burnaya zhizn' Il'i Erenburga* [The stormy life of Ilya Ehrenburg]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 276 p. Available at: <http://fanread.ru/book/10772575/?page=1> (accessed 07.08.2016).
2. B o l c h u h i n L. U. “Other” in the consciousness of the early lyric Mayakovskiy: Dialogue with Francis Jammes [“Drugoe” soznanie v ranney lirike Mayakovskogo: dialog s Fransisom Zhammom]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. Lobachevskogo*. 2011. № 6 (2). P. 71–74.
3. L o s e v A. F. *Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii* [Essays on ancient symbolism and mythology]. Moscow, Misl' Publ., 1993. 962 p.
4. P e r c o v V. *Mayakovskiy. Zizn' i tvorchestvo (1893–1917)* [Mayakovsiy. The life and the creation (1893–1917)]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 368 p.
5. R u b a c h k i n A. *Il'ya Erenburg: put' pisatelya* [Ilya Ehrenburg: the path of writer]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990. 527 p.
6. *Ten' derev'ev. Stikhi zarubezhnykh poetov v perevode Il'i Erenburga* [The shadow of the trees. The poems of foreign poets in translation of Ilya Ehrenburg]. Moscow, Progress Publ., 1969.
7. F r e z e n s k i y B. *Ob Il'e Erenburge: Izbrannye stat'i i publikatsii* [About Iliya Ehrenburg: selected articles and publications]. Available at: <http://www.e-reading.club/book.php?book=1032316> (accessed 07.08.2016).
8. H a r d j i e v N. I. *Stat'i ob avangarde* [Articles on the forefront]. Vol. 2. Moscow, RA Publ., 1997. 198 p.

Поступила в редакцию 29.11.2016

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ЗАХАРОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ovzakh05@yandex.ru

ЖАНРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В «ПОВЕСТИ О СИЛЬНОМ БОГАТЫРЕ ЧУРИЛЕ ПЛЕНКОВИЧЕ» В. А. ЛЕВШИНА*

В русской литературе XVIII века фольклорные герои нередко становились персонажами литературных произведений разных жанров. Один из них – богатырь Чурила Пленкович. В былинах отличительными чертами героя были щегольство, богатство, красота, хвастовство, женолюбие. В литературной «Повести о сильном богатыре Чуриле Пленковиче» В. А. Левшин изменил былинную концепцию героя, наделил его чертами настоящего богатыря: физической силой, добродетелью, благонаравием, любовью и заботой об Отечестве. Отказавшись от сатирической трактовки былинного образа Чурилы, автор повести поставил его в один ряд с такими богатырями, как Добрыня Никитич, Алеша Попович. Герой повести совершает подвиги: побеждает Змия, злого волшебника Кривида и его племянников сказочных богатырей Дубыню, Горыню, Усыню, освобождает Прелепу и Ваидевута, избавляет Гертрудию и Марбоду от Сумиги, громит скифское войско и его полководца Чинчигана и покоряет Царьград. Автор смело соединяет былинные, сказочные и романские мотивы и образы, представляя Чурилу Пленковича героем сказочно-богатырской повести. Результатом этих жанровых трансформаций стали оригинальное произведение и новая интерпретация образа Чурилы, которая была воспринята в русской литературе XIX века.

Ключевые слова: В. А. Левшин, былина, повесть, фольклорная сказка, трансформация жанров, сюжет, богатырь, Чурила Пленкович, фольклорный тип, литературный герой, характер, жанр

Чурила Пленкович – герой ряда нравоописательных былин. Некоторые исследователи называют их новеллистическими, прибегая в их типологическом определении к наименованию литературного жанра: «...мотивы героические и волшебнo-сказочные либо вовсе отсутствуют, либо занимают подчиненное положение <...> Герои новеллистических былин лишены, по существу, тех качеств, какие отличают богатырей: они не воины; они не совершают подвигов, не борются с иноземными врагами, чудовищами и т. д., не получают заданий государственного порядка; в них нет обычно и внешних черт, присущих богатырям» [8: 165]. На наш взгляд, подобная типологическая модернизация жанровых дефиниций не выражает историческую эволюцию былины, но может определять подражательные по отношению к новелле поздние литературные явления.

В русском фольклоре Чурила – один из дружинок князя Владимира. Ф. И. Буслаев характеризовал его как «лицо самостоятельное, как бы удельный князь, с собственной дружиною»¹. По мнению В. Я. Проппа, главное качество героя «заключается в том, чтобы иметь все самое дорогое, самое лучшее и, главное, такое, какого ни у кого нет, по возможности заграничное, что трудно достать и чем можно хвастать» [7: 479].

О Чуриле Пленковиче записаны три сюжета: «Молодость Чурилы (Чурила и князь)», «Дюк и Чурила» и «Чурила и Катерина».

Первый сюжет рассказывает о появлении Чурилы при дворе князя Владимира. Чурила «изображается как богач, обладатель роскошного и сказочно-красивого поместья, находящегося вдали от Киева; он – блестящий предводитель сильной дружины; Чурила не боится Владимира, охотится на его земле, отбирает добычу у его слуг и т. д.» [9: 478]. Князь Владимир приглашает Чурилу к себе на службу. Он – щеголь, красавец, бабий угодник. В Киеве Чурила покоряет всех женщин своей внешностью и обхождением. Заметив повышенное внимание к Чуриле княгини Апраксии, князь Владимир удаляет его со своего двора, и тот возвращается в свои владения.

Содержанием былины «Дюк и Чурила» является состязание богатырей в богатстве и хвастовстве, которое заканчивается полным посрамлением Чурилы. Он выступает здесь «как представитель киевских князей и бояр и в борьбе против Дюка прибегает к нечестным приемам» [9: 479], предстает хвастливым и заносчивым человеком, который не может смириться с тем, что в Киеве появился более успешный соперник.

Более известна былина «Чурила и Катерина», в которой герой вступает в любовную связь с женой Бермяты. В сюжете, в котором Чурила показан обольстителем женщин, совмещаются «комические и драматические мотивы»: «Чурила изображается обычно с иронией, как человек, ищущий легких приключений и нечаянно попадающий в беду» [9: 480]. Как отмечают

исследователи, образ Чурилы «приобретает комические черты; былины о нем не лишены элементов сатиры» [8: 166].

Чурила Пленкович был второстепенным героем ироничной «Сказки о богатыре Голе Воянском», записанной Богданом Бронницким в 30-е годы XIX века «со слов хожалого сказочника, крестьянина из Подмосковной»². В этой сказке Чурила вместе с Ерусланом Лазаревичем и Бовой Королевичем побеждает «дружину воинов да три богатыря в латах», которые посланы на бой царь-девицей³.

В 1780-е годы к образу былинного и сказочно-го героя обратился В. А. Левшин, который включил в состав сборника «Русские сказки» «Повесть о сильном богатыре Чуриле Пленковиче». Первоначально авторство сборника ошибочно приписывалось М. Д. Чулкову [12]. Подлинного автора установил В. Б. Шкловский [13].

В «Известии» к первой части сборника Левшин раскрывает цель своего издания и его жанровые установки: «Романы и Сказки были во все времена у всех народов <...> Помещенные в Парижской Всеобщей Библиотеке Романов повести о Рыцарях, ни что иное, как сказки Богатырские, и Французская *Bibliothèque Bleue*, содержит таковые ж Сказки, каковые у нас рассказываются в простом народе. С 1778 года в Берлине также издается Библиотека Романов, содержащая между прочим два отделения: Романов древних Немецких Рыцарей, и Романов народных. Россия имеет также свои, но оные хранятся только в памяти. Я заключил подражать издателям, прежде меня начавшим подобные предания, и издаю сии сказки русские, с намерением сохранить сего рода наши древности, и поощрить людей, имеющих время, собрать все оных множество, чтобы составить Библиотеку Русских Романов» (21)⁴. Эти слова были поняты многими исследователями как указание на то, что в повестях автор следует традициям рыцарских романов (см.: [2], [3], [4], [5], [11], [12], [13] и др.). Это не совсем так. Есть и другие фольклорные и литературные источники [1], [5], [6], [12].

В чем специфика левшинской трактовки фольклорного героя?

Былинный Чурила не совершает героических подвигов, не спасает Отечество и князя Владимира от внешних врагов русского государства, он – сатирический герой, который олицетворяет некоторые особенности дружинного быта: праздность, хвастовство, щегольство. Его главной отличительной чертой является внешняя красота и богатство.

В повести Левшина Чурила совершает подвиги, которые отсутствуют в былинных сюжетах об этом богатыре: «Они связаны с другими былинными сюжетами и другими книжными источниками или принадлежат фантазии автора» [1: 388]. В сюжете повести можно выделить четы-

ре эпизода: победа Чурилы над Змием, освобождение Прелепы и Ваидевута от козней Кривида, освобождение Гертрудии от Сумиги и подвиги после возвращения в Киев. В первом эпизоде герой предстает спасителем Русской земли от Змия, который поселился в пещере «заднепровских гор» и учинил «кровавое» разорение. Имя того, кто избавит народ «от сего лютого чудовища», объявляет «пустынник неизвестный, живущий в пещерах Варяжских», который является перед князем Владимиром после моления богам и принесения жертв: Чурила, сын кожевника Пленко.

Как и в былинах, в повести Левшина князь Владимир не знает, где живет Чурила. В былине князь Владимир отправляется к Чуриле сам, дороге ему показывают бояре и князья или «удалой добрый молодец Иван да Иванович». В повести Левшина князь снаряжает в дорогу своих приближенных, которые «по долгом искании находят жилище оного кожевника» (68). Здесь возникает еще одно отличие былинного и литературного героя. В былинах Чурила – удельный князь, в повести он – добродетельный и благонравный сын кожемяки.

Перечисляя фольклорные и литературные традиции в «Русских сказках» Левшина, В. В. Сиповский называет одним из источников «Сказание о Кожемяке», отсылая читателей к сказке «Никита Кожемяка» из сборника «Народные русские сказки» Афанасьева (№ 148) [12: 229]. Народная сказка обнаруживает сходство с повестью Левшина: в сказке про Никиту Кожемяку герой является победителем Змея, на поиски героя царь отправляется самолично, сила героя показана через занятие ремеслом («В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож <...> и разорвал он те двенадцать кож»⁵). На сходство левшинского Чурилы с победителем печенегов в 6501 (993) году из «Повести временных лет» обращает внимание Л. А. Курышева [5: 71].

Анализируя сборник «Русские сказки» Левшина, В. В. Сиповский называет его повести романами, которые разделяет на два рода: героические и комические (бытовые) [12: 162]. Этим исследователь указывает на общий характер этих повестей и рыцарских романов из французских и немецких библиотек, которым, как отмечает, он подражает: «...все издания приблизительно одного характера, – соединяющие разные виды волшебного-рыцарского творчества с романами народными (сказки, фавль)» [12: 162]. И. П. Лупанова оспорила суждение В. В. Сиповского, полагая, что победа Чурилы с помощью обыкновенной кленовой дубины является доказательством фольклорно-сказочного происхождения образа сына киевского кожевника [6: 23].

В былине Чурилу характеризуют такие качества, как франтовство, красота и богатство. Он – щеголь, который прославляет себя не богатырскими подвигами, а хвастовством.

Чурила Левшина кроток, скромен и благонравен, чем удивляет посланников князя Владимира. Он испытывает почтение к князю и готов умереть за него. Его слова и поступки выдержаны в строгих этикетных формулах поведения героя рыцарского романа: «Чурило Пленкович поверг себя на землю и отвечивал, восставши: “Во устах моего государя, я всякое слово чту глаголом бессмертных; но сомневаюсь я, чтоб силы мои достаточны были исполнить надежду о мне Твоего Величества. Однако если и погибну я, но умру с усердием, желая исполнить повеление твое”» (68). Отправляясь на поединок, богатырь отказывается от доспехов и оружия, так как «непривык употреблять сего», вырывает росшее в княжеском дворе «кленовое толстое дерево с корня» и, очистив от веток, выходит на поиски Змия. Желая подтвердить достоверность описываемых событий, автор делает примечание в сноске: «Происшествие сие еще не загладилося в памяти киевлян, и поднесъ показывают пещеру, где жил змий сей, которая и называется змиева нора. Видимо, во оной множество человеческих и скотских, большею частию истлевших костей. Что подтверждает о действительном бытии сего приключения» (69). Этот подвиг ставит Чурилу в один ряд с другими былинными змееборцами в русском фольклоре – Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем. Торжествующий Чурила возвращается с победой в Киев и «приемлет великую милость от Владимира», который объявляет его своим богатырем. В мирное время Чурила живет в «праздности», учении и состязаниях. За два года службы у князя Владимира Чурила стал «сильным» богатырем. Среди богатырей он особо почитает Добрыню, который наставляет его в науке ратной, дарит ему коня Агриканова, который является подарком Добрады. По наблюдению Л. А. Курышевой, имя коня образовано от имени татарского князя Агрикона из романа «Влюбленный Роланд» Боярдо [5: 60–63]. Описывая возмужавшего Чурилу, Левшин сообщает: «...не было ни одного коня в стадах княжеских, который бы удержал хотя наложенную его руку. Один только Агриканов конь мог переносить его на себе чрез заборы» (69). Получив коня, Чурила просил дозволения у своего государя свет посмотреть и себя испытать в поединках с «чуждыми богатырями». Описанию приключений героя отводится значительная часть повествования с рассказом о новых подвигах богатыря: освобождении Прелепы и победе над чародеем Кривидом, победе над скифским богатырем Сумигой. Так, «строгий наблюдатель заповедей богатырских», Чурила освобождает Прелепу от Кривида и его племянников, «ибо знал, что нежный пол первое имеет право на покровительство богатырское» (70). В этом эпизоде Чурила предстает галантным рыцарем, его появление приводит девицу «в трепет», она рассказывает ему свою историю.

Прелепа – дочь жреца Ваидевута, которая посвящена в жрицы божества Ишамбрата. Чародей Кривид добивается от Ваидевута согласия на брак с юной красавицей, Прелепе противен внешний вид и род занятий ее жениха: «Голова с кулак, украшенная только одним глазом, выглядывала из плеч, быв во оные почти вся вдавлена. Рыжая по земли волочащаяся борода закрывала передний его горб; но тем явственнее казался таковой же остроконечный горб сзади. Ноги в четверть аршина и покрытые сивою шерстью руки довершали его пригожество» (70–71). Чурила вызывается освободить Прелепу от чародея и клянется «богами рускими» не давать в обиду «терпящих насилие» (72). В ожидании поединка герой Левшина, как учтивый кавалер, развлекает Прелепу рассказами.

По наблюдению В. В. Сиповского, тема похищения красавицы чародеем встречается в сборнике Левшина шестнадцать раз [12: 225]. И. П. Лупанова замечает по этому поводу, что данная тема свидетельствует об опоре Левшина на русский фольклор, так как «поиски витязем невесты, похищенной злым существом – Кошеем, Змеем и пр., – один из популярнейших сюжетов русских народных сказок» [6: 30].

Кривид наделил племянников «невоображаемой силой»: «Дубыня мог вырывать дубы из корня, Горыня ворочать горы, а Усыня выросшими своими превеликими усами обвивать претяжкие камни и бросать оные, как бы из праща, на дальнее расстояние» (71). Чурила расправляется с соперниками: Дубыню убил «ударом плети через лоб», Усыню схватил «за ус и треснул о землю толь исправно, что кроме уса не осталось и знака, бывал ли когда Усыня», Горыню толкнул так сильно, что он «раздробленный и с каменным утесом улетел из глаз».

К. Е. Корепова относит образы Дубыни, Горыни и Усыни к одной из версий сюжета русской волшебной сказки «Три подземных царства» (СУС 301) [1: 388]. Это суждение нуждается в уточнении: кроме сюжета о «трех царствах» в русской фольклорной традиции сказочные персонажи Усыня, Дубыня и Горыня являются героями сюжета «Иван-медвежье ушко» (СУС 650 А). Впервые текст «Сказки о Ивашке-медвежьем ушке» был опубликован в сборнике «Старая погудка на новый лад» в 1794–1795 годах. Дубыня, Горыня и Усыня являются незадачливыми товарищами силача Ивашки-медвежье ушко в его сказочных похождениях.

По наблюдению В. В. Сиповского, герои рыцарских романов сталкиваются «с злыми волшебниками, главным образом, в качестве отважного врага, – оттого бой с ними – одна из любимых сцен» [12: 29].

В пути между Прелепой и Чурилой возникают любовные отношения, на которые автор скромно намекает в повествовании. Во время

расставания перед битвой «Прелепа пролиwała слезы, теряя своего избавителя, и имела к тому причину; ибо чрез девять месяцев...» (74–75). По мнению И. П. Лупановой, «Чурила вовсе не является нежным любовником, и связь его с Прелепой носит совершенно случайный и временный характер» [6: 25]. Богатырь не похож на пылкого влюбленного рыцаря, совершающего подвиги ради прекрасной дамы: так, когда Прелепа «жалостно» кричит ему вслед и просит помедлить, он уезжает не оглядываясь.

В поисках Кривида Чурила спускается в пропасть, где происходит их поединок. Ироническое описание автором победы Чурилы над Кривидом является «не столько наследием рыцарских поэм с их утонченной иронией, сколько отзвуками грубоватого скоморошьевого искусства» [3: 15]. Герой побеждает противника даром кулака: «Тумак был толь жесток, что она ушла совсем в тело, выскочила в противоположенной части на низ и вынесла на себе желудок равно как шапку. Чурило оставил его в сем новом наряде; ибо не опасался уже, чтоб удобен он был к покушениям на драку» (74). Из сокровищ Кривида Чурила оставляет у себя только свинцовую дубину, золото дарит Ваидевуту с детьми, «знатную» часть оставляет Прелепе, уничтожает труды Кривида: «записки передрал в клочья», «перебил» множество бутылей и химических орудий.

Следующий подвиг Чурилы – освобождение Гертрурского (Флоренского) государства от похитителя престола скифского богатыря Сумиги, у которого были «руки длины чрезмерной», которыми тот обхватывал наступающие войска и всех «до последней души» давил. Эту силу Сумига получает в дар от ведьмы за кражу у стоглазого исполина кувшина с живой водой. Во время поединка, видя тщетность своих усилий, Сумига

пытался спастись бегством, накрываясь волшебным щитом, но Чурила достал его и оторвал ему голову. Победив Сумигу, Чурила возвращается обратно в Киев на службу к князю Владимиру. Главной добычей богатыря является волшебный щит, при помощи которого Чурила совершает еще два подвига: побеждает Чинчигана и его войско и завоевывает «царь град». Рассказывая об этих подвигах Чурилы, автор меняет масштаб осмысления эпических событий: место Киева занимает «Руская держава», Россия, мировая история («царь град»).

Несмотря на подражательность, сюжет повести оригинален, он составлен из былинных, сказочных и литературных мотивов. В. А. Левшин вводит в повествование сказочные образы (Дубыня, Горыня, Усыня, злой волшебник Кривид), волшебные предметы (живая вода, волшебный щит). В сказочных странствиях герой совершает подвиги и возвращается на службу к князю Владимиру.

Чурила Левшина не обольстителем, не щеголь, а кожемяка, ставший богатырем. Он не только одарен физической силой, но и обладает чувством справедливости, он – защитник слабых и обездоленных, защитник Отечества. Черты, которыми Левшин наделил своего героя, противоречат фольклорной трактовке образа Чурилы. Автор изменил концепцию былинного героя, отказался от его сатирической трактовки, вернул ему богатырское достоинство, восстановил «родовую природу типа» [10: 67]. Автор точен в жанровом наименовании своего произведения: сочетая былинные, сказочные и романские мотивы и образы, он создал сказочно-богатырскую повесть. Многие мотивы Левшина получили развитие в «богатырской повести в стихах» Н. А. Радищева «Чурила Пленкович, богатырское песнотворение».

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 15-04-00366 а.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос // Русский вестник. 1862. № 3. (Т. 41). С. 535.

² Русские народные сказки, собранные Богданом Бронницким. СПб.: Тип. А. Воейкова и комп., 1838. С. III.

³ Там же. С. 35–36.

⁴ Здесь и далее текст «Повесть о сильном богатыре Чуриле Пленковиче» В. А. Левшина цит. по: Левшин В. А. Русские сказки: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 2008. Кн. 1. 472 с. В круглых скобках указывается страница.

⁵ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3 т. / Подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков; Отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. М.: Наука, 1984. Т. 1. С. 263.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корепова К. Е. Комментарий // Левшин В. А. Русские сказки: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 2008. Кн. 2. С. 383–398.
2. Корепова К. Е. «Русские сказки» В. А. Левшина // Левшин В. А. Русские сказки: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 2008. Кн. 1. С. 5–18.
3. Костюхин Е. Древняя Русь в рыцарском ореоле // Приключения славянских витязей: из русской беллетристики XVIII века. М.: Современник, 1988. С. 5–20.
4. Курышева Л. А. Повести о богатырях в «Русских сказках» В. А. Левшина: сказочно-историческая модель повествования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 14 с.
5. Курышева Л. А. Повести о богатырях в «Русских сказках» В. А. Левшина: сказочно-историческая модель повествования. Новосибирск: Наука, 2009. 152 с.
6. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1959. 503 с.

7. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: ГИХЛ, 1958. 603 с.
8. Пропп В. Я., Путилов Б. Н. Вступительный очерк // Былины: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 2. С. 165–171.
9. Пропп В. Я., Путилов Б. Н. Комментарии // Былины: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 2. С. 459–509.
10. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 225 с.
11. Савченко С. В. Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев: Тип. Ун-та св. Владимира, 1914. 543 с.
12. Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа: Исследование. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. XVIII-ый век. 951 с.
13. Шкловский В. Б. Чулков и Левшин. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. 279 с.

Zakharova O. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

GENRE TRANSFORMATIONS IN “THE TALE ABOUT STRONG BOGATYR CHURILA PLENKOVICH” BY V. A. LEVSHIN

In the 18th-century Russian literature, folkloric heroes quite often became characters of literary works of different genres. One of them is bogatyr Churila Plenkovich. In bylinas (Russian epic songs) the hero possesses the following distinctive traits: foppiness, profusion, handsomeness, boasting, gynophilia. In his literary writing “The Tale about Strong Bogatyr Churila Plenkovich” V. A. Levshin changed the epic conception of the hero and invested him with characteristics of a real bogatyr: physical vigour, virtue, good nature, loving-kindness and concern about the Fatherland. Having rejected the satirical interpretation of the epic image of Churila, the author of the story ranked him together with such bogatyr as Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich. The hero of the tale performs feats: he defeats the Dragon, the wicked wizard Krivid and his nephews – the fabulous bogatyr Dubynya, Gorynya, Usynya; he relieves Prelepa and Vaidevut; he releases Gertruriya and Marbod from Sumiga, overthrows the Scythian troops and their commander Chinchigan and conquers Tsargrad (Constantinople). The author easily combines epic, fabulous and novelistic motives and images representing Churila Plenkovich as the protagonist of a fabulous bogatyr tale. The results of these genre transformations were an original literary work and a new interpretation of the character of Churila, which were accepted in the 19th-century Russian literature.

Key words: V. A. Levshin, folk tale, narrative, Transformations of genre, plot, folkloric fairy tale, bogatyr, Tchurila Plenkovich, folk style, fictitious character, character, genre

REFERENCES

1. Корёпова К. Е. Comment [Kommentariy]. *Levshin V. A. Russkie skazki: V 2 knigakh*. St. Petersburg, Tropa Troyanova Publ., 2008. Book 2. P. 383–398.
2. Корёпова К. Е. “Russian fairy tales” by V. A. Levshin [“Russkie skazki” V. A. Levshina]. *Levshin V. A. Russkie skazki: V 2 knigakh*. St. Petersburg, Tropa Troyanova Publ., 2008. Book 1. P. 5–18.
3. Kostyukhin E. Ancient Russia of the knight glory [Drevnyaya Rus’ v rytsarskom oreole]. *Prikluyeniya slavyanskikh vityazey: iz russkoy belletristiki XVIII veka*. Moscow, Sovremennik Publ., 1988. P. 5–20.
4. Kuryшева L. A. *Povesti o bogatyryakh v “Russkikh skazkakh” V. A. Levshina: skazочно-istoricheskaya model’ povestvovaniya: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The tales of the epic heroes in “Russian fairy tales” by V. A. Levshin: the fairytale and historical model of the narrative. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Barnaul, 2004. 14 p.
5. Kuryшева L. A. *Povesti o bogatyryakh v “Russkikh skazkakh” V. A. Levshina: skazочно-istoricheskaya model’ povestvovaniya* [The tales of the epic heroes in “Russian fairy tales” by V. A. Levshin: the fairytale and historical model of the narrative]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009. 152 p.
6. Lupanova I. P. *Russkaya narodnaya skazka v tvorchestve pisateley pervoy poloviny XIX veka* [Russian folk tale in the works of writers of the first half of the 19th century]. Petrozavodsk, Gos. izd-vo Karel’skoy ASSR Publ., 1959. 503 p.
7. Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epос* [Russian heroic epic]. Moscow, GIKhL Publ., 1958. 603 p.
8. Propp V. Ya., Putilov B. N. An introductory essay [Vstupitel’nyy ocherk]. *Byliny: V 2 tomakh*. Moscow, GIKhL Publ., 1958. Vol. 2. P. 165–171.
9. Propp V. Ya., Putilov B. N. Comments [Kommentarii]. *Byliny: V 2 tomakh*. Moscow, GIKhL Publ., 1958. Vol. 2. P. 459–509.
10. Putilov B. N. *Geroicheskiy epос i deystvitel’nost’* [Heroic epic and reality]. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 225 p.
11. Savchenko S. V. *Russkaya narodnaya skazka. Istoriya sobiraniya i izucheniya* [Russian folk tale. The history of collecting and study]. Kiev, Tip. Un-ta sv. Vladimira Publ., 1914. 543 p.
12. Sipovskiy V. V. *Ocherki iz istorii russkogo romana: Issledovanie* [Essays on the history of the Russian novel]. St. Petersburg, 1910. Vol. 1. Issue 2 (XVIII century). 951 p.
13. Shklovskiy V. B. *Chulkov i Levshin* [Chulkov and Levshin]. Leningrad, Izd-vo pisateley v Leningrade Publ., 1933. 279 p.

Поступила в редакцию 17.01.2017

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЗИН

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур факультета русской филологии, Московский государственный областной университет (Москва, Российская Федерация)
kozzin@mail.ru

«ЛЕГЕНДА О МЕРТВОМ СОЛДАТЕ» Б. БРЕХТА: К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЖАНРА

Статья посвящена проблеме осмысления характера Первой мировой войны в балладе Б. Брехта «Легенда о мертвом солдате». Рассматривается использование Брехтом традиций жанра, а также опытов предшественников (И. Лёвен, Г. А. Бюргер, Г. Гейне, Й. Х. Цедлиц), касающихся в своих балладах военной тематики. Новизна авторской идеи определяется выявлением использованных по этому архетипическим моделей и их переосмысления с учетом реалий военного времени. Результаты анализа могут быть полезны при исследовании жанра немецкой литературной баллады.

Ключевые слова: баллада, война, герой, гротеск, жанр, ирония, реалия, сюжет

«Легенда о мертвом солдате» была написана Б. Брехтом в «военный 1917 год» [5: 399]. В немецкой литературной балладе тема гибельности войны была поднята еще в конце XVIII века И. Лёвеном («Юнкер Ганс из Швабии» *Junker Hans aus Schwaben*) и продолжена в балладах первой половины XIX века Г. Гейне «Гренадеры» (*Die Grenadiere*, 1816 (1819)), Й. Х. Цедлица «Ночной смотр» (*Die nächtliche Heerschau*, 1827) и «Воздушный корабль» (*Das Geisterschiff*, 1828). В данных балладах война мыслится в эпическом ракурсе – не как личная беда или государственная катастрофа, а как ситуация, в которой проявляются лучшие стороны человеческой личности (в первую очередь речь идет о воинах, о солдатах). Все наполеоновские герои погибли на войне, император умер. Но осталась память о прошлом, славных временах и титанических личностях.

Во второй половине XIX века война (в первую очередь Франко-прусская и Англо-бурская войны) показывает все новые нелицеприятные стороны. В Англо-бурской войне впервые солдаты массово оделись в хаки, были применены пулеметы, созданы концентрационные лагеря. Не заставит себя ждать и Первая мировая война. Техническая база Первой мировой войны была настолько передовой, что «материала» для ее «обслуживания» явно неоставало. Нехватка подвижных средств, амуниции, боеприпасов, продовольствия была лишь частью трудностей военного времени. В Европе эти вопросы более или менее успешно решались за счет передовых для того времени технологий. Одну из существенных проблем составляла так называемая живая сила, личный состав армий, для которых бессмысленность жертв стала открытием. Для европейца это было не только ново, но также шокирующе нелепо. Поистине, Первая мировая война стала началом «краха прежних общественных устоев, привычного порядка вещей» [1: 9].

Возможно, этим и объясняются столь частые психические нарушения у солдат, сопровождающиеся психосоматическими реакциями. Оглушающий треск от разрывов снарядов, гибель товарищей – лишь одна сторона медали. Погибших нужно было немедленно заменять на живых: годились и калеки, и психопаты, и не достигшие призывного возраста, и давно перешагнувшие его границы. В 1916 году в среде немецких солдат появилась поговорка: Скоро начнут из земли выкапывать мертвых и ставить их в строй. Возможно, эта горькая фраза натолкнула Б. Брехта на мысль создать «Легенду о мертвом солдате».

В «Легенде о мертвом солдате» отчетливо просматриваются глубокие традиции жанра: «Уже в этом раннем сочинении Брехта проявилась его склонность пародировать и тем самым переосмысливать классические образцы немецкой и мировой поэзии. “Легенда о мертвом солдате” перефразировала “Гренадеров” Генриха Гейне, которые брели из русского плена и готовы были ради томившегося в плену Наполеона подняться вместе с его поверженной ратью из могил» [4]. Здесь следует сказать, что с «Гренадерами» Гейне перекликаются «Ночной смотр» и «Воздушный корабль» Й. Х. Цедлица. А если вспомнить «квадратные» строфы, свойственные провансальской народной балладе и балладам Ф. Вийона, которыми Брехт пишет «О детоубийце Мари Фаррар» (*Von der Kindesmörderin Marie Farrar*) и некоторые зонги в «Трехгрошовой опере», становится очевидным активный эмпирический интерес Брехта не только к немецкой, но и старофранцузской разновидности жанра. То есть связь Брехта с национальными традициями европейской литературной баллады глубока и сознательна: «Последователь Франка Ведекинда, предшественника немецкого экспрессионизма, Брехт осваивал песни уличных певцов, балаганные куплеты, шансоны и даже традиционные формы – балладу и народную песню» [6].

«Легенда о мертвом солдате» является прямым потомком не только «Гренадеров», «Ночного смотра» и «Воздушного корабля». Корни ее уходят вглубь жанровых традиций немецкой литературной баллады XVIII века – Бюргера («Ленора»), Гёте («Коринфская невеста», «Бог и баядера», «Пляска мертвецов»), Шиллера («Ивиковы журавли»). Одним из основных элементов поэтики, объединяющих упомянутые баллады, является мотив умирания-воскрешения, уходящий своими корнями в древнюю обрядовую культуру. Данный мотив активно использовался в фольклоре. Бюргер, Шиллер и Гёте, используя те или иные обрядовые атрибуты, позволяют себе их инверсировать, переосмыслить. Но при этом они сохраняют основную инициационную суть обряда, олицетворявшего воскресение, обретение новой жизни. У Бюргера в «Леноре» Бог спасает душу главной героини; у Гёте в «Коринфской невесте» героиня требует от матери ритуального костра, чтобы со своим возлюбленным унести к древним богам; в «Боге и баядере» Магадев с храмовой жрицей посредством ритуального костра возносятся на небо. В балладах Цедлица и Гейне этот мотив умирания-воскрешения представлен уже вне сути обрядового действия, в виде по-новому переосмысленных персонажей. «Легенда о мертвом солдате» кардинально отличается от упомянутых произведений переосмыслением мотива умирания-воскрешения. Брехт меняет и порядок процесса: не от умирания к воскрешению, а от воскрешения к умиранию, что и определяет идейную остроту его произведения: катастрофа произошла не только в умах, но постигла сам порядок мироздания. В тексте баллады Брехта имеется множество различных символических деталей, позволяющих оценить «Легенду...» вне ее сюжетных границ. В свое время это было сделано Гансом Лемке, в разборе которого имеется ряд весьма интересных наблюдений [2]. В нашем случае мы в качестве точки отсчета избираем «Ленору» Г. А. Бюргера и отметим несколько ключевых, на наш взгляд, существенных параллелей с «Легендой...», позволивших представить балладу немецкого просветителя XVIII века жанровым контуром брехтовской баллады.

Во-первых, в начале «Легенды...» кайзер упомянут как опосредованный виновник смерти безымянного солдата (у Бюргера: *Er war mit König Friedrichs Macht...* – он был в битве вместе с королем Фридрихом...). Далее: Брехт время действия своей баллады относит к весне – лету; в «Леноре» упомянута Пражская битва, произошедшая в мае 1757 года. У Брехта дважды упоминаются звезды (*Die Sterne die Heimat sehnen; ...Und da sind nur Sterne da.*). У Бюргера: *Die Hand, bis Sonnenuntergang, / Bis auf am Himmelsbogen / Die goldnen Sterne zogen; // Wie flogen oben über hin / Der Himmel und die Sterne!* Оба автора используют

сниженный образ священника: у Брехта он хромал впереди солдата и махал кадилом, чтобы мертвый солдат не вонял; у Бюргера мертвый Вильгельм призывает полуночного попа освятить его свадебное ложе. У Брехта не раз употребляется выражение *hurra*. Бюргер не раз использует его в «Леноре»: *«Hurra! Die Toten reiten schnell!»* В балладе Брехта фигурирует дерево (у Бюргера присутствуют образы боярышника и орешника – «свадебные деревья»). В «Легенде...» Брехта упоминаются собаки, кошки и крысы, у Бюргера – ночная челядь, соответствующая зооморфическому маскараду, одному из атрибутов свадебного обряда [3: 43–53]. Все это позволяет отметить, что данные параллели, даже если они случайны, являются знаковыми. В балладе Брехта просматривается свадебный обряд, избранный Бюргером в качестве интриги для своего стихотворения [3: 43–53].

Таким образом, за точку отсчета Брехт берет «Ленору», признанную эталоном жанра, популярность которой была обеспечена рядом факторов: историческим контекстом, литературной традицией, фольклорными реминисценциями и аллюзиями, автобиографизмом. Все это имеется в балладе Брехта. Брехт, как в свое время Бюргер, использует свадебный обряд. У Бюргера погибший на войне Вильгельм весной (возможно, что и летом) ночью забирает свою невесту, живую Ленору, и мчится с ней в Богемию, к своей могиле. Они скачут под звездами, ярко светит месяц. По дороге им встречается похоронная процессия, священник, вороны, нечисть (зооморфический маскарад). Вильгельм всех зовет на свадьбу, и демоническая «челядь» взвилась, окружив листвою орешника (свадебное дерево). Наконец, Вильгельм на рассвете прискакал на кладбище, где обернулся скелетом, а Ленора умерла от страха, в прямом смысле отдав Богу душу. Таков сюжетный остов бюргеровской «Леноры».

В балладе Брехта летней ночью погибший на войне солдат насильно извлекается из земли. В сопровождении священника, челяди (медсестры и санитары), полуголой бабы (проститутка – суррогат невесты, будущей жены), гостей (господин во фраке, деревенские бабы), кошек, собак и крыс (зооморфический маскарад), мимо кланяющихся деревьев (свадебное дерево) он идет к рассвету и снова погибает. Как видно, параллели более чем прозрачные. Брехт намеренно использует сюжетную основу лучшей баллады своего великого предшественника, но только ее внешнюю сторону. Баллада Брехта оригинальна и самостоятельна, а выделенные нами параллели проявляются лишь при близком сопоставлении текстов. Внешне «Легенда...» более напоминает «Гренадеров» Г. Гейне, что было отмечено выше.

Брехт кардинально меняет функцию своего героя: из средства божественного наказания он становится жертвой; из велеречивого активного

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natalia.l.shilova@gmail.com

ЮРИЙ КАЗАКОВ И КАРЕЛИЯ

(по материалам писем к Ортё Степанову 1961–1968 годов)

Статья продолжает исследование биографических и творческих связей прозаика Юрия Казакова (1927–1982) с Карелией. Рассматриваются не публиковавшиеся ранее письма и открытки Казакова, отправленные карельскому писателю Ортё Степанову в период с 1961 по 1968 год. Материалы хранящегося в Петрозаводске архива свидетельствуют о внимании Казакова к Карелии на протяжении нескольких лет, о личных и творческих связях со Степановым, который стал для московского писателя проводником в финно-угорский мир. Переписка позволяет, кроме того, проследить связи между двумя текстами, написанными Казаковым на карельском материале и вышедшими почти одновременно в 1962 году – рассказом «Адам и Ева» и очерком «Калевала». Они отразили впечатления от двух малоизученных поездок писателя в Карелию: на остров Кижы в 1959 году и в Ухту (сейчас Калевала) – в 1961-м.

Ключевые слова: Юрий Казаков, Ортё Степанов, архив, письма, Калевала, Карелия

Русский Север – один из любимых маршрутов Юрия Казакова, который вообще много ездил в течение жизни. Не случайно составители наиболее полного трехтомного собрания сочинений писателя озаглавили первый том «Странник», по названию одного из самых ранних рассказов. Некоторые поездки, например к Белому морю, учтены в двух наиболее важных, на наш взгляд, работах – биографическом исследовании И. Кузьмичева «Жизнь Юрия Казакова: документальное повествование» (1986, второе, дополненное, издание – 2012) [5] и монографии Е. Ш. Галимовой «Художественный мир Юрия Казакова» (1992) [2]. Однако новые материалы по теме появляются и в настоящее время [1] и будут появляться впредь. Это связано как с неослабевающим интересом к наследию писателя и – шире – литературе советской оттепели, так и с естественным пополнением фактографической базы, в том числе с введением в научный оборот архивных документов, дополняющих сведения о жизни и творчестве Казакова.

Предмет нашего интереса – карельские маршруты Юрия Казакова. Он бывал в Карелии неоднократно. Помимо нескольких длительных поездок к Белому морю, часто захватывавших и север Карелии, с уверенностью можно назвать как минимум две особые карельские поездки писателя. О первой из них, совершенной в сентябре 1959 года, говорится в сохранившихся в архивах и опубликованных Виктором Конечким и Игорем Кузьмичевым письмах Казакова к Паустовскому и Конечному¹ [4: 26], [5: 278, 352]. Тогда Казаков побывал в Петрозаводске и на острове Кижы. По впечатлениям от поездки был написан рассказ «Адам и Ева», увидевший свет только в 1962 году [8].

В 1961 году Казаков приехал в Карелию вновь. На этот раз в Ухту (старое название поселка Калевала), где гостил у карельского писателя Ортё Степанова. Результатом поездки стал очерк «Калевала», опубликованный впервые в журнале «Знамя» в 1962 году (№ 10) и вошедший в состав цикла «Северный дневник». В архиве Ортё Степанова в Петрозаводске хранятся несколько писем и открыток, написанных Казаковым в период с 1961 по 1968 год². Переписка свидетельствует о живом и продолжавшемся в течение нескольких лет интересе Казакова к Карелии, а также содержит данные, относящиеся к творческой истории очерка «Калевала». В последней по времени монографии Ю. И. Дюжева об Ортё Степанове об этой встрече писателей сказано, но очень конспективно и без упоминания сохранившихся писем [3: 128–131].

Всего в архиве Степанова обнаружено 6 писем и 2 открытки от Юрия Казакова. Обе открытки и 4 письма написаны от руки, 2 письма отпечатаны на машинке с авторской подписью в конце текста.

Первое по времени письмо лаконично и написано вскоре после поездки в Ухту в 1961 году. По сути, это, скорее, записка, приложенная к посылке:

«Дорогой Ортё! Посылаю Вам книжку о Матиасе Кастрене, м. б. Вы её не читали.

Очерк о Калевале обязательно напишу. Пойдет он скорее всего в “Крестьянке” в № 11 или 12. Привет Т. Перттунен

Всего доброго. Ю. Казаков
16 IX 61 г»³.

Матиас Кастрен – шведско-финский филолог, исследователь северных языков и фольклора, основоположник сравнительной уралоистики. Вероятнее всего, в открытке речь идет о только

что вышедшей в Москве в 1961 году книге В. Б. Муравьева «Вехи забытых путей (Матисас Кастрен)» (Географгиз, серия «Замечательные географы и путешественники»). Интерес к Кастрену – свидетельство внимания Казакова в эти годы к карело-финскому культурному полю в целом. Например, в писавшемся и переписывавшемся в те же годы рассказе «Адам и Ева» появляется несколько локальных языковых и культурных реалий, хотя в рассказе, в отличие от очерка «Калевала», все детали поездки 1959 года подвергнуты поэтизации, обработке, топонимы сняты или изменены. И только карело-финские реалии позволяют легко догадаться о том, что это Карелия и Петрозаводск [8]. Интересно, что рассказ «Адам и Ева» появился в печати впервые в том же 1962 году, что и очерк «Калевала», только в другом, «толстом» журнале – «Москва» (№ 8). Скорее всего, работа над двумя текстами в 1961 году шла параллельно. Более того, погружение в сердце карело-финского мира в поездке в Калевалу 1961 года могло повлиять и на текст «Адама и Евы», а именно на введение черт, связанных с финно-угорским культурным полем. Так, в рассказе выразителен образ официантки Жанны Юоналайнен, говорящей с финским акцентом и использующей местную лексику: она называет озеро «ярви» (это слово неоднократно встречается и в «Калевале»). Рыбак в другом эпизоде использует слово «салма» («салми») – финское «залив»: «Как из салмы выйдешь, налево забирай, мимо маяка. Увидишь остров, к нему и правь» (I: 273). Это особенно заметно на фоне других очерков и рассказов о Кижях 1960–1970-х годов, в которых авторы-современники Казакова легко обходятся без специфических карельских реалий или топонимов, сосредоточиваясь на более общем севернорусском контексте⁴. К сожалению, нам неизвестно что-либо о черновых вариантах «Адама и Евы», если они вообще сохранились, так что окончательно подтвердить эту гипотезу пока не представляется возможным. Но в текстах рассказа и очерка есть и другие пересечения, в том числе на уровне примечательных словесных оборотов. Например, высаживаясь на острове, главный герой рассказа художник Агеев, осматриваясь, думает: «Ну, вот и конец света» (I: 267). Слова звучат в рассказе многозначно, в том смысле, что это и край света, и конец света одновременно. Библейские аллюзии заглавия и некоторые пространственные мотивы рассказа (действие на острове собрано во многом вокруг церкви, прототипом которой послужила церковь Преображения Господня) дополнительно акцентируют апокалиптическое значение оборота «конец света», а контекст путешествия – мотив «края света» или «края земли». В «Калевале», в эпизоде, где Казаков вспоминает о своей первой поездке на Север в середине 1950-х, есть похожее место, только в этом случае не свернутое,

а представленное так, что обе формулы стоят рядом: «А противоположный берег губы был уж и совсем дик и пуст, а за ним лежали какие-то деревни, очень редкие, небольшие, и между этими деревнями простирались десятки километров пустынного берега, по которому мне надо было пройти... Что же это – *конец света, край земли*, всеми забытый? (курсив наш. – Н. Ш.)» (II: 136). Все это свидетельствует о связях, существовавших между двумя текстами о Карелии в сознании самого автора, в тот момент, когда над ними шла работа. Связь, таким образом, оказывается более разносторонней, чем просто тематическая, и реализуется также на формальном уровне.

Действительно, заметная особенность очерка «Калевала» среди других северных текстов Казакова – это погружение в финноязычный мир. Местный языковой колорит много раз подчеркнут в повествовании: «...дорога шла то в гору, то под гору, час проходил за часом, народ в автобусе менялся, говорили кругом уже по-фински, пахла все лесом, годами не снимаемой закожнелой одеждой, мокрыми платками и фуражками, на полу поскрипывали уже пестери и корзины с морошкой, черникой...» (II: 134); «Не понимаю я по-фински, но слушаю жадно – такой это прекрасный, звучный язык, сдвоенные гласные и согласные...» (II: 136); «Он что-то говорит по-фински Татьяне Перттунен. Потом опять мне...» (II: 138); «И у Михеевой не говорят по-русски, и мне досадно, так хочется поговорить, расспросить, остается одно, пока они радуются, перебивают друг друга – смотреть» (II: 140) и т. д.

Упомянутая в записке «Т. Перттунен» – Татьяна Алексеевна Перттунен (1883–1963), знаменитая сказительница, исполнительница рун и карельских народных песен, жена правнука легендарного Архиппы Перттунена, от которого Леннрот записывал руны «Калевалы». В очерке Казаков неточно называет ее правнучкой рунопевца. Вместе с ней и с Ортъё Степановым Казаков едет на Ала-ярви в гости к другой сказительнице Марии Михеевой (1884–1969). Татьяне Перттунен посвящено больше всего внимания в очерке: «Восемьдесят лет этой Перттунен, даже, наверно, больше, она сказительница, и хоть лицо у нее, как у всех старух – и морщины там, рот запал, глаза повыцвели, – а все-таки присутствует в этом лице еще что-то: гордость ли, сознание ли собственного достоинства, или важности своей жизни, или известности, почета, каким она тут верно окружена <...> Она совсем не говорит по-русски, на меня не смотрит и ко мне не обращается, да и с Ортъё говорит мало, больше раздумывает о чем-то. Живет она одна – сама косит, гребет сено, ловит рыбу, ездит на острова за ягодой и грибами – словом, делает всю необходимую тяжелую мужицкую работу, без которой тут не проживешь. Но ведь восемьдесят лет!» (II: 136–137).

Кульминационная часть «Калевалы» – эпизод, в котором старухи-сказительницы по приезде в священную рощу на мысу на отдыхе у костра поют руны. Пению Перттунен и здесь уделено больше всего внимания: «Старуха Перттунен наклоняет голову, мы с Ортьё ложимся, растягиваемся на мху, и Ортьё мигает мне: сейчас начнет! <...>

Татьяна Перттунен говорит что-то вполголоса, и Ортьё тотчас переводит мне:

– Про то, как Вийнемейнен играл на кантеле из рыбьих костей...

И она запекает. Раздаются первые звуки ее невыразительного голоса, выговариваются торопливо первые слова, неустойчиво выпевается еще неуловимая на слух мелодия. Да! Она и не поет еще, а говорит речитативом, скоро несется, как ручей в лесу с его разнообразным, высоким и низким бульканьем.

Но лицо ее уже преобразилось – глаза сведены в одну точку, пальцы двигаются, скрючиваются и распускаются, голова вздрагивает и откидывается, глаза поднимаются на сосны, на даль озера, но тотчас опускаются. Иногда она повысит голос, нахмурит брови, вскрикнет грозное и поднимает руку, угрожая, но тут же и сникнет, забормочет, раскачиваясь, что-то жалобное.

Каикиппа ноуси кууломаа

метсяста метсян еелаваа...

Вот что приблизительно слышу я на свой русский слух. Ортьё кое-как успевает шепотом переводить мне обрывки руны, и я чувствую, как мороз медленными волнами проходит у меня по спине, и дыхание стесняется» (II: 141–142).

О сказительницах Казаков не раз вспоминает в последующих письмах. Одно из них не датировано, конверт не сохранился, но по содержанию можно предположить, что написано оно в 1962 году. В письме идет речь о подготовке очерка к печати:

«Дорогой Ортьё!

Жизнь наша идет по пословице: “Не так живи, как хочешь...” И так вышло, что в прошлом году не сумел я написать про Т. А. Перттунен и про Вас и про Михееву. А теперь вот только засел за очерк, который выходит у меня похож на рассказ. Я его кончаю, через несколько дней будет готов. Отдам я его скорей всего в “Крестьянку” – там тираж побольше – или в “Советскую женщину”. Но там он когда-то выйдет, когда дойдет до Ухты и м. б. несколько экземпляров всего... Так что, когда кончу, я Вам пришлю один экземпляр – распорядитесь им по своему усмотрению. М. б. напечатаете в районной или переведете на финский – дело Ваше.

И еще просьба: если есть хорошие снимки у Вас или Т. Перттунен – озера или самой Перттунен или вообще ваших мест – немедленно шлите их мне по адресу: г. Таруса, Калужской обл.

Почта, до востребования Казакову Ю. П. Я их пошлю в тот журнал, где будет помещен очерк.

Передайте мой привет Т. А. Напишите, как вообще поживаете. Жду снимков!

С приветом

Ю. Казаков».

В письме от 7 ноября 1962 года Казаков уже сообщал о выходе очерка в печати: «Насчет моего очерка м. б. вам будет интересно узнать, что через Агентство Печати Новости он был распространен за границей и печатался где-то в Скандинавии, в Канаде и т. д. – где есть финское народонаселение. Я было хотел этот очерк отдать в “Огонек” или “Крестьянку”, но тут вы виноваты. Я писал вам, просил фотографии, но так и не дождался.

Рад буду, если очерк передадут по радио, как вы писали – и не столько за себя рад, сколько за Т. Перттунен и М. Михееву и за вас, поскольку о вас всех идет там речь.

Может быть я что-нибудь напутал в очерке /в названиях или фактах/ – так уж вы не сердитесь на меня, это случается почти постоянно, когда в месте и среди людей, о которых пишешь, пробудешь всего несколько дней».

И снова 9 марта 1963 года: «Передайте Перттунен, что очерк о ней выходил в Финляндии, Норвегии, сейчас переводится в Швеции и еще на английский язык (журнал “Сов. литература” на английском языке). Я очень рад такому обороту дела, не зря ездил к вам в Ухту».

По письмам 1962–1963 годов видно, что не все в литературном сотрудничестве двух писателей складывалось идеально. Из письма 1962 года можно понять, что Ортьё Степанов рассчитывал получить помощь с переводом (вероятно, на русский язык) и публикацией одного из своих текстов. Скорее всего, речь шла о вышедшей в 1961 году на финском языке повести «Suurilla selkosilla». И Казаков в ответных письмах оправдывается в том, что эту помощь оказать не может. В письме от 7 ноября 1962 года писатель еще выражает готовность участвовать: «Теперь о вашей повести (или рассказе?) – я еще не смотрел, т. к. недавно приехал и вряд ли у меня найдется время сделать это раньше декабря – я делегат предстоящего совещания молодых и потом не был дома три месяца, накопилось очень много дел, переписки, изданий и переизданий – так что не сердитесь и потерпите». Спустя полгода, 9 марта 1963 года, Казаков окончательно отказывается от обещания перевести произведения Ортьё Степанова, с грустью сообщая об этом: «Очень жалко, что не могу я ничем Вам помочь <...> Не сердитесь на меня, ей-богу, я не могу сейчас осилить перевод. Для этого нужно светлое состояние души и досуг, а ни того ни другого долго верно у меня не будет».

В отсутствие ответной части переписки (сохранились ли письма Ортьё Степанова, неизвестно,

среди опубликованных материалов их нет, а значительная часть архива в Абрамцево после смерти Казакова была утрачена [6: 287–288]) сложно сказать, как развивались отношения писателей в эти годы. Можно только констатировать заметное напряжение, которое по каким-то причинам разрешается к 1965 году. Об этом свидетельствует как сам текст, так и общая интонация письма от 22 сентября 1965 года, в котором Казаков возвращается к воспоминаниям о своей поездке в Ухту в 1961 году. В этом письме меняется даже форма обращения к Степанову – не «Вы», а «ты» – и Казаков использует те формулы, которые встречаются в его переписке с ближайшими друзьями (например, с упоминавшимся уже Виктором Конечким, одним из его постоянных адресатов и ближайшим другом на протяжении многих лет) – «старик» (в значении неформального, ироничного обращения), «милый». Интересно, что интимность тона появляется и по отношению к Карелии, которую Казаков в письме называет «наша Карелия».

Приводим текст письма полностью:

«Дорогой Артём Михайлович!

Листал сегодня свою старую записную книжку и попался мне твой адрес, вспомнил я лето 1961 года и свою поездку за Калевалой, и сердце моё наполнилось грустью, как всегда бывает при хороших воспоминаниях.

Может быть, тебе небезынтересно будет узнать, что “Калевала” моя обошла чуть не весь мир, переведена была на множество языков, и совсем недавно была напечатана во Франции в юбилейном тысячном номере знаменитого литературного приложения “Фигаро литерер”. Из иностранных авторов в этом номере присутствуют только два: американец Фолкнер и я. Видишь, какая штука получилась с Калевалой-то. Поистине счастливо было для меня то лето в далёком 1961 году.

А ведь я помню всё – и как спал у тебя на диване, как пружины мне в бок проникали, какие бледные прозрачные ночи были над озером, над Куйто-ярви и как рад был я, что встретил тебя, познакомился с тобой.

И вот теперь думаю – неужто не приеду я больше в Карелию, неужто не попаду в те благословенные места? А ведь ты хотел мне ещё показать свою родину, повезти уже в какую-то совершенную глушь!

Нет, старик, попаду! Я ещё приеду, я ещё выпью воды из прозрачных озёр твоей прекрасной родины, Ортъе!

Будь здоров, милый! Напиши мне, что новенького, как твои книги и вообще как живёт-может наша Карелия?

Адрес мой до 10 октября такой: Друскининкай, Литовской ССР, Почтамт, до востребования. 22 сент 65

Твой Ю. Казаков».

Приехать к Ортъе Степанову вновь Казакову так и не удалось. Но как минимум до конца 1960-х он следит за творчеством своего карельского проводника, не теряет решимости встретиться вновь, устраивает поездки в Карелию для своих знакомых: предположительно, в 1963 году – для Татьяны Смеляковой (жены поэта Ярослава Смелякова), в архиве Ортъе Степанова сохранилось ее письмо от 15 августа 1963 года с приветом от Казакова, в 1966 – для Федора Поленова. Об этих взаимодействиях говорится и в письме Казакова к Степанову от 10 июля 1966 года:

«Дорогой Ортъе!

В этом году я так и не смогу наверное приехать – а хотелось бы. Но вот просьба к тебе такая – прими, пожалуйста, моих друзей Федора и Люсю Поленовых, покажи им ваши красоты, свози если найдешь время к себе в деревню, возьми на рыбалку, дай возможность им послушать какую-нибудь народную сказительницу и прочее.

Очень буду рад и благодарен, если ты что-то для них сделаешь, я им много говорил о тебе и о ваших местах.

Татьяна Смелякова со слезами на глазах вспоминала тебя и твой край. И я надеюсь, что ты приобщишь к Карелии еще двух друзей.

Будь здоров, дорогой, как только выйдет “Северный дневник” отдельной книгой, так пришлю тебе.

Всего самого доброго здоровья и творческих успехов.

Ю. Казаков
10 VII 66».

Федор Поленов (1929–2000) – внук и исследователь творчества Василия Поленова (1844–1927), директор Дома-музея В. Поленова под Тарусой в 1960–1990-х годах. С Казаковым они познакомились в 1958 году, когда путешествовали по Оке. Игорь Кузьмичев, рассказывая об их дружбе, отмечает любопытные пересечения судеб [5: 163], к которым следует добавить еще одно: Василий Поленов в детстве с семьей неоднократно бывал в Олонецкой губернии, а в 1861–1963 годах учился в Олонецкой губернской мужской гимназии в Петрозаводске. Эти факты могли всплывать в разговорах с Федором Поленовым во время совместных путешествий. А в 1959 году Казаков и сам побывает в Петрозаводске. Не исключено, что не только вслед за любимыми Пришвиным и Паустовским [8: 69–70], но и в места юности Василия Поленова, с внуком которого он был так дружен.

В 1967 году у Ортъе Степанова в Петрозаводске вышла повесть на финском языке «Koetus korpikylässä (Поединок в таежной деревне)». Открыткой Казаков поздравляет Степанова с выходом повести: «Дорогой Ортъе! Прими, пожалуйста, от меня Новогодние поздравления тебе и твоей семье.

Поздравляю с выходом повести! Хотелось бы повидаться летом!
Ю. Казаков».

На обороте приписка: «У тебя самый поэтический адрес в мире!». Адрес Степанова на открытке:

Карельская АССР
п. Калевала
ул. Рун Калевалы 13».

По всей вероятности, летом встреча могла бы состояться у Степанова. Но исполнить замысел не удалось. А в декабре 1968 года Казаков зовет Степанова к себе в Москву:

«12 дек 68 г.

Дорогой Артем! Извини, что пишу тебе на Союз Писателей, потерял твой адрес.

У меня до тебя просьба – года два назад ко мне обратилась составительница сборника рассказов, статей, очерков и пр. – о Карелии. Сборник должен был выйти еще в 67 году. Я послал им “Калевалу” и с тех пор – ни слуху, ни духу. Я к сожалению, забыл фамилию составителя, но если такой сборник появился, то ты бы должен о нем знать. Ответь мне. Я купил себе дом. Будешь в Москве, заезжай в гости!

Обнимаю твой Ю. Казаков».

На обороте открытки вид и карта-схема поселка Абрамцево с его литературными достопримечательностями. Не совсем ясно, состоялась ли планировавшаяся перепечатка «Калевалы» в сборнике. В ежегоднике «Бригантина: сборник рассказов о путешествиях, поисках, открытиях» (Москва, 1967; составитель – Вл. Стеценко) был перепечатан очерк Казакова «Белые ночи» из цикла «Северный дневник». «Калевалы» в «Бригантине» нет. Сведения о перепечатке «Калевалы» в каких-либо сборниках в библиографии Казакова отсутствуют [7: 320].

Переписка Казакова и Степанова – это еще одно звено, связавшее московского писателя с Карелией на несколько лет, помимо тех поездок, которые он совершил, и впечатлений, которые переплавились в тексты рассказа «Адам и Ева» и очерка «Калевала». Она позволяет уточнить

наше представление о роли, которую карельские маршруты сыграли в формировании поэтической топографии автора и, в частности, образа Севера как «края света» или «конца света» и одновременно места ярких людей, древней культуры, встречи с подлинной реальностью. В текстах, родившихся из карельских впечатлений, Казаков, что важно, не упрощает картину, не идеализирует свои северные скитания. Его Север – не лубочный, он многократно проблематизирован. Это особенно чувствуется в «Калевале», где автор обобщает свои наблюдения, вынесенные из многих поездок: «Печален все-таки Север! Лет шесть назад попал я на Север впервые, всю ночь плыл на пароходе из Архангельска, долго не спал, стоял на пустой палубе, ждал морской качки. Но не было качки, сияла низкая багровая луна, у борта вспыхивали, мерцали зеленые искры, а широкая лунная дорога тянулась до горизонта и там растворялась в блистающем мареве <...> И все это грянуло впервые на меня, ошеломило до озноба: вот и я здесь, вот и я сам вижу то, о чем только читал когда-то. Но меня подстерегало и другое – щемящее чувство пустынности, одиночества...» (II: 135). Северная меланхолия, впрочем, не отменяет открытий, совершаемых здесь внимательным человеком. И в финале очерка писатель представляет акценты, выражая надежду на светлое будущее северных земель, которое продолжило бы их мощное прошлое: «И когда поднимаемся, когда начинает овеять нас теплый нежный ветер, когда кругом видна, кажется, вся страна с синими озерами, с нагромождениями камней и маленькими редкими деревеньками, – я думаю: придет время, и ничего этого не будет, не станет дикости, пустынности, на берегах озер возникнут стеклянные дома – тут ведь особенно любят свет! – и побегут шелковистые розовые, и желтые, и голубые дороги, и среди лесов будут краснеть острые черепичные крыши ферм, отелей и городов – тогда забудется многое, забудется бедность, приниженность избушек, бездорожье, одно не забудется – не забудется Калевала и великий дух Вьяйнемейнена, осеняющий эту прекрасную страну, и имена сказителей, несших этот дух сквозь столетия» (II: 144).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Казаков Ю. Избранные письма // Казаков Ю. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Вечерний звон. М.: Русский мир, 2008. С. 340, 388–389. Далее в статье ссылки на тексты Ю. Казакова приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках тома и страницы.

² Автор статьи благодарит директора Национального музея Республики Карелия Михаила Леонидовича Гольденберга за информацию о сохранившихся в архиве Степанова письмах Казакова; Михаила Артемовича и Ольгу Николаевну Степановых, хранителей архива, за предоставленную возможность работать с документами; Тамару Михайловну Судник-Казакову за разрешение ввести материалы переписки в научный оборот.

³ Все цитируемые письма приводятся в авторской орфографии и пунктуации. В машинописных текстах Казаков пользовался буквой «е», в письмах, выполненных от руки, унифицировал написание «е» и «ё».

⁴ Ср., например, очерк «Кижи. Октябрь» Сергея Высоцкого (Молодая гвардия. 1965. № 7), рассказ «Кижи» Ирины Мазурук (Знамя. 1967. № 3), «Онежскую быль» Л. Озерова (Юность. 1972. № 7).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакин А. По следам героев «Северного дневника» Юрия Казакова // Соловки в литературе и фольклоре (XV–XXI вв.): Сборник научных статей и докладов международной научно-практической конференции. Архангельск; Соловки, 2015. С. 238–251.

2. Г а л и м о в а Е. Ш. Художественный мир Юрия Казакова. Архангельск: Издательство Поморского государственного университета, 1992. 172 с.
3. Д ю ж е в Ю. И. Народный карельский писатель Ортё Степанов. Петрозаводск, 2010. 271 с.
4. К о н е ц к и й В. В. Некоторым образом драма. Л.: Советский писатель, 1989. 368 с.
5. К у з ь м и ч е в И. Жизнь Юрия Казакова: документальное повествование. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга: Журнал «Звезда», 2012. 536 с.
6. Н а г и б и н Ю. Время жить. М.: Современник, 1986. 511 с.
7. Русские советские писатели-прозаики: Библиографический указатель. Т. 7. Ч. 1. М.: Книга, 1971. 502 с.
8. Ш и л о в а Н. Л. Адам и Ева на острове Кизи: Об одном сюжете Юрия Казакова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. Вып. 4. С. 67–73.

Shilova N. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**YURI KAZAKOV AND KARELIA
(ACCORDING TO LETTERS TO ORTJO STEPANOV DURING 1961–1968)**

The article continues the study of biographical and creative communications of the famous writer Yuri Kazakov (1927–1982) with the Republic of Karelia. It reviews the unpublished letters and cards sent by Kazakov to the Karelian writer Ortjo Stepanov in the period from 1961 to 1968. Materials stored in the archive of Petrozavodsk indicate Kazakov's attention to Karelia for several years and show his personal and creative relationships with Stepanov, who became a guide to the Finno-Ugric world for the Moscow writer. The studied correspondence allows us, moreover, to trace the links between the two texts written by Kazakov on Karelian materials and released almost simultaneously in 1962 – they are the story of “Adam and Eve” and the essay “Kalevala”. These texts reflected impressions of two unstudied trips of the writer to Karelia: to the island of Kizhi in 1959 and to Ukhta (Kalevala) in 1961.

Key words: Yuri Kazakov, Ortjo Stepanov, archives, letters, Kalevala, Karelia

REFERENCES

1. B a l a k i n A. In the footsteps of heroes “Severn diary” Yuri Kazakov [Po sledam geroev “Severnogo dnevnika” Yuriya Kazakova]. *Solovki v literature i fol'klore (XV–XXI vv.)*. Arkhangelsk, Solovki, 2015. P. 238–251.
2. G a l i m o v a E. Sh. *Khudozhestvennyy mir Yuriya Kazakova* [Artistic world of Yuri Kazakov]. Arkhangelsk, 1992. 172 p.
3. D j u z h e v Ju. I. *Narodnyy karel'skiy pisatel' Ort'ye Stepanov* [People Karelian writer Ortjo Stepanov]. Petrozavodsk, 2010. 271 p.
4. K o n e c k i j V. V. *Nekotorym obrazom drama* [A kind of Drama]. Leningrad, 1989. 368 p.
5. K u z ' m i c h e v I. *Zhizn' Yuriya Kazakova. Dokumental'noe povestvovanie* [The Life of Yuri Kazakov. Documentary narration]. St. Petersburg, 2012. 536 p.
6. N a g i b i n Ju. *Vremya zhit'* [Time to live]. Moscow, 1986. 511 p.
7. *Russkie sovetskie pisateli-prozaiki: Biobibliograficheskiy ukazatel'* [Russian Soviet prose writers. Bibliographic Index]. Vol. 7. Part 1. Moscow, 1971. 502 p.
8. S h i l o v a N. L. Adam and Eve on the island of Kizhi: On one story of Yuri Kazakov [Adam i Eva na ostrove Kizhi: Ob odnom syuzhete Yuriya Kazakova]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 9. Philology. Oriental. Journalism]. 2014. Issue 4. P. 67–73.

Поступила в редакцию 30.01.2017

МАДИНА РАВИЛЕВНА ТАЗЕТДИНОВА

аспирант кафедры русской литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет (Москва, Российская Федерация)
lingve@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЕТСТВА В СБОРНИКЕ К. И. ЧУКОВСКОГО «МАЛЕНЬКИЕ ДЕТИ»

Проанализированы исследовательские работы и литературные публикации рубежа XIX–XX веков о детской речи, нашедшие отражение в сборнике статей К. И. Чуковского «Маленькие дети». В выявленном контексте сборник рассматривается как попытка приведения к единой концепции современных Чуковскому научных и литературных воплощений идеи детства. Выдвинута гипотеза о формировании в творчестве писателя лингвистической концепции детства.

Ключевые слова: К. И. Чуковский, детская речь, русская литература 1920-х годов, концепция детства, детская литература, детский фольклор

Широкая популярность книги «От двух до пяти» нередко приводит к представлению о Чуковском как первом собирателе «детских речений» и исследователе особенностей детского словообразования. Например, исследователь онтологии детства Н. И. Лепская упоминает данную книгу, утверждая, что помимо Чуковского «лингвистика до последнего времени мало обращала внимания на такой “уникальный” языковой материал, как детское словообразование» [3: 114]. Однако появление книги не было исключительным событием, более того, оно было подготовлено ходом зарубежного и отечественного научного осмысления детства.

Интерес к теме детства в русской культуре и литературе возрастал с конца XIX века и вплоть до середины 1930-х годов. В начале XX века начала оформляться, по определению И. Н. Арзамасцевой, «лингвопоэтическая идея детства», связанная с возрожденной в эстетике модернизма «романтической идеей первичного поэтического языка, на котором выражается народный гений в пору своего младенчества» [1: 186]. Исследователь также отмечает, что детская речь, в частности словотворчество, оказалась в поле зрения не только поэтов и писателей, но также лингвистов, психологов и педагогов; начали появляться сборники детского фольклора и словари детской речи: «Не случайно именно в пору кризиса классического гуманитарного мышления была объявлена новой эстетической ценностью детская речь, причем ей был субъективно придан более высокий статус языка, которым речь детей никогда не является в действительности» [1: 164]. Однако поначалу не существовало единого подхода к оформлению и классификации детских высказываний. Каждый из составителей и исследователей пользовался собственными критериями отбора и предлагал свою интерпретацию. Так, основоположница теории общественного дошкольного воспитания и основательница первого в России детского сада А. С. Симонович (1844–1933) составила словарь детского языка, а также

написала работу «О детском языке» (1880). В ней отмечается сходство детской речи с народной, в первую очередь в ее изменчивости и постоянном развитии¹. Однако о детском словотворчестве здесь речи еще не идет, а примеры, представленные в небольшом «словаре детской речи» в приложении, сами по себе еще не рассматриваются как объект исследования.

В 1911 году К. И. Чуковский, на тот момент известный литературный критик, в большой статье «Матерям о детских журналах»² поднял вопрос об особом «детском» языке и специфике создания произведений для детского чтения. В 1928 году выдержки из статьи вместе с другими материалами, посвященными детской речи, были включены в брошюру «Маленькие дети» (переиздана в 1929 году с исправлениями и дополнениями). В третьем издании 1933 года брошюра была расширена до объема книги и получила название «От двух до пяти». В настоящей работе мы рассматриваем брошюру «Маленькие дети» (1928) как попытку автора обобщить современные интерпретации «детского языка», как начало большой работы по оформлению важнейшей для него идеи о детском языковом гении.

Между первым обращением Чуковского к детской речи и его возвращением к данной теме прошло более пятнадцати лет. За это время в научной, преимущественно педагогической, литературе детская речь стала самостоятельной областью изучения. К детской речи обращался ведущий специалист по возрастной и педагогической психологии Н. А. Рыбников (1880–1961) в работе «Язык ребенка» (1920). Как и Симонович, он усматривал общность в речи детей различных национальностей³, а кроме того, проводил аналогию между словотворчеством, происходящим у ребенка непосредственно, и сознательным процессом работы со словом у взрослых.

По существу, исследования детской речи составили особый раздел возрастной психологии и педагогики. Однако детская речь сама по себе выходила за рамки педагогической науки и привлекала

внимание лингвистов и литераторов. На этом фоне «Маленькие дети» представляются нам попыткой популяризации научных тенденций, перемещения фокуса с психологии детства на детскую речь как непосредственный объект исследования.

Помимо научных собраний, существовали записи детских речений в художественной обработке. Они являлись, скорее, сборниками коротких рассказов о детях, близкими по форме к сборникам анекдотов. В русской периодической печати начала XX века такие записи обычно помещались в разделах для семейного досугового чтения. Например, анонимный сборник «Смешные рассказы для детей», вышедший приложением к петербургскому журналу «Пробуждение» (1906–1918), который позиционировался, по заявлению редакции, как «единственный в России иллюстрированный художественно-литературный и научный журнал» и носил, скорее, развлекательный и популяризаторский характер⁴. Сборник составляли короткие бытовые сценки-диалоги, имеющие форму анекдота. Отметим, что высказывания детей, помещенные в начало брошюры «Маленькие дети», также стилизованы под анекдоты: это сжатые тексты с предельно скупой характеристикой персонажей, чтобы не перегружать текст документальными подробностями. Минимальная информация дана только затем, чтобы создать контекст для неожиданной реплики, которая выполняет роль анекдотического «пунта»: «Мальчику дали стакан молока без обычного блюдца. Он поморщился: “Почему этот стакан босиком?”»; «Увидел в музее мамонта. “А где же папонт?”»⁵. Возможно, подобным приемом Чуковский привлекает внимание широкой читательской аудитории, чтобы затем подвести читателя к серьезной теме.

Иное отношение к детской речи выразил В. В. Вересаев в своих «Детских рассказах», опубликованных в литературно-художественном альманахе «Недра» в том же году, что и первое издание «Маленьких детей». Как и первые статьи Чуковского о детском языке, эти рассказы основаны на собственных наблюдениях Вересаева, их герои – реальные дети. Писатель подчеркивал документальность своих рассказов и впоследствии издал их в сборнике под заголовком «Невыдуманные рассказы» [5: 78]. Помимо особенностей детского мышления, Вересаев интересовал собственно процесс освоения детьми языка. Наблюдая за племянником, который, запоминая новые слова, повторяет их, «как будто колдует», Вересаев высказывает мысль о детской языковой гениальности: «Чувствуешь, какая колоссальная умственная работа совершается в этом маленьком мозгу, какое все время огромное происходит напряжение памяти; он непрерывно усиленно учится, – жадно и так незаметно, играючи, с *детски-гениальной легкостью усвоения*... Ни один взрослый мозг не выдержал бы такой работы и такой массы впечатлений»⁶.

Слова Вересаева схожи с рассуждениями Чуковского о детском языковом гении: «У взрослого лопнул бы череп, если бы ему пришлось в такое малое время усвоить то множество грамматиче-

ских форм, которые так легко и свободно усваивает двухлетний лингвист. И если изумителен труд, выполняемый им в это время, еще изумительнее та беспримерная легкость, с которой он этот труд выполняет»⁷. Отметим, что Чуковский в «Маленьких детях» цитатами из вересаевских рассказов иллюстрирует свое утверждение о том, что «нынешние наши художники слова стали все чаще и любознее прислушиваться к детским речам», так что «современный читатель воспринимает этот детский фольклор как явление чисто художественное»⁸. Однако Чуковский, в отличие от Вересаева, идет дальше любования языковым гением ребенка, исследуя психологические закономерности детской работы над языком и сравнивая наивное словотворчество с поэтическим творчеством. Работы Вересаева и Чуковского объединяет понимание детства, пограничное между естественнонаучной и эстетической оценками.

Примечательно, что в один год с книгами Чуковского и Вересаева вышел «Детский фольклор» О. И. Капицы – первая монография и вместе с тем учебное пособие по собиранию и исследованию детского фольклора. В этом фундаментальном труде Капица отдельно говорит о словотворчестве детей, утверждая, что «ребенок так же изобретателен и смел в своих словообразованиях, как поэт; пожалуй, еще смелее в своей наивности, в своей естественности»⁹. Новые слова, создаваемые маленькими детьми в процессе освоения родного языка, Капица рассматривает наряду с обычными формами фольклора, отмечая при этом гораздо меньшую устойчивость словаря детского словотворчества по сравнению с детским фольклором, что затрудняет классификацию детских словообразований¹⁰.

Творческие поиски поэтов, пишущих для детей, в начале XX века были неразрывно связаны с детской поэзией писателей-фольклористов. В процессе литературной обработки для детей народной поэзии складывались универсалии поэтики детского стиха, «восходящие к детскому фольклору и в некотором роде дополняющие и развивающие... “Заповеди для детских поэтов” К. Чуковского» [4: 15]. Множество детских поэтов-фольклористов вышли из объединения в Институте живого слова, из студии детских писателей при ленинградском отделении Детиздата, там же пересекались пути Капицы и Чуковского в 1919 и в начале 1920-х годов [2]. Тем не менее ни в первом, ни во втором издании «Маленьких детей» Чуковский не упоминает «Детский фольклор».

В своем сборнике Чуковский придерживается независимой позиции, не продолжая существующих идей и не отталкиваясь от них. Из упомянутых нами работ он откликнулся лишь на одну – «Язык ребенка» Н. А. Рыбникова, причем с резкой критикой, несмотря на сходство выводов Рыбникова с идеями, высказанными позже в «Маленьких детях». В частности, в архиве Чуковского сохранилась машинопись рецензии на переиздание «Языка ребенка» 1926 года, в которой он упрекает исследователя в излишней

сухости подхода, в том, что за строгой классификацией способов словообразования Рыбников не замечает непосредственный объект своего исследования – ребенка. «Во всей книге ни одной улыбки, – отмечает Чуковский, – этак выходит “научнее”. Даже детские слова выбирает он серенькие, чтобы мы не вздумали восхищаться детьми. Нынче восхищаться детьми – моветон»¹¹. Отечественному подходу Чуковский противопоставляет европейский, попутно отмечая вторичность исследования Рыбникова по отношению к работам зарубежных ученых.

С характерной для себя восприимчивостью к идейным веяниям времени Чуковский в своей книге стремился обобщить единичные воплощения «лингвопоэтической идеи детства» и придать им форму единой концепции. При этом, игнорируя или отмечая большинство крупных

работ о детском языке, строгому научному подходу он противопоставляет эстетический подход. В первую очередь, концепцию Чуковского характеризует связь детской речи с народной, а детского словотворчества – с фольклором. Одним из ключевых моментов является представление о ребенке как о «гении» и словотворце, идея о схожести детского способа интуитивного, творческого постижения мира и творческого процесса в широком понимании, детской врожденной «словесной чуткости» – с поэтической экспрессивностью. Главная находка писателя заключается в открытии художественной ценности речи ребенка самой по себе, вплоть до рассмотрения ее в качестве творческого образца. Все эти идеи Чуковский развивал в дальнейших изданиях книги «От двух до пяти», а также воплощал в собственном творчестве для детей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Симонович А. С. Сравнение периодов индивидуального развития ребенка с эпохами человечества. № 2. О детском языке. СПб.: Тип. А. М. Котомина и К^о, 1884. 20 с.
- ² Чуковский К. И. Матерям о детских журналах. СПб.: Русская скоропечатня, 1911. 103 с.
- ³ Рыбников Н. А. Словарь русского ребенка. Материал по развитию детского языка. М., 1926. 112 с.
- ⁴ Смешные рассказы для детей: Сборник. Вып. IV-й. Бесплатное приложение к журналу «Пробуждение». Редакция Литературно-художественного и научного журнала «Пробуждение». СПб., б. г. С. 51–64.
- ⁵ Чуковский К. И. Маленькие дети. Детский язык. Экикики. Лепые нелепицы. Л.: Красная газета, 1928. 96 с.
- ⁶ Вересаев В. В. Детские рассказы: Очень коротенькие // Недра: Литературно-художественные сборники / Отв. ред. Н. С. Ангарский. М.: Недра, 1928. Кн. 13. С. 169–185.
- ⁷ Чуковский К. И. Маленькие дети. Детский язык. Экикики. Лепые нелепицы. Л.: Красная газета, 1928. 96 с.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Капица О. И. Детский фольклор. СПб.: Прибой, 1928. 222 с.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Чуковский К. И. «В защиту ребенка. (Н. Рыбников “Язык ребенка”. Госиздат, 1926)». Рецензия. Машинопись с авторской правкой. 1926. НИОР РГБ. Ф. 620. К. 17. Ед. б.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамасцева И. Н. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930 годов: Монография. М.: Прометей, 2003. 404 с.
2. Капица О. И. Из свода детского фольклора (предисловие Ф. С. Капицы) // Русская речь. 1993. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russkayarech.ru/files/issues/1993/3/17-kapica.pdf> (дата обращения 18.09.2016).
3. Лепская Н. И. Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации. М.: МГУ, 1997. 151 с.
4. Лойтер С. М. Поэтика детского стиха в ее отношении к детскому фольклору. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 213 с.
5. Путилова Е. О. Невыдуманные рассказы. Викентий Вересаев // Путилова Е. О. Золотых ступенек ряд. Книга о детстве и книги детства. СПб.: Санкт-Петербургская общественная организация «Союз писателей Санкт-Петербурга»: Фонд «Дом детской книги», 2015. 312 с.

Tazetdinova M. R., Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

LINGUISTIC CONCEPTION OF CHILDHOOD IN KORNEY CHUKOVSKY'S BOOK "LITTLE CHILDREN"

The work analyses scientific and literary works written at the turn of the XIX–XX centuries, which are devoted to the topic of child speech reflected in Chukovsky's collection of articles "Malenkiye Deti" ("Little Children"). In this context the study considers the book as a preliminary to "From Two to Five". The study suggests that this linguistic concept of childhood, which was rather popular in 1920s, had influenced Chukovsky's ideas.

Key words: Korney Chukovsky, child speech and language, Russian literature of the 1920s, linguistic concept of childhood, children's literature, children's folklore

REFERENCES

1. Arzamascova I. N. "Vek rebenka" v russkoy literature 1900–1930 godov: Monografiya ["The Age of a Child" in Russian literature in 1900–1930 yrs: a monograph]. Moscow, Prometey Publ., 2003. 404 p.
2. Kapitsa O. I. Extracts from a corpus of children's folklore [Iz svoda detskogo fol'klora (predislovie F. S. Kapitsy)]. *Russkaya rech'*. 1993. № 3. Available at: <http://russkayarech.ru/files/issues/1993/3/17-kapica.pdf> (accessed 18.09.2016).
3. Lepskaja N. I. *Yazyk rebenka: ontogenez rechevoy kommunikatsii* [Child language: genesis of verbal communication]. Moscow, MGU Publ., 1997. 151 p.
4. Lojter S. M. *Poetika detskogo stikha v ee otnoshenii k detskomu fol'kloru* [Poetics of children's poetry related to children's folklore]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2005. 213 p.
5. Putilova E. O. True-life stories. Vikentij Veresaev [Nevyumannye rasskazy. Vikentij Veresaev]. *Putilova E. O. Zolotykh stupenek ryad. Kniga o detstve i knigi detstva*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskaya obshchestvennaya organizatsiya "Soyuz pisateley Sankt-Peterburga", Fond "Dom detskoj knigi" Publ., 2015. 312 p.

Поступила в редакцию 19.10.2016

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

<i>Samoylov N. A.</i> SCIENTIFIC RESULTS OF MANNERHEIM'S EXPEDITION IN ASIA, 1906–1908	7
<i>Abukov S. N.</i> SIMEON THE PROUD MARRIAGE WITH MARIYA ALEXANDROVNA IN THE CONTEXT OF THE MOSCOW-TVER RELATIONS	14
<i>Volokhova V. V.</i> HISTORY OF THE COMMON GRAVE OF COM- MUNISTS IN THE CONTEXT OF PETROZA- VODSK POLITICAL LIFE DURING THE RUS- SIAN CIVIL WAR	19
<i>Inozemtseva V. A., Chernenkova E. I.</i> THE INSTITUTE OF PUBLIC EXPERTISE IN PRACTICES OF POWER AND PUBLIC COOP- ERATION: THE HISTORIOGRAPHICAL RE- VIEW OF NATIONAL LITERATURE	27
<i>Klyashev A. N.</i> SOCIAL AND DEMOGRAPHIC CHARACTER- ISTICS OF THE FINNO-UGRIC SPEAKING PROTESTANTS OF THE URAL REGION	34
<i>Savitskiy I. V.</i> RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ABOUT THE CRIMEA ENTERING RUSSIAN FEDERATION IN 2014	43
<i>Tarasov A. Yu., Gogolev M. A.</i> RAW MATERIAL'S BASE OF THE ENEOLITH- IC INDUSTRY OF CHOPPING TOOLS FROM LAKE ONEGA (AN ATTEMPT OF GEOCHEMI- CAL STUDY)	51
<i>Shevchenko M. N.</i> THE EVOLUTION OF CHURCH-STATE RELA- TIONS IN RUSSIA OF THE XVI–XVII CENTU- RIES (CASE STUDY OF THE RITUAL “PRO- CESSION ON A DONKEY” DURING THE WAILLY WEEK)	60
<i>Dankov M. Yu.</i> THE MARSEISES FAMILY CLAN IN THE RUSSIAN NORTH	65

<i>Zaytsev A. A.</i> THE PERSONAL ARCHIVE OF N. N. VOLKOV AS A SOURCE FOR STUDYING BELIEFS OF THE SAMI	72
<i>Patrash N. V.</i> TO THE QUESTION OF MAGISTRATE'S COURT REGAINING IN PSKOV PROVINCE IN 1917	78
<i>Shtykova I. S.</i> THE FIRST STEPS IN MEMORIAL LAND- SCAPE DEVELOPMENT: PROJECTS OF WAR MEMORIALS IN KARELIA IN THE SECOND HALF OF THE 1940s	86

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Kosheleva M. V., Mullonen I. I.</i> THE I. INFINITIVE FORM OF THE BALTIC- FINNISH CONTRACT VERBS IN THE VEPS LANGUAGE	92
<i>Shubina N. S.</i> FUNCTIONAL POTENTIAL OF SPECIFICA- TION CONSTRUCTIONS IN THE LITERARY TEXT (POETRY VS. PROSE)	97
<i>Galay K. N.</i> F. JAMMES IN EARLY WORKS OF I. EHRENBURG ..	103
<i>Zakharova O. V.</i> GENRE TRANSFORMATIONS IN “THE TALE ABOUT STRONG BOGATYR CHURILA PLEN- KOVICH” BY V. A. LEVSHIN	107
<i>Kozin A. A.</i> “A LEGEND ABOUT THE DEAD SOLDIER” BY B. BRECHT: TO THE QUESTION OF THE GEN- RE EVOLUTION	112
<i>Shilova N. L.</i> YURI KAZAKOV AND KARELIA (ACCORD- ING TO LETTERS TO ORTJO STEPANOV DUR- ING 1961–1968)	115
<i>Tazetdinova M. R.</i> LINGUISTIC CONCEPTION OF CHILDHOOD IN KORNEY CHUKOVSKY'S BOOK “LITTLE CHILDREN”	121